

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Поздняков А. Н.** Образовательная реформа Александра I: некоторые суждения и оценки в русской историографии XIX – начала XX века 5
- Зайцев М. В.** Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке 11
- Зуев А. В.** Русское общество пароходства «Рюрик» 18
- Данилов В. Н.** Украинская тема в обществе историков-марксистов 22
- Климов А. А.** Применение войск НКВД в борьбе с националистическими формированиями на территории Прибалтики в заключительный период Великой Отечественной войны (1944–1945 годы) 30
- Герман А. А.** Послевоенное общественное движение российских немцев (1954–2014 годы): попытка системного анализа 34
- Мякшев А. П.** Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции 40

Всеобщая история и международные отношения

- Чернова Л. Н.** Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: иерархия статусов и власти 49
- Мосолкина Т. В.** Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV века (на материалах города Йорка) 57
- Андреев В. В.** Происхождение и расселение славян во французской историографии второй половины XVIII века 60
- Шенин С. Ю.** Американская техническая помощь: опыт и уроки для «пункта-4» (первая половина XX века) 66
- Голуб Ю. Г.** Иранская «завязка». Перечитывая наследие И. М. Майского 71
- Блосфельд Е. Г.** Английские историки 90-х годов XX века об английском рабочем движении 1918–1920 годов 77
- Красанцов Е. С.** Реформирование топливно-энергетического комплекса как ключевой фактор китайской модернизации во второй половине XX века 80

Региональная история и краеведение

- Оськин М. В.** Крестьянство Центральной России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) 85
- Евсеев Н. О.** Голод и меннонитская деревня в Поволжье в 1920-е годы 90
- Яковлева Ж. В.** Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в 1930-е годы 95
- Гуменюк А. А.** Жилищная политика Советского государства в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего Поволжья) 100
- Аблязов К. А.** Наследие Укека – в центре внимания Саратовской татарской общины 106

Критика и библиография

Представляем книгу

- ОСТОРОЖНО, РОДИНА РОССИИ! Рецензия на книгу: Сингаевский В. Н. Новгород, Псков, Пушкины. Путеводитель 110
- Соединенное Королевство и Европейский Союз в начале XXI столетия: Рецензия на книгу: Андреева Т. Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона – Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.) 112

Приложение

Хроника

- Киясов С. Е.** Д. М. Туган-Барановский: штрихи к портрету 117

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталья Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 19.09.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,23 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 135-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета. 410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный университет, 2015

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Pozdnyakov A. N.** The Educational Reform of Alexander I: Some Judgments and Evaluations in the Russian Historiography of the XIX – Early XX Centuries 5
- Zaytsev M. V.** The Main Statistical Sources for Studying the Development of the Russian Cities in the XIX Century 11
- Zuev A. V.** The Russian Steamship Line «Riurik» 18
- Danilov V. N.** The Ukrainian Topic in the Marxist Historians' Society 22
- Klimov A. A.** The Engagement of the NKVD Troops in the Struggle Against Nationalist Groups on the Territory of the Baltic States in the Final Period of the Great Patriotic War (1944–1945) 31
- German A. A.** The Post-war Social Movement of the Russian Germans (1954–2014): an Attempt of a System Analysis 34
- Myakshov A. P.** The National-ethnic Formation of the USSR in the Post-war Period: the Main Directions and Tendencies 41

World History and International Relations

- Chernova L. N.** The London Ruling Elite of the 14th–16th Centuries: the Hierarchy of Statuses and Power 49
- Mosolkina T. V.** Crime in the English Medieval Town in the Last Third of XV Century (Based on the Materials of the City of York) 57
- Andreev V. V.** The Origin and Dispersion of the Slavs in French Historiography of the Second Half of the XVIII Century 60
- Shenin S. Yu.** The American Technical Assistance: the Experience and Lessons for the «Point-4» (the First Half of the XX Century) 66
- Golub Yu. G.** The Iranian Plot. Re-reading I. M. Maisky Heritage 71
- Blofeld E. G.** The English Historians of the 1990s on English Labour Movement in 1918–1920 77
- Krasantsov E. S.** The Reforming of the Fuel-and-energy Complex as the Key Factor of the Chinese Modernization in the Second Half of the 20th Century 80

Regional History and Local Studies

- Os'kin M. V.** The Peasantry of Central Russia during the First World War (1914 – the February of 1917) 85
- Evseev N. O.** The Famine and the Mennonite Village of the Volga Region in the 1920s 90
- Iakovleva J. V.** Religious Life in the Saratov Volga Region in the 1930s 95
- Gumenyuk A. A.** The Housing Policy of the Soviet State in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region) 100
- Ablyazov K. A.** The Heritage of Ukek – in the Focus of Attention of the Saratov Tatar Community 106

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Mind the Birthplace of Russia! A Book Review: Singaevsky V. N. Novgorod, Pskov, Pushgory. Guide Book 110
- The United Kingdom and the European Union at the Beginning of the XXIth Century: a Book Review: Andreeva T. N. European Policy of the D. Cameron-N. Clegg Cabinet (May 2010–July 2013) 112

Appendices

Chronicle

- Kiyasov S. E. D. M.** Tugan-Baranovskiy: the Strokes to the Portrait 117

Information about the Authors

121

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

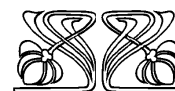
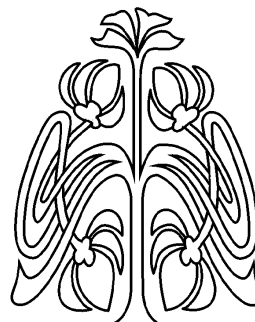
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

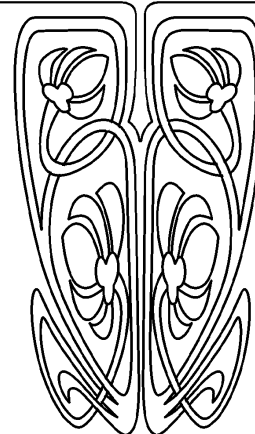
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

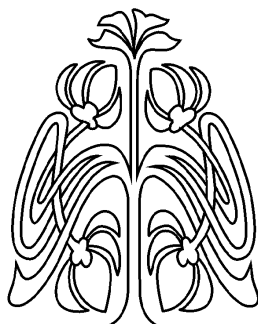
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

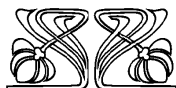
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

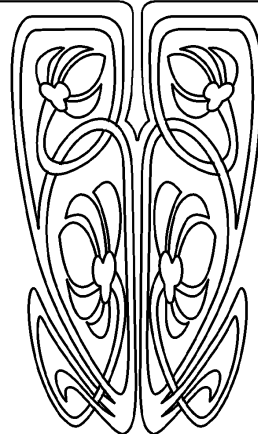
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.4:[37.014(47)(09)]18]

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА I: НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ И ОЦЕНКИ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Н. Поздняков

Саратовский государственный университет
E-mail: alnikproz@mail.ru

Одним из важных направлений государственной политики Александра I было осуществление образовательной реформы. Ее результатом стало создание в России системы народного образования. В статье приводятся оценки и суждения по данному вопросу, содержащиеся в работах российских исследователей, изданных в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: образовательная реформа, система образования, историография вопроса.

**The Educational Reform of Alexander I: Some Judgments and Evaluations
in the Russian Historiography of the XIX – Early XX Centuries**

A. N. Pozdnyakov

One of the important directions of the state policy of Alexander I was the implementation of the educational reform. Its result was the creation of the public education system in Russia. The article presents the evaluations and judgments on the matter, which are contained in the works of Russian researchers, published in the XIX – early XX centuries.

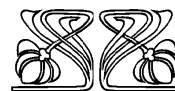
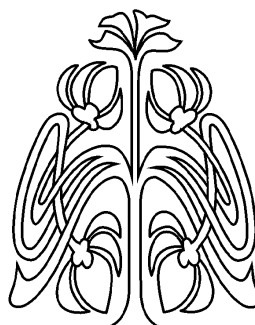
Key words: educational reform, education system, historiography of the issue.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-5-10

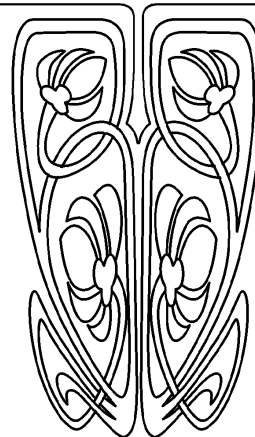
Период царствования императора Александра I знаменателен многими важными шагами в развитии Российского государства. Одним из них по праву может считаться осуществление образовательной реформы. В современных условиях вопросы реформирования образования, проводившегося в тот исторический период, проблемы создания в стране единой, преемственной образовательной системы по-прежнему интересуют ученых. Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество научных публикаций по данной проблематике. Среди них работы И. М. Гриневиц¹, Т. Н. Жуковской², Е. А. Калининой³, Р. Г. Прокопенко⁴, А. Н. Позднякова⁵ и др.

При этом важным представляется обращение к трудам историков, которые еще в XIX – начале XX в. анализировали деятельность императора Александра I. Весьма характерно в связи с этим заявление одного из них – великого князя Николая Михайловича, внука Николая I. Сетуя уже тогда на безвозвратную потерю многих исторических источников, он подчеркивал роль современных ему исследователей, отмечая: «Мы давали и даем материалы, которыми будущие русские историки могут воспользоваться»⁶.

В конце XIX – начале XX в. было издано немало работ, посвященных периоду правления Александра I: от историко-биографических очерков⁷ до глубоких научных исследований. Следует подчеркнуть, что исследователи, анализирующие деятельность императора, в большей или меньшей степени находились под влиянием его статуса, характера оценки самой монархической власти. Это не могло не сказываться на суждениях и выводах авторов, в том числе и в указанных трудах. Однако данное обстоятельство не снижает значимости этих работ для совре-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

менной науки. Богатство фактического материала, опора на широкое многообразие источников, весьма интересные замечания, в большинстве своем хорошо аргументированные выводы делают дооктябрьские научные публикации важным источником изучения отечественной истории, в том числе российской системы образования.

Одной из крупнейших работ по истории правления Александра I является шеститомный труд военного историка генерала Модеста Ивановича Богдановича. Он являлся автором большого количества научных трудов. Характер их содержания свидетельствовал о том, что его интересовала, прежде всего, политическая история. М. И. Богданович являлся добросовестным, широко эрудированным исследователем. Вместе с тем, он, фактически, избегал широких обобщений, освещения событий на основе их всестороннего анализа, исследования причинно-следственных связей. Для него зачастую было свойственно игнорирование иностранных источников, поскольку он с большой долей скепсиса полагался на «достоверность и добросовестность чужеземных писателей».

Свое сочинение «История царствования императора Александра I и России в его время» М. И. Богданович условно разделял на две части. Первая, объединявшая I–IV тома, освещала события 1801–1815 гг. Вторая, включавшая в себя V–VI тома, была посвящена последующему периоду вплоть до кончины императора. Первый том этого фундаментального произведения был посвящен, в том числе, проблемам развития образования в начальный период царствования Александра I⁸, когда активно разрабатывалась и осуществлялась образовательная реформа.

Богатством фактического материала и его умелой подачей характеризовалось четырехтомное исследование известного историка генерал-лейтенанта Николая Карловича Шильдера «Император Александр I. Его жизнь и царствование»⁹. Первый том описывал детство и молодые годы Александра, второй – эпоху преобразований в первый период царствования, в том числе и вопросы развития народного просвещения. В третьем томе речь шла о борьбе с Францией, в четвертом – о периоде с 1816 по 1825 г. Такая структура исследования соответствовала той периодизации царствования Александра I, которой придерживался автор.

Н. К. Шильдера относили к представителям официальной исторической науки. При этом отмечали его несомненный писательский талант, способность легко и доступно излагать богатый, насыщенный многочисленными фактами материал. Его приближенность к царскому двору, доверие, каким он пользовался, давали возможность широко использовать малодоступные архивные источники, делая весьма интересными исторические исследования.

Следует, однако, отметить, что еще великий князь Николай Михайлович высказывал некото-

рые критические замечания по поводу указанного труда Н. К. Шильдера. Он, в частности, писал, что эта «интереснейшая книга написана с вдохновением, увлекательно и талантливо, но, строго говоря, труд Шильдера нельзя назвать серьезной исторической работой. Она читается легко и, как исторический роман, каждому, занимающемуся этой эпохой, необходима, но в ней чувствуется какая-то незаконченность, много весьма досадных проблем, недомолвок и неточностей»¹⁰.

Заметное место в исторической литературе заняла работа Ивана Александровича Галактионова «Император Александр I и его царствование»¹¹. Начатая им в связи со столетним юбилеем императора, она была завершена несколько позднее. Сам автор, будучи кандидатом Петербургского университета по историко-филологическому факультету, а затем преподавателем одной из столичных гимназий, не считал свою работу научным трудом. По его заверению, ни личность императора, ни факты из его царствования не были «освещены новым светом». Он просто воспользовался «всеми печатными источниками» и «по готовому, большей частью разработанному материалу» изложил царствование Александра I. Несмотря на такую самооценку, с уверенностью можно сказать, что данный труд является интересным для современных историков.

Вопросы развития системы образования в первой четверти XIX в., его реформирования получили освещение, естественно, не только в работах, посвященных Александру I, но и в других научных трудах, касавшихся данного исторического периода. Одной из наиболее больших работ, в которых исследовались вопросы развития отечественного образования, были «Очерки по истории русской культуры», принадлежавшие перу видного историка и политического деятеля Павла Николаевича Милюкова.

Идея «Очерков» возникла у П. Н. Милюкова на рубеже 1880–1890-х гг. под влиянием просветительского движения, охватившего в тот период времени российскую интеллигенцию. П. Н. Милюкову было предложено прочитать на Педагогических курсах в Москве лекции по истории русской культуры. Он с удовольствием принял это предложение, решив разработать курс лекций по-новому. В своих воспоминаниях он писал, что идея состояла в том, чтобы уйти от хронологического пересказа событий и показать процессы в каждой отдельной области жизни в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутреннюю связь, внутреннюю тенденцию. По его утверждению, только такая история могла претендовать на приближение к социологическому объяснению. В этом была принципиальная позиция П. Н. Милюкова как ученого: уйти от «повествовательности» в изложении истории, перейти к ее объяснению, раскрытию внутреннего смысла происходившего.

Большое место в «Очерках по истории русской культуры» заняла история становления и

развития отечественного образования. Этому был посвящен седьмой очерк, получивший название «Школа и образование»¹².

Говоря о системе образования, П. Н. Милюков подчеркивал ее прямую зависимость от государственной власти, тех целей и задач, которые власть решала в тот или иной исторический период. Он писал: «После устройства Екатерининской школы общественное образование стало силой, которую государственная власть могла употребить на служение своим целям. Соответственно тому, как менялись эти цели, менялись и способы их достижения. Таким образом, либеральная учебная система имп. Александра I... заменена была ... системой имп. Николая. <...> При такой тесной связи между историей русской школы и настроениями русской власти и общества – совершенно невозможно говорить об одном, не касаясь другого»¹³.

Важное место в историографии отечественного образования занимают труды Сергея Васильевича Рождественского. Обучаясь в Санкт-Петербургском университете, который он успешно закончил в 1891 г., С. В. Рождественский познакомился с С. Ф. Платоновым. Он вошел в тесно сплотившийся вокруг профессора кружок студентов, ставший основой так называемой «Школы Платонова». Для сторонников этой школы был характерно внимательное отношение к источникам, их научная деятельность строилась на тщательном источниковедческом анализе. Большое влияние, оказываемое на молодого ученого со стороны университетского профессора, позволило ему плодотворно трудиться в архивах Министерства народного просвещения над составлением обзора деятельности учреждения за столетний период существования. В юбилейном 1902 г. этот фундаментальный труд был издан¹⁴, получив высокую оценку специалистов. Значительное место в нем заняли вопросы становления и развития системы образования в период царствования Александра I.

Большой интерес вызывает изданная в 1912 г. книга «История гимназического образования в России (XVIII и XIX век)»¹⁵. Ее автором являлся Иван Александрович Алешинцев, кандидат богословия, учитель словесности женского епархиального училища в г. Пскове. Не являясь профессиональным историком, И. А. Алешинцев, тем не менее имел ряд научных работ по истории образования. Большое внимание им было уделено периоду царствования Александра I, времени, когда закладывались основы российской системы образования. И. А. Алешинцев являлся сторонником активного реформирования системы народного просвещения. Не случайно и время царствования Александра I он подразделял на два периода, аргументируя это следующим образом: «История гимназического образования в Александровское время, соответственно общему характеру его царствования, естественно разделяется на два периода, первый должен быть отмечен как эпоха преобразовательных начинаний, а второй – как эпоха

регресса и отступлений, естественно переходящая и сливающаяся с временем Николая I-го»¹⁶.

Император Александр I вступил на престол 12 марта 1801 г. Символично, что первым его заявлением было высказанное пожелание управлять «по законам и по сердцу в Бозе почитающей августейшей бабки... государыни императрицы Екатерины Великой»¹⁷. Следование этому курсу должно было «вознести Россию на верх славы». Стремление к обеспечению благоденствия российскому народу было подтверждено и в манифесте императора по случаю его коронации. Он заявлял, что в союзе со всеми «верными сынами отечества» все дни «царства Нашего будут изотчены днями преуспеяния России в добродетели и просвещении»¹⁸.

Начало царствования императора Александра I характеризовалось не только широкими заявлениями, но и реальными шагами по реформированию различных сфер государственной жизни. В историческом очерке архиепископа Николая (Зиорова) «Император Александр Благословенный и его время», опубликованном в 1912 г., по этому поводу говорилось: «...Александр, всходя на престол, застал Россию чающей обновления. Действительно, многое в государственном механизме того времени нуждалось в починке, а многое и в совершенной отмене; многого недоставало: следовало завести. В администрации, в судах – царствовал беспорядок, хаос; финансы после роскошного царствования Екатерины и щедрости Павла были в расстройстве; народного образования почти не было. Проникнутые либеральными началами, Александр и его сподвижники... дружно принялись за преобразования, за ломку старого, за созидание нового»¹⁹.

Император был убежден, что главным условием успешной реализации задуманного являлось развитие народного образования. Как отмечал М. И. Богданович, система воспитания «юноши, предназначенного к престолу», способствовала тому, что в его душе поселилась благотворная мысль о том, что «материальное и нравственное преуспеяние всякого народа состоит в прямой связи с его просвещением»²⁰. Эту же мысль высказывал И. А. Галактионов, когда писал: «...Окруженный умными и просвещенными друзьями, Александр не мог не сочувствовать просвещению, которое всегда тесно связано с нравственным и материальным возвышением народа...»²¹ Не случайно и в биографическом очерке А. Н. Яхонтова «Царствование императора Александра Первого Благословенного» констатировалось, что «вся деятельность Александра в первую половину его царствования была направлена ко благу подданных и к их усовершенствованию посредством образования»²².

Важным свидетельством особого внимания Александра I к сфере образования являлось то, что среди 8 министерств, появившихся в 1802 г. в результате реформы высших органов управления,

было Министерство народного просвещения. Само название министерств – «1. Военных сухопутных, 2. Морских сил, 3. Иностраных дел...; 4. ...Юстиции, 5. Внутренних дел; 6. Финансов, 7. Коммерции, и 8. Народного просвещения»²³ – показывало, в ряду каких важных направлений государственной деятельности находились тогда вопросы образования. К тому же, по оценке Н. К. Шильдера, «из образованных в 1802 году министерств наибольшую деятельность выказали тогда два министерства: внутренних дел и народного просвещения»²⁴.

Основной целью созданного ведомства было осуществление реформы, направленной на создание в стране единой, четко структурированной системы образования. Как отмечал С. В. Рождественский, «главной задачей вновь образуемой отрасли высшего государственного управления было объединение разрозненных доголе мероприятий по насаждению общего образования во всех его степенях»²⁵.

Стратегическим документом, определявшим деятельность в направлении реформирования образования, стали «Предварительные правила народного просвещения», Высочайше утвержденные указом от 24 января 1803 г.²⁶ И. А. Аleshинцев, характеризуя этот документ, писал: «Предварительные правила были первым в России законодательным актом, утверждавшим образование в такой широте, обнимавшим собою все ступени от начального образования до высшего и намечавшим однообразную и общую для всего государства систему школ»²⁷.

Одновременно с появлением «Предварительных правил народного просвещения» вышел указ об учреждении учебных округов²⁸. В соответствии с ним территория страны была поделена на 6 округов, центрами которых становились действовавшие или планировавшиеся к созданию университеты. К моменту образования учебных округов в России существовало три университета – Московский, Виленский и Дерптский. Там же, где еще не было университетов, ставилась задача «учреждения оных». «Предварительные правила» устанавливали, что новые университеты должны были быть созданы «в округах Санкт-Петербургском, в Казанском и в Харьковском». Казанский и Харьковский университеты появились в 1804 г. В Санкт-Петербурге в том же году был открыт Педагогический институт, в 1819 г. преобразованный в Санкт-Петербургский университет.

Представителем интересов округа в столице являлся попечитель. Однако вплоть до середины 1830-х гг. управление округом реально находилось в руках университета, именно он был организационным и методическим центром, осуществлявшим руководство всеми учебными заведениями округа. Для этого в университете решением Совета должен был создаваться и ежегодно переутверждаться училищный комитет под председательством ректора.

Проектируемая система образования была закреплена в утвержденном 5 ноября 1804 г. Александром I «Уставе учебных заведений, подведомых университетам». В соответствии с ним в каждом губернском городе создавалась гимназия. Их могло быть и больше, если были «способы к содержанию таковых заведений». Следующий уровень образовательных учреждений составляли уездные училища – не менее чем по одному в губернских и уездных городах. И последний уровень составляли приходские училища. Как говорилось в «Уставе», «в губернских и уездных городах, равным образом и в селениях, каждый церковный приход или два вместе, судя по числу прихожан и отдалению их жительства, должны иметь, по крайней мере, одно приходское училище»²⁹.

Важнейшими характерными чертами формирующейся системы образования были, с одной стороны, преемственность всех уровней образования, с другой – их завершенность и самостоятельность. Так, целями гимназии являлись: «1) приготовление к университетским наукам юношества, которое... пожелает усовершенствовать себя в университетах; 2) преподавание наук... тем, кои, не имея намерения продолжить оные в университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека»³⁰. Соответственно уездные училища создавались с целью: «1) приуготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их»³¹. Приходские училища учреждались также «для двоякой цели»: «1) чтобы приуготовить юношество для уездных училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими»³².

Формировавшаяся система народного образования складывалась не на пустом месте. Ее прямую связь с созданной при Екатерине II системой малых и главных народных училищ подчеркивал П. Н. Милюков. Он писал: «Отношение новой системы школ к старой Екатерининской видно из того, что при переделке прежних школ в новые – первый класс малого (и главного) училища превращался в приходскую школу; второй класс становился первым классом уездного училища, и к нему еще вновь прибавлялся второй; наконец, высшие классы главного училища, 3-й и 4-й, превращались в 1-й и 2-й классы гимназии, и к ним вновь прибавлялись еще два старших класса, вовсе не существовавшие прежде. Таким образом, в результате – прежний четырехлетний курс главного народного училища превращался в семилетний, проходившийся во всех трех школах последовательно...»³³

Авторы изученных нами исследований положительно оценивали реформационные мероприя-

тия, осуществлявшиеся в сфере образования. Так, Н. Я. Аристов писал: «Открытие повсеместно училищ, рвение правительства к делу просвещения и особенно поддержка высших учебных заведений приводили в восторг молодое поколение <...> Не одно количество учебных заведений обращает на себя внимание в царствование Александра, но и улучшение преподавания, усиление средств и строгая система дальнейшего усовершенствования их»³⁴. И. А. Алешинцев, характеризуя «Устав учебных заведений, подведомых университетам», подчеркивал, что он «сильно облегчил возможность получать образование. Отныне впервые в России создавалась сеть общеобразовательных и однообразных учебных заведений»³⁵.

И. А. Галактионов особо выделял значимость для России открытия новых университетов, в которых «лучшие умы того времени видели прочный залог и наиболее верное средство для распространения знаний среди русского общества, на благо русского народа»³⁶. Университеты, по утверждению автора, призваны были соединять в себе «умственные силы ученых» и готовить просвещенных людей «на все общественные должности». Кроме того, университеты должны были подготавливать достойных преподавателей для гимназий, которые, в свою очередь, должны были «доставлять учителей» в низшие учебные заведения и студентов в университеты.

Роль университетов в подготовке преподавательских кадров отмечал и П. Н. Милюков. Он писал, что предметы, введенные в гимназии, «требовали совершенно новых преподавателей, хорошо усвоивших курс высшей школы. Эта потребность в преподавателях нового рода и становится теперь главным побуждением, заставляющим торопиться с устройством университетов»³⁷.

Несколько шире кадровую проблему в сфере образования анализировал С. В. Рождественский. Он заявлял, что серьезным препятствием успешному проведению реформы был «крайний недостаток в учителях». «Материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя, – писал он, – отвращали учащуюся молодежь от педагогической карьеры. Педагогический труд менее чем какой-либо другой встречал сочувствие со стороны сословных традиций общества. Дворянство еще не освободилось от вековых предрассудков против гражданской службы, и в его глазах педагогическая профессия была менее других совместна с дворянским достоинством. Лицам из податных сословий само правительство сначала ставило некоторые препятствия, не желая выпускать их без особенной нужды из оклада. <...> Оставалось одно духовенство, единственное сословие, с признанием и традициями которого педагогическая деятельность находилась в полном согласии»³⁸.

Препятствием на пути успешной реализации реформы, кроме кадровой проблемы и недостатка материальных средств, было недоверие общества

к новой системе просвещения. Н. Я. Аристов отмечал: «В высшем обществе, с одной стороны, мы видим пылких, благороднейших людей большого образования, друзей Александра I-го, которые сильно заботились о просвещении народа, хотя заслужили справедливый упрек в незнании родины. С другой стороны, в большинстве идут отсталые люди, враги всяких нововведений, которые не стыдились утверждать, будто бездарная посредственность полезнее для дела, нежели даровитые и образованные...»³⁹

Наиболее остро воспринималась идея бессловности в построении новой системы образования. Это, например, подчеркивал И. А. Алешинцев, когда писал: «Идеи единой для всех состояний и положений общеобразовательной школы ... не разделяло влиятельное дворянское общество Александровского времени в своей массе, и государственная власть во времена Николая I решительно от нее отказалась...»⁴⁰ С. В. Рождественский констатировал, что, создавая школу «для всех сословий и всех местностей», разработчики проекта предполагали такое единство образовательных потребностей общества, какого в действительности не было. В результате, «оказалось необходимым сообщить известную гибкость общим типам школ, приспособляя их к сословным и местным потребностям»⁴¹.

По мысли авторов рассматриваемых нами трудов, проблемы и препятствия, возникавшие на пути обновления образования, во многом определялись общей неподготовленностью реформирования государственной жизни, начатого Александром I и его молодыми соратниками. Так, великий князь Николай Михайлович заявлял: «Горячка и непоследовательность Александра и его сотрудников по делам внутреннего благоустройства России сказывалась во всех мероприятиях. Не было заметно и тени какой-либо определенной системы. Все делалось быстро, недуманно, скачками»⁴². Аналогичной оценки придерживался и И. А. Алешинцев. Он писал: «...Преобразовательные опыты первой половины царствования недостаточно обдумывались, велись очень торопливо и плохо соглашались одни с другими, т. е. были тоже плодом настроений, но не глубокой и продуманной мысли»⁴³.

Начался отход от первоначальных замыслов, пересмотр основополагающих принципов функционирования и развития системы народного образования, выдвижение новых идей и установок. Этот процесс получил свое завершение уже при Николае I. Сохранение внешней структуры системы учебных заведений сопровождалось ликвидацией ее главных, базовых принципов – бессловности и преемственности уровней образования.

Весьма характерна общая оценка развития образования в период царствования Александра I, данная И. А. Алешинцевым. «...Приходится констатировать, – писал он, – что принципам, возведенным в начале царствования, не суждено

было удержать позиции. Вторая половина этого периода представляет из себя сплошной ряд отступлений от принципов первой, вызванных обстоятельствами, сознанием их ошибочности или, что всего чаще, изменившимся настроением самого правительства. Таким образом, стройная система 1804 года была нарушена разными, часто совершенно не гармониовавшими с ней, поправками и заплатами, но нарушена не настолько, чтобы совсем вытравить ее дух»⁴⁴.

Таким образом, несмотря на отход от ряда основополагающих принципов, осуществилось главное – была создана разноуровневая система народного просвещения. Она стала базой для последующего развития российского образования.

Примечания

- 1 См.: *Гриневиц И. М.* Образовательная реформа Александра I в нормативно-правовых документах Министерства народного просвещения // Сиб. пед. журн. 2009. № 9. С. 259–265.
- 2 См.: *Жуковская Т. Н.* Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 15–26.
- 3 См.: *Калинина Е. А.* Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // Тр. ист. фак. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 11. С. 192–202.
- 4 См.: *Прокопенко Р. Г.* Развитие народного образования в России в начале XIX века // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. 2012. № 5–1 (44). С. 229–232.
- 5 См.: *Поздняков А. Н.* Образовательная политика Александра I и отношение к ней российского общества // Социокультурное пространство современной России : тенденции развития : межвузов. сб. науч. ст. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 290–297.
- 6 *Николай Михайлович, Великий князь.* Император Александр I : опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг., 1914. С. VI.
- 7 См.: *Аристов Н. Я.* Состояние образования России в царствование Александра I-го. Киев, 1879. 44 с. ; *Дучинский Н. П.* Император Александр I-й : его жизнь и царствование. М., 1912. 183 с. ; *Макарова С. М.* Александр I-й Благословенный. СПб., 1877. 30 с. ; *Николай (Зиоров, Михаил Захарович).* Император Александр Благословенный и его время. СПб., 1912. 77 с. ; *Яхонтов А. Н.* Царствование императора Александра Первого Благословенного СПб., 1890. 48 с. и др.
- 8 См.: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время : в 6 т. СПб., 1869–1871. Т. 1. СПб., 1869. 146 с.
- 9 См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование : в 4 т. СПб., 1896–1898. Т. 2. СПб., 1897. 408 с.
- 10 *Николай Михайлович, Великий князь.* Указ. соч. С. VI.
- 11 См.: *Галактионов И. А.* Император Александр I и его царствование : в 2 ч. СПб., 1877–1879. 193, 211 с.
- 12 См.: *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. Часть вторая. СПб., 1897. С. 227–355.
- 13 Там же. С. 303–304.
- 14 См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.
- 15 См.: *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. 346 с.
- 16 Там же. С. 12.
- 17 О кончине императора Павла I и о вступлении на престол императора Александра I. Манифест от 12 марта 1801 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. 26. СПб., 1830. С. 583.
- 18 О воследовавшем короновании Его Императорского Величества и о даровании по сему случаю разным народам милостей. Манифест от 15 сентября 1801 года // Там же. С. 789.
- 19 *Николай (Зиоров, Михаил Захарович).* Указ. соч. С. 49–50.
- 20 *Богданович М. И.* Указ. соч. С. 136.
- 21 *Галактионов И. А.* Указ. соч. С. 40.
- 22 *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 10.
- 23 Об учреждении министерств. Манифест от 8 сентября 1802 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 27. СПб., 1830. С. 244.
- 24 *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 104.
- 25 *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 35.
- 26 См.: Об устройстве училищ. Именной указ, данный Сенату, от 24 января 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 27. СПб., 1830. С. 437–442.
- 27 *Алешинцев И. А.* Указ. соч. С. 19.
- 28 См.: Об учреждении учебных округов с назначением для каждого особых губерний. Именной указ, данный Сенату, от 24 января 1803 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 27. СПб., 1830. С. 442.
- 29 Устав учебных заведений, подведомых университетам. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 28. СПб., 1830. С. 640.
- 30 Там же. С. 626.
- 31 Там же. С. 636.
- 32 Там же. С. 640.
- 33 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 305.
- 34 *Аристов Н. Я.* Указ. соч. С. 7–8.
- 35 *Алешинцев И. А.* Указ. соч. С. 37.
- 36 *Галактионов И. А.* Указ. соч. С. 42.
- 37 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 307.
- 38 *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 67–68.
- 39 *Аристов Н. Я.* Указ. соч. С. 13.
- 40 *Алешинцев И. А.* Указ. соч. С. 24.
- 41 *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 70.
- 42 *Николай Михайлович, Великий князь.* Указ. соч. С. 25.
- 43 *Алешинцев И. А.* Указ. соч. С. 60.
- 44 Там же. С. 80.

УДК 94 (47) |18|

ОСНОВНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОРОДА В XIX ВЕКЕ

М. В. Зайцев

Саратовский государственный университет
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

В статье рассматриваются статистические издания XIX в., содержащие данные о российских городах. Автор излагает важнейшие этапы формирования государственной статистики в России в контексте сбора сведений о городских поселениях. Подробно анализируется содержание статистических источников, изданных Министерством внутренних дел, указываются особенности и недостатки каждой из этих публикаций.

Ключевые слова: история России в XIX в., история русского города, городская статистика, источниковедение.

The Main Statistical Sources for Studying the Development of the Russian Cities in the XIX Century

M. V. Zaytsev

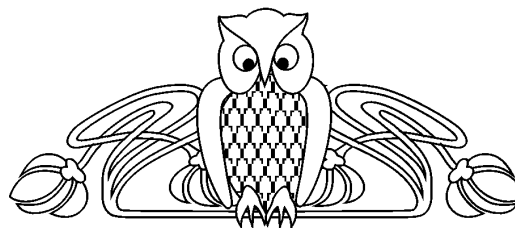
The article deals with the statistical publications of the XIX century, which contain data on Russian cities. The author presents the most important stages of the state statistics formation in Russia in the context of collecting data on urban settlements. The content of the statistical sources issued by the Ministry of Internal Affairs is analyzed in detail, specific characteristics and disadvantages of each of these publications are pointed out.

Key words: history of Russia in XIX century, history of Russian cities, city statistics, historical sources.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-11-18

История российского города входит в число крупнейших разделов отечественной историографии. Тем актуальнее изучение довольно широкой источниковой базы, которая пополняет наши знания о данном предмете. Одним из важнейших источников, отражающих развитие городов Российской империи, являются официальные статистические обзоры и сборники, составлявшиеся Министерством внутренних дел в XIX – начале XX в. Именно это ведомство, учрежденное в 1802 г., было призвано, кроме всего прочего, наблюдать за состоянием городского хозяйства, в связи с чем и осуществлялся сбор статистических сведений о городских поселениях.

Организация российской государственной статистики прошла довольно сложный путь. Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. предписал губернским казенным палатам доставлять министру внутренних дел «ведомости о числе народа и ревизские сказки»¹. 1 ноября того же года для обработки поступающих из губерний сведений в МВД было образовано структурное подразделение с несколько странным

названием «Сословие дворян». С 1811 г. административно-полицейским учетом населения ведало Министерство полиции², в структуре которого появились Департамент полиции исполнительной и связанное с ним Статистическое отделение. Теперь данные о населении, собираемые местными полицейскими органами, регулярно поступали в центральное ведомство, где обобщались и использовались для различных целей. После ликвидации в 1819 г. Министерства полиции Департамент полиции и Статистическое отделение вошли в состав Министерства внутренних дел³.

В 1834 г. для Статистического отделения были утверждены новые правила, провозгласившие главной целью «составление подробных и по возможности точных описаний состояния всех частей, подведомственных Министерству внутренних дел». Помимо этого, отделению поручалось «предварительное рассмотрение и соображение представляемых вновь Министерству планов городов, проектов новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах, рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых по ведомству Министерства внутренних дел новых зданий». Главную ответственность за поступление необходимых сведений с мест несли губернаторы, в помощь которым учреждались губернские статистические комитеты. Последние должны были собирать сведения, проверять их, приводить к единообразию, вносить в таблицы по полученным от Статистического отделения формам, а затем уже передавать в центр⁴. Начиная с 1835 г. статистические комитеты постепенно организовывались в различных губернских городах России.

Со временем Статистическое отделение МВД было преобразовано в Статистический комитет (1852), а позднее – в Центральный статистический комитет (1858). Центральный статистический комитет являлся основным государственным органом сбора и обработки статистических сведений вплоть до 1918 г., когда его функции были переданы соответствующему подразделению НКВД.

За время деятельности Статистического отделения (затем комитета) им было опубликовано немало изданий с разнообразными сведениями о главных сферах российской действительности. Цель данной статьи – дать обзор крупнейших из этих изданий, отражающих социально-экономическое состояние российских городов этого периода. Хронологические рамки охватывают период от формирования в начале XIX в. статистической

службы в структуре МВД до конца этого столетия, когда в России была проведена первая демографическая перепись (1897), собравшая гораздо более полные и точные сведения о городах.

Как отмечалось выше, с 1811 г. в структуре Министерства полиции существовало Статистическое отделение. Его первым главой стал известный тогда ученый, статистик и экономист К. Ф. Герман, который занимал эту должность до 1834 г.⁵ Возглавив статистическое дело, он сразу же задался целью обобщить собранные к тому моменту сведения о населении и городах России, результатом чего был опубликованный в 1819 г. труд «Статистические исследования относительно Российской империи»⁶. Особый интерес представляет последний раздел этой книги, где приводятся данные о количестве городов в России, численности городских жителей и распределении их по сословиям, а также о городских зданиях. Базой исследования К. Ф. Германа послужили сведения, собранные МВД через губернаторов. Насколько можно судить, они представляли собой данные пятой (1795) и шестой (1811) ревизий, дополненные местными полицейскими переписями населения.

Через десять лет статистические данные, характеризующие положение городов, опубликовал директор Департамента полиции исполнительной М. П. Штер⁷. Это издание представляет собой таблицы, в которых городские поселения были расположены в алфавитном порядке (при этом указывался их статус: город, заштатный город, посад или местечко). Географический охват таблиц – вся Российская империя за исключением Великого княжества Финляндского и Царства Польского, которые, очевидно, в это время еще не рассматривались как полностью интегрированные в социально-экономическую систему страны, в связи с относительно недавним присоединением к государству. О каждом населенном пункте в этих таблицах даются следующие сведения: губерния, к которой он относится, при каких реках расположен, численность жителей мужского и женского пола, численность купцов мужского пола, количество домов каменных и деревянных, церквей и монастырей, учебных и богоугодных заведений, заводов и фабрик, лавок или рынков, трактирных заведений, питейных домов, бань и садов. В самом конце таблиц подведен общий цифровой итог по каждой категории. Никаких предварительных замечаний или дальнейших пояснений к статистике не дается.

Издание, подготовленное М. П. Штером, быстро разошлось по различным учреждениям и в свободную продажу не поступило ни экземпляра. Это свидетельствовало о высокой востребованности публикаций подобного рода, в первую очередь для нужд государственного управления. Поэтому всего через пять лет МВД выпустило новую версию городской статистики в форме таблиц, для чего были потребованы «точнейшие и подробнейшие сведения от всех начальников

губерний и областей»⁸. Таблицы за 1833 г. построены на несколько иных принципах, нежели за 1825 г. Города сгруппированы по губерниям, расположенным в алфавитном порядке. О каждом из них сообщается: при каких реках он расположен, численность жителей мужского и женского пола, купцов (отдельно по каждой гильдии мужского и женского пола), количество церквей каменных и деревянных, домов, также с разделением по материалу, духовных и светских учебных заведений (с количеством учащихся), фабрик и заводов (с работниками), лавок, трактирных заведений и питейных домов. В каждой такой графе есть общий цифровой итог по всем городам данной губернии или области. Кроме того, менее подробные сведения о посадах и местечках (число жителей, купцов, учебных заведений и учащихся) даны отдельной таблицей в конце издания, причем только общие цифры по всем поселениям такого рода в каждом регионе.

Интересно, что таблицы за 1833 г. по-прежнему не содержат сведений о городах Польши и Финляндии. Также в них отсутствуют сведения о поселениях Якутской области, запоздавшей с высылкой данных, и, по невыясненным причинам, Прибалтики (хотя в предыдущих таблицах М. П. Штера населенные пункты Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний были представлены). Из Закавказья есть только данные по трем городам Армении, вошедшей в состав Российской империи незадолго до этого, а поселения Грузии и Азербайджана не значатся.

Новая версия таблиц по-прежнему не содержала аналитических материалов, предоставляя читателям делать самостоятельные выводы о социально-экономическом положении городов. Однако чем дальше, тем больше Статистическое отделение МВД испытывало потребность в научном осмыслении собираемых данных. В этой связи вызывает определенный интерес вышедшее в 1839 г. издание «Материалы для статистики Российской империи»⁹. Эта книга содержит работы по частным вопросам истории, географии и статистики России, созданные чиновниками Статистического отделения и теми, кто назван его «членами-корреспондентами». К городской тематике непосредственное отношение имеет только то отделение «Материалов», в котором помещены историко-статистические описания городов Пермской, Харьковской и Калужской губерний. Через два года вышел еще один выпуск «Материалов», с обзором городов Рязанской и Тульской губерний¹⁰, но, к сожалению, продолжения это начинание не получило.

Практика издания статистических таблиц о состоянии городских поселений была продолжена в начале 1840-х гг., когда одна за другой вышли сразу две подобных публикации. Таблицы 1840 г.¹¹ построены на принципе перечисления городов по губерниям (расположены в алфавитном порядке), областям и градоначальствам. В каждом «реги-

ональном» разделе поселения перечисляются по статусу: губернский центр, уездные города, безуездные или посады. Для каждого поселения дается стереотипная социально-демографическая информация: количество жителей (отдельно – мужского, женского и обоего пола), количество духовенства обоего пола, количество лиц мужского и женского пола таких социальных категорий, как дворяне и чиновники, почетные граждане, купцы (отдельно каждая из 3-х гильдий), а также число мещан и посадских обоего пола. После этого следуют социально-экономические колонки: количество церквей (отдельно каменных и деревянных), благотворительных заведений, домов (также с разделением по характеру строительного материала), духовных и светских учебных заведений (с количеством учащихся в них), фабрик и заводов (с числом работников), лавок, трактирных заведений, питейных домов, исправительных заведений. Особый интерес представляет последняя колонка, в которой указана сумма городских доходов. В конце издания помещена «Перечневая табель о состоянии городов Российской империи», в которой все эти данные суммированы для каждой губернии, области или градоначальства.

Статистическое отделение, опубликовавшее таблицы в 1840 г., не было удовлетворено их точностью, в связи с чем оно разослало эти данные губернаторам для проверки и исправления. После получения ответов в 1842 г. вышла новая версия таблиц¹². Основная их часть построена точно по тому же принципу, что и предыдущая, только в название последней колонки «Городские доходы» добавлено слово «серебром». Это было важное уточнение, поскольку, очевидно, в предыдущем издании в некоторых случаях оказались данные о городских доходах, исчисленные в ассигнациях¹³.

Таблицы 1842 г. впервые включали сведения о поселениях почти всех регионов Российской империи¹⁴, в том числе о городах Финляндии и Польши, причем категории сведений для этих частей государства несколько отличались от общероссийских. Так, для финляндских городов указано количество жителей мужского, женского и обоего пола, принадлежность горожан к православному, лютеранскому и римско-католическому вероисповеданиям, количество духовенства обоего пола (с делением по трем основным конфессиям), количество лиц мужского и женского пола среди дворян, «благородных людей» (sic!), купцов и «граждан» (sic!), количество церквей (по трем конфессиям, с разделением на каменные и деревянные), благотворительных заведений, домов каменных и деревянных, учебных заведений (отдельно духовных и светских) и учащихся в них, фабрик и заводов с работающими, лавок, трактирных заведений, питейных домов, исправительных заведений, а также объем городских доходов (серебром). Раздел о городах Царства Польского дополнен колонками о евреях (в вероисповедной части) и синагогах, колонка «благородные люди»

в нем отсутствует, а «граждане» делятся на купцов и городских обывателей. В части о жилищах указана еще и «стоимость домов обеспеченных в Страховом обществе от огня».

Помимо «Перечневых таблиц», аналогичных той, которую можно видеть в предыдущем издании, в конце публикации 1842 г. есть также таблицы (отдельно для собственно России, Финляндии и Польши), демонстрирующие «отношение городских жителей к общему населению губерний и областей», а также по городам «отношение мужского пола к женскому; дворян, купцов и мещан к общему населению; учащихся к неучащимся и среднее число жителей, приходящихся на дом». Таким образом, Статистическое отделение уже не просто ограничивалось публикацией собранных данных, но начало переходить к обнародованию некоторых аналитических результатов.

Следующая версия таблиц вышла в 1852 г., хотя включала сведения о городах лишь «по 1 мая 1847 года»¹⁵. Их рубрикация полностью соответствовала предыдущему изданию, с добавлением только одной новой графы – «ценность изделий на фабриках и заводах» (в рублях и копейках). В них отсутствуют данные о польских и финляндских городах, сведения по Дербентской, Шемахинской, Кутаисской и Тифлисской губерниям, Камчатскому и Охотскому приморским управлениям. В конце помещены три обобщающие таблицы: о распределении городов по населенности, о доле городских жителей в населении губерний, а также доле некоторых социальных категорий среди горожан и перечневая таблица с общими цифровыми итогами основных таблиц по каждой губернии.

Таблицы, опубликованные в 1858 г., содержали более широкий круг материалов, которые относятся к 1856 г. и касаются не только собственно городов. Их первая часть представляет собой перечисление в алфавитном порядке губерний и областей Российской империи за исключением Польши и Финляндии. По каждому региону указывается его площадь, а также количество городских и сельских поселений по видам. О городских поселениях для каждого сообщается количество жителей мужского, женского и обоего пола, число родившихся и умерших в течение 1856 г. Интересно, что сведения о городах были заимствованы составителями в основном из приложений к всеподданнейшим отчетам губернаторов¹⁶.

Вторая часть содержит общие таблицы по империи, в которых статистический материал суммирован в целом по каждой губернии или области. Тем не менее некоторые из них также представляют интерес в связи с городской тематикой. Так, в таблице «Народное образование, фабричное и заводское производство, торговые капиталы, городские доходы» есть колонка общей суммы всех доходов городских поселений данного региона в рублях серебром, а в конце – общий итог этого показателя по стране. А таблица «Список городов Российской империи за 1856 год, рас-

положенных по порядку их населенности» дает наглядное представление о месте каждого пункта в иерархии отечественных городов, тем более что, кроме общего числа жителей, в ней указаны суммы доходов местного муниципального бюджета¹⁷.

Третий раздел содержит аналитические статьи, опирающиеся как на данные, помещенные в предыдущих частях, так и на другие статистические сведения. Особый интерес вызывают расчеты о соотношении жителей городов и уездов (причем население второстепенных городских поселений – посадов и местечек в данном случае отнесено ко второй категории), анализ городских доходов, сопровождающийся списком поселений с годовыми бюджетными поступлениями свыше 25 тыс. руб. и с расчетом дохода «на одного жителя», а также пояснительная записка к «Списку городов...» из второй части¹⁸.

Составители таблиц за 1856 г. уже в самом этом издании неоднократно указывали на неполноту и неточность тех или иных сведений. В связи с этим Статистический комитет практически сразу после их выхода в свет поставил своей целью публикацию уточненных и исправленных данных. При этом сама организация российской статистики претерпевала в эти годы значительные изменения. Так, в 1858 г. Статистический комитет преобразовывается в Центральный статистический комитет с некоторым расширением самостоятельности и полномочий. Постепенно меняется и положение дел на местах. Полицейские органы, издавна выступавшие инструментом первичного сбора данных, несколько разгружаются от этих обязанностей: теперь от них требуют только самые необходимые сведения, причем те, которые собирались «действительным счетом». С другой стороны, активизируется деятельность губернских статистических комитетов, на которые возложена проверка и контроль качества собираемых материалов¹⁹. В 1860 г. вышло положение об этих комитетах, предоставившее им более точные формальные основания деятельности и самое главное – необходимые материальные средства²⁰.

Масштабные работы по уточнению и исправлению статистических данных были окончены лишь в 1863 г., когда вышли таблицы за 1858 г.²¹ Эта публикация, хотя и носит традиционное название «Статистические таблицы...», по характеру уже больше напоминает научное исследование. Ее составители не ограничились простым воспроизведением цифр, а уделили внимание и историческим особенностям развития российской статистики, и методам использования данных для познания страны, и глубокому анализу самих сведений. Кроме того, в каждой части работы рассматриваются факторы, влиявшие на точность статистики того или иного вида.

Издание делится на пять глав – «Пространство», «Населенные местности», «Население», «Вероисповедания» и «Сословия», из которых наиболее важную информацию, характеризую-

щую социально-экономическое положение городов, содержат вторая, третья и пятая. Так, в частности, в главе «Населенные местности» есть разбор терминов, применяющихся для обозначения основных видов городских и сельских поселений России. Стоит отметить, что авторы пытаются проследить этимологию каждого названия («город», «посад», «село» и т. п.) с древности, используя при этом разнообразные исторические источники, в том числе летописи и писцовые книги. Далее приводится административная и экономическая классификация населенных пунктов. Собственно из таблиц этой главы можно узнать общее число городских поселений (а также их распределение по статусу) в каждой из 49 губерний европейской части России. Аналитические выводы о размещении населенных мест касаются городских и сельских поселений вместе взятых, хотя есть еще некоторые наблюдения о распределении поселений каждого вида (городов, заштатных городов, посадов, местечек и т. д.)²².

Глава «Население» начинается с интереснейшего исторического обзора демографических переписей в России, где очень подробно рассматриваются организация и особенности первых трех ревизий, проводившихся в XVIII в., и, более лаконично, остальных ревизий вплоть до последней – десятой (1858). Этот же обзор проливает свет на методы учета населения, существовавшие в России в середине XIX в. Из него ясно, что сведения, положенные в основу таблиц, были получены от местных полицейских органов, передававших ежегодно ведомости в губернские статистические комитеты. Полиция вела собственные списки населения и могла сопоставлять их цифровые данные с такими источниками, как дворянские родословные книги, консисториальные списки духовенства, городские обывательские книги, окладные книги и др. Авторы издания указывали на невысокую степень точности всех этих источников (в том числе собственно полицейских списков), но считали возможным строить свои таблицы на предоставляемых полицией данных, как на «наиболее приближающихся к истине». Вместе с тем, они подчеркивали, что только правильно организованная всеобщая демографическая перепись, по примеру некоторых западноевропейских стран, может дать более точную информацию о населении России. Далее в этом же разделе помещены собственно таблицы с числом населения (общим и по каждому полу) городского и сельского отдельно в каждой губернии, а также процентные соотношения городского и сельского населения, причем данные по Сибири и Кавказу также имеются. Общие выводы касаются, в частности, уровня урбанизации как всей страны, так и ее различных регионов, а также факторов, определявших этот процесс²³.

Раздел о сословиях открывается историческим экскурсом (с примерами из источников) складывания этого явления в России. Затем ука-

зывается, что в стране к концу 1850-х гг. существовало не менее шестидесяти восьми сословных групп, что, естественно, осложняло учет. Чтобы преодолеть эту трудность, составители решили свести сословное деление к восьми крупным рубрикам: дворянство и чиновники, духовенство всех исповеданий, городские сословия, сельские сословия, военные сословия, инородцы, разночинцы, иностранные подданные. Аналитические выводы касаются в основном этих групп в целом²⁴.

Из таблиц, в рамках рассматриваемой проблематики, особое внимание привлекают две. Первая, под названием «Городские сословия», содержит сведения по 49 губерниям и областям европейской части империи, с колонками о числе потомственных и личных почетных граждан, купцов (без деления на гильдии), мещан, цеховых, «рабочих людей» и представителей «разных других наименований». Данные указаны с разделением по полу, есть также суммарный итог каждой колонки по всем 49 губерниям. Поскольку между понятиями «городские сословия» и «городские жители» в ту эпоху существовала очень большая разница, важнейшую информацию о социальной структуре городского населения дает «Сводная таблица главных сословий в Европейской России», где показано общее количество сословных групп (дворянство, духовенство, городские, сельские и военные сословия, инородцы, разночинцы и иностранцы) в городах каждой губернии. Анализ этих данных, помещенный в конце раздела, приводит авторов издания к довольно любопытным выводам о характере и основных факторах процесса урбанизации в России середины XIX в.²⁵

Необходимо отметить, что в данную эпоху информация о социально-экономических показателях городского развития собиралась не только Центральным статистическим комитетом, но и другими структурными подразделениями МВД. В 1840–1850-е гг. большую работу в этом направлении проделал Хозяйственный департамент министерства, существовавший, кроме всего прочего, для контроля над городской сферой. С 1842 г. в департаменте было создано «Временное отделение для устройства городского управления и хозяйства» под руководством выдающегося государственного деятеля того времени – Н. А. Милютин. Появление отделения было вызвано курсом правительства на изменение системы городского самоуправления, а его главной задачей была подготовка предварительного проекта городской реформы²⁶.

Милютин понимал, что для успеха реформы правительство должно иметь максимально объективную информацию о реальном положении дел в городском самоуправлении и хозяйстве, в связи с чем и организовал альтернативный сбор статистических сведений. Под его руководством в 1843 г. был составлен «План административной статистики городов», согласно которому «Временное отделение» должно было составить

инвентарные описания каждого города по следующим пунктам: 1) Пространство и расположение города и его земель; 2) Население; 3) Постройки; 4) Хозяйство городских жителей; 5) Общественные заведения (учебные, кредитные, благотворительные и др.); 6) Общественные повинности; 7) Городовое управление; 8) Обороты сумм общественного хозяйства²⁷. В качестве источников для этих описаний использовались уже имеющиеся у МВД материалы и, кроме того, были организованы специальные командировки чиновников «Временного отделения» в губернии, где они с помощью местной администрации собирали необходимые сведения. Интересно, что таким путем Хозяйственный департамент, кроме главных социально-экономических показателей, пытался выяснить формальные основания, на которых то или иное поселение пользуется правами городского, и какие правительственные акты, выходявшие в прошлом, регулируют статус, общественное и хозяйственное устройство данного поселения. Собранные по отдельным городам сведения в эти годы публиковались в официальном печатном органе ведомства – «Журнале Министерства внутренних дел»²⁸.

Разрозненность и неполнота собираемых данных, а также медлительность составления описаний не устраивали МВД, поэтому в начале 1850-х гг. оно форсирует эти работы. В течение 1850–1854 гг. имеющиеся сведения были дополнены за счет извлечения некоторой информации из ПСЗРИ и разосланы по губерниям для дальнейшего уточнения. Их проверка была возложена на органы городского самоуправления, полицию, губернские правления и статистические комитеты. Интересно, что местным органам поручалось «удостоверить, все ли города, посады и местечки и вообще городские поселения исчислены в списке и верны ли указания по Полному собранию законов на разные о них постановления; о сведениях же, не вошедших в Полное собрание, приложить копии с документов (выделено мной. – М. З.)»²⁹. То есть в эти описания попали и те юридические акты с середины XVII до XIX в., которые относились к конкретным городам, но по каким-то причинам не были включены в ПСЗРИ.

Эти масштабные работы продолжались до конца 1850-х гг., а на их основе были опубликованы два крупных статистических издания – «Общественное устройство и хозяйство городов»³⁰ и «Городские поселения в Российской империи»³¹ (в составлении обоих Н. А. Милютин принимал непосредственное участие). Наибольший интерес представляет второе из них, поскольку включает самые подробные результаты статистических работ Хозяйственного департамента.

Справочник «Городские поселения в Российской империи» содержит сведения о городских населенных пунктах всей страны за исключением Финляндии, Польши и Кавказа. Эти сведения сгруппированы по губерниям, расположенным

в алфавитном порядке. Московской и Санкт-Петербургской губерниям посвящены отдельные тома (соответственно шестой и седьмой), в которых информация о столичных городах изложена более подробно. Для каждого городского поселения указаны законодательные акты, вышедшие до 1 января 1860 г. и имеющие отношение к административным вопросам, строительной части, городским доходам, расходам и повинностям, сословным правам городских обывателей. Сведения о населении (относящиеся к 1858 г.) были заимствованы у Центрального статистического комитета, а данные о городских бюджетах на тот же год взяты из отчетов городских дум и ратуш. Любопытно, что в этом издании помещены также краткие исторические очерки о городах, «сведения о которых могли быть найдены»³². Последняя особенность, как и включение информации из официальных документов, не вошедших в ПСЗРИ, выводит этот источник за рамки чисто статистического и придает ему дополнительную ценность.

В связи с подготовкой Великих реформ с середины 1850-х гг. активизируется сбор и публикация сведений по различным отраслям государственного хозяйства, в том числе о городской сфере. Собственно уже появление рассмотренных выше изданий («Статистические таблицы... за 1858 год» и «Городские поселения в Российской империи») во многом обусловлено этим процессом. Еще одна специальная публикация городской статистики была прямым результатом подготовки реформы системы городского самоуправления. В марте 1862 г. высочайшее повеление Александра II предписало МВД «безотлагательно принять меры к улучшению общественного управления во всех городах империи <...> и соображения по этому предмету внести, установленным порядком, в Государственный совет». Министерство, прежде чем создать законопроект о реформе самоуправления городов, решило «ознакомиться с местными особенностями их, и с этою целью потребовало, чрез губернские начальства, местные соображения по настоящему предмету, предоставив составление этих соображений, по данной для того программе, особым комиссиям из депутатов от городских обывателей, чтобы таким образом получить более верные указания на действительные потребности городов»³³. Собранные таким путем сведения легли в основу издания «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг.»³⁴ под общей редакцией вице-директора Хозяйственного департамента Н. И. Второва.

Смысл публикации данных об экономике городов заключался не только в информационном обеспечении подготовки реформы. Авторы отмечали, что «сведения эти представляют самостоятельный интерес и могут служить, кроме предназначенной, и для других целей»³⁵. Тем не менее в издании, включающее описания 595 городских поселений европейской части России, к сожалению, не попали Санкт-Петербург, Москва

и Одесса, где общественное управление к этому моменту уже было преобразовано, прибалтийские города, имевшие особое устройство, поселения, состоящие в дворцовом, горном и т. п. ведомствах, а также местечки. В издании, как и в большинстве предшествующих статистических сборников, сведения даны по губерниям, расположенным в алфавитном порядке.

Программа, по которой собирались сведения с мест, была достаточно широка. Она включала топографическое описание положения города с указанием расстояния до столиц либо до губернского центра, а также описание непосредственно примыкающих к нему сельских поселений. Данные о численности жителей представлены как общие (мужского, женского и обоего пола), так и с подробным разделением по сословиям, причем отдельно указывается количество жителей, приписанных к городу по последней ревизии и отдельно – постоянно проживающих, в том числе официально не приписанных. Далее идет информация о городской экономике: недвижимость, принадлежащая обывателям, торговля (общий оборот, главные предметы ввоза и вывоза, купеческие капиталы, торговые заведения, ярмарки), ремесло, фабрики и заводы, промыслы, сельскохозяйственные занятия жителей. Финансовое положение муниципалитета характеризуют сведения о доходах и расходах местного бюджета, имеющихся у города капиталах и имуществе, о городском благоустройстве.

В пореформенный период сбор статистических сведений о городских поселениях набирает обороты. Кроме Центрального статистического комитета МВД сбором данных все больше занимаются и другие государственные и общественные учреждения, например земство. Публикуются местные справочники и сборники, в том числе «Памятные книжки» и «Адрес-календари» губерний, а также «Списки населенных мест». Рассмотрение подобного рода источников не входит в задачи данной статьи. Из центральных изданий последней трети XIX в. особого внимания заслуживает «Статистический временник Российской империи».

Центральный статистический комитет постепенно пришел к необходимости выпускать собственное периодическое издание с материалами обо всех сферах российской действительности. В первом выпуске «Временника», вышедшем в 1866 г., специальный раздел посвящен городским поселениям. Составители издания стремились дать полный список всех городских поселений империи (включая местечки), хотя Польша и Финляндия представлены не были. В то же время они оговаривают, что сведения о них «разнокачественны», то есть основаны на различных источниках: одновременных подворных переписях наличного населения («там, где таковые произведены были до 1863 г.»), на полицейских списках или административно-полицейских исчислениях

в большей части городов, для местечек – на списках населенных мест, составленных губернскими статистическими комитетами. Кроме того, где-то в состав городских поселений включались пригородные слободы, а где-то – нет³⁶.

Таблицы, помещенные в первом выпуске «Временника», содержат данные на 1863 г. о населении каждого пункта (мужского и женского пола), о количестве жилых зданий (с выделением каменных), о числе владельцев недвижимости, о площади «городской земли»³⁷, сумме городских доходов и сумме налогов на недвижимые имущества (интересно, что некоторые из этих сведений были заимствованы из публикации «Экономическое состояние городских поселений»³⁸). Другие разделы первого выпуска «Временника» также содержат разнообразные сведения, касающиеся социально-экономического положения городов. Однако в большинстве случаев данные приводятся по губернии или области в целом, только специальная глава, посвященная городским общественным банкам, открытым к 1 января 1866 г., относит их к конкретным городам.

В дальнейшем «Временник» публиковал аналогичные таблицы о городах в 1871 и 1875 гг. (с данными на 1867–1869 гг. и 1868–1871 гг. соответственно)³⁹. Географический охват их расширился: с 1871 г. добавляются городские поселения Царства Польского, Финляндии и недавно присоединенной Средней Азии. Местечки были исключены из состава городских поселений и причислены к сельским. Из граф остались количество жителей, жилых зданий, городских доходов (в которых были выделены чрезвычайные) и налог с недвижимых имуществ. Центральный статистический комитет в предисловии к выпуску 1875 г. в очередной раз отметил, что собираемые «полицейским порядком» сведения «не представляют достаточных гарантий точности» и «имеют достоверность лишь приблизительную». Далее комитет категорически заявил, «что он не намерен более возвращаться к обнародованию в свет подобных сомнительных цифр, ввиду решительной необходимости произвести в ближайшем будущем общую одновременную и поименную перепись всего населения России на научных началах»⁴⁰.

Однако правительству понадобилось еще более двадцати лет, чтобы реализовать, наконец, эту идею. Первая всеобщая перепись населения состоялась, как известно, лишь в 1897 г. и ее данные, безусловно, вывели городскую статистику на новый уровень.

Исходя из вышеизложенного, анализ основных статистических источников, отражающих важнейшие характеристики развития российских городов в XIX столетии, представляется весьма непростой научно-исследовательской задачей. Специалисту, занимающемуся городской тематикой, приходится сталкиваться с рядом проблем, среди которых на первом месте идут неоднородность, неполнота и неточность сведений. В то же

время значимость данного вида источников для отечественной исторической урбанистики очень велика.

Примечания

- 1 Манифест об учреждении министерств 8 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XXVII. 1802–1803. СПб., 1830. № 20406. С. 245.
- 2 Просуществовало с 1810 по 1819 г.
- 3 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 : в 4 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 48–49.
- 4 Высочайше утвержденные правила для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и Статистических комитетов в губерниях // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. IX. Отд. 2. 1834. СПб., 1835. № 7684. С. 280–283.
- 5 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. С. 49.
- 6 Герман К. Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819.
- 7 [Штер М. П.] Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год, составленное из официальных сведений под руководством директора департамента полиции исполнительной тайного советника Штера. СПб., 1829.
- 8 Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834. С. 1.
- 9 Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении совета Министерства внутренних дел (далее – Материалы для статистики Российской империи). СПб., 1839.
- 10 Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841.
- 11 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в Статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1840.
- 12 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1842.
- 13 Необходимо отметить, что именно в эти годы Министерство финансов России под руководством Е. Ф. Канкрин проводило денежную реформу по ликвидации разницы между курсом серебряного и бумажного рубля.
- 14 Кроме Дагестана и Азербайджана.
- 15 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в Статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1852.
- 16 Статистические таблицы Российской империи, за 1856-й год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел, Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1858. С. 4–198, 250.
- 17 Там же. С. 201–239.
- 18 Там же. С. 243–299.

- ¹⁹ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. VI.
- ²⁰ Высочайше утвержденное положение о губернских и областных статистических комитетах // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXV. Отд. 2. 1860. СПб., 1862. № 36453. С. 504–511.
- ²¹ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863.
- ²² Там же. С. 70–89, 90–91, 102–110.
- ²³ Там же. С. 113–157, 158–204.
- ²⁴ Там же. С. 255–266.
- ²⁵ Там же. С. 270–271, 276–291, 300–304, 315–328.
- ²⁶ Временное отделение осуществляло подготовительные работы в целях общероссийской реформы городского самоуправления, хотя благодаря его деятельности сначала вышло «Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга» в 1846 г. Подробнее об этом см.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877. С. 384–388.
- ²⁷ План административной статистики городов // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения министерства по 1 октября 1853 г. Т. 1. СПб., 1854. Приложения. С. 268–270.
- ²⁸ План административной статистики городов. С. 269; *Дитятин И. И.* Указ. соч. С. 386–387.
- ²⁹ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860. Т. I. С. XI.
- ³⁰ Общественное устройство и хозяйство городов : в 2 т. СПб., 1859.
- ³¹ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860–1864.
- ³² Городские поселения в Российской империи. Т. I. С. XI.
- ³³ Проект представления Министерства внутренних дел об устройстве городского общественного управления (составленный в 1864 году) // Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. 1. СПб., 1877. С. 173–174.
- ³⁴ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 1–2.
- ³⁵ Там же. Ч. 1. С. VIII.
- ³⁶ Статистический временник Российской империи (далее – СВРИ). Сер. I, вып. 1. СПб., 1866. С. XXI–XXII.
- ³⁷ Очевидно, имелась в виду площадь земель, принадлежащих муниципалитету, а не площадь городского поселения. Так, по Саратову, например, в этой графе указана цифра 81.098 дес., что соответствовало именно землям, находившимся в собственности городских властей (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год. Саратов, 1871. Ч. 2. С. 118).
- ³⁸ СВРИ. Сер. I, вып. 1. СПб., 1866. Отд. 1. С. 152.
- ³⁹ Там же. Сер. II, вып. 1. СПб., 1871; СВРИ. Сер. II, вып. 10. СПб., 1875.
- ⁴⁰ Там же. Сер. II, вып. 10. СПб., 1875. С. II.

УДК 94(47).083

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАРОХОДСТВА «РЮРИК»

А. В. Зуев

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
E-mail: univrandrey@mail.ru

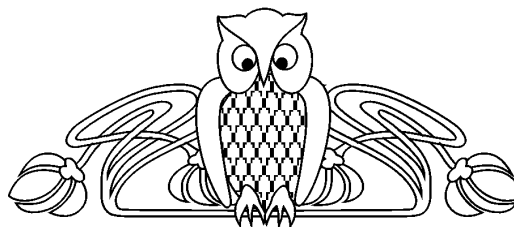
В статье рассматривается развитие паровых обществ Российской империи. Предреволюционный период развития Российского государства позволил создать не только крупные судоходные предприятия, но и большое число мелких судоходных предприятий и частных судовладельцев, таких как русское общество парового парового флота «Рюрик». Показан процесс становления, выявлены проблемные моменты и трудности. Сделан вывод, что Первая мировая война прервала поступательное развитие торгового флота Российского государства.

Ключевые слова: паровое общество, правление, капитан судна, экипаж судна.

The Russian Steamship Line «Riurik»

A. V. Zuev

The development of steamship companies of the Russian Empire is being described. It is noted that the pre-revolutionary period of development of the Russian state helped to create not only large shipping

companies, but a significant number of small ones, as well as private owners, such as the Russian steamship line «Riurik». The process of its formation is shown, problems and difficulties are identified. The conclusion says that the First World war interrupted the development of the merchant fleet of the Russian state.

Key words: steamboat company, Board, captain, crew of the ship.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-18-21

Пореформенная Россия переживала своеобразный пик развития торгового флота. Паровые и другие судовладельческие общества и предприятия создавались одно за другим. За короткий срок были образованы такие крупные судоходные предприятия, как «Русское общество парового парового флота и торговли», «Кавказ и Меркурий», «Добровольный флот», «Братья Нобель», «Восточное общество товарных складов» и многие другие. Однако характерной особенностью развития русского коммерческого флота до конца XIX – начала XX в. являлось существование

большого числа мелких судоводных обществ и частных судовладельцев, располагавших всего лишь 1–2 небольшими судами. Таким обществом было и русское общество пароходства «Рюрик». К сожалению, документальные материалы общества сохранились плохо.

Начало деятельности Общества было положено 5 сентября 1912 г. на основании устава¹, утвержденного 18 мая того же года². Общество было создано для перевозки пассажиров и грузов между русскими и иностранными портами. Обществу предоставлялось право приобретать в собственность пароходы и суда, а также арендовать строения, доки, верфи, пароходы, суда, пристани, механические приспособления для погрузки и выгрузки товаров и механические заводы, а также необходимое движимое и недвижимое имущество³.

Учредителем Общества выступал генерал-майор Генерального штаба Российской империи в отставке Н. Д. Поливанов. На первом общем собрании, состоявшемся 5 сентября 1912 г., были избраны в директора: Н. Д. Поливанов, М. В. Максимов, А. А. Голоушин, К. И. Буркевиц. Должности были распределены следующим образом. Председателем правления общества единогласно был избран Н. Д. Поливанов, «заступающим его место» М. В. Максимов, а директором-распорядителем К. И. Буркевиц⁴. Они и осуществляли управление делами общества. Председателю правления общества Н. Д. Поливанову было назначено содержание в размере 9000 руб. в год, а директорам правления – по 6000 руб. в год⁵. Вознаграждение кандидатов составляло по 600 руб. в год, а членам ревизионной комиссии по 100 руб. одновременно⁶.

Впоследствии длительное время в состав правления входили Л. И. Лыкошин, Н. К. Геймбюргер, М. Р. Сан-Галли и др. Правление Общества располагалось в Петрограде по адресу: Васильевский остров, 12 л., 19-а, кв. 11. Главная контора Общества во главе с директором-распорядителем находилась в Риге.

Первоначальный акционерный капитал Общества составлял 600 тыс. руб., разделенных на 2400 именных акций⁷, владельцами которых могли быть только русские подданные. При учреждении Общества 2072 акции принадлежали Н. Д. Поливанову и его семье⁸, позднее крупными держателями акций становятся Н. К. Геймбюргер (1435), М. Р. Сан-Галли (658) и Э. Э. Крамер (122)⁹.

26 марта 1913 г. Общество купило у фирмы «А. Кирстен» в Гамбурге грузопассажирский пароход «Крессида», переименованный в «Святитель Николай»¹⁰. Принимал судно капитан Иоганн Робертovich Вимбе¹¹. Грузоподъемность судна составляла 1249 т, мощность главной машины – 540 л. с., скорость судна была 9 уз., а дальность плавания – 2460 миль¹². Тактико-технические данные парохода «Святитель Николай» обнаружены в фондах РГА ВМФ¹³. Таким образом, у русского общества пароходства «Рюрик» в собственности было только одно судно.

Что касается экипажа судна, то это были русские подданные. Прошения разных лиц о приеме их на службу в Общество содержатся в фондах РГИА. Кандидатов на судоводительские должности и должности механиков было много. Они имели достаточно большой послужной список, в том числе и на судах иностранных компаний. При этом судоводители владели 2–3 иностранными языками¹⁴. Это было результатом, в том числе и того, что отечественная система мореходного образования действовала на тот момент достаточно эффективно и смогла в целом обеспечить морской флот дальнего плавания дипломированными штурманами и механиками. Повседневная жизнь судна отображена в его судовом журнале¹⁵. Жалованье экипажа парохода «Святитель Николай» представлено в таблице.

Жалованье экипажа парохода «Святитель Николай» в 1914 году¹⁶

Должность	Месячный оклад, руб.
Капитан	75
I штурман	75
II штурман	50
I механик	100
II механик	75
III механик	40
Боцман	30
Плотник	30
Матросы	15–25
Смазчик	30
Кочегар	25
Угольщик	20
Буфетчица	30
Кухарка	35
Юнга	12

Общество осуществляло грузовое и пассажирское сообщение от Риги до Роттердама¹⁷ и далее (на пароходах других фирм) – в Америку, Канаду, Африку и Аргентину. Для привлечения грузов и пассажиров в России на пароход Общество имело агентов в Киевской, Подольской, Черниговской, Волынской, Гродненской и других губерниях¹⁸.

8/21 марта 1913 г. Общество заключило договор с иностранным обществом «Ураниум», находящимся в Роттердаме с тем, чтобы последнее принимало пассажиров в Северную Америку. Впоследствии было достигнуто соглашение с одним из больших пароходств – «Королевским Голландским Ллойдом» в Амстердаме. Но эти начинания остались неосуществленными вследствие начавшейся войны¹⁹.

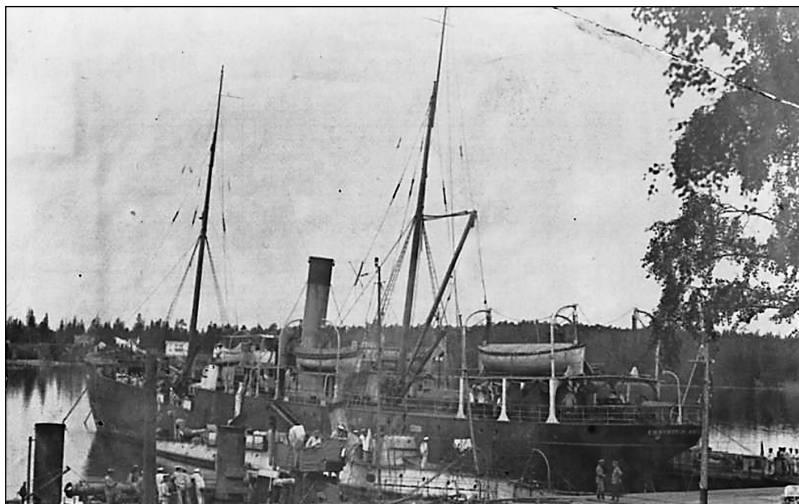
Войну судно «Святитель Николай» встретило в порту г. Риги. 19 июля 1914 г. капитан

судна К. Штаббс собрал на палубе весь состав экипажа и объявил ему о Высочайшем повелении объявления Лифляндской губернии на военном положении, предупредив о последствиях самовольной отлучки с борта парохода²⁰. Судно так и оставалось в Риге, «обреченное на полную безработицу». Убыток общества за 1914 г. составил 69.310 руб. 50 коп.²¹

18 мая 1915 г.²² единственный пароход общества «Святитель Николай» на основании «Положения о военно-судовой повинности» был передан во временное пользование Морскому

ведомству²³ по списку судов при Рижском порту за № 1019. Правление общества отказалось от вознаграждения по ст. 52 закона о военно-судовой повинности (Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 163. Ст. 1912) в размере 16 % годовых за навигационный период от первоначальной стоимости судна и довольствовалось ежемесячной со дня приема судна платой в 700 руб. в месяц²⁴. Морское ведомство приняло все расходы по эксплуатации судна и полную ответственность за его гибель²⁵. Ниже представлена фотография парохода «Святитель Николай».

Пароход «Святитель Николай». Транспортная база подводных лодок. 1916 г.²⁶

Судовая «комплектация» парохода «Святитель Николай» по штату военного времени составляла: офицеров – 1, нижних чинов – 41, вольнонаемных офицеров – 2²⁷. Судно вошло в состав Балтийского флота как транспорт и в основном обслуживало Учебный отряд Подводного плавания в Ревеле. Командование судном принял прапорщик флота И. А. Кожемякин²⁸ от Морского ведомства, а в состав командного состава судна вошли старший механик К. Ю. Вигандт и I штурман М. М. Страупман – служащие общества «Рюрик»²⁹.

Не так давно на одном из исторических сайтов обсуждалась представленная ниже фотография. На ней изображен экипаж парохода «Святитель Николай» почти сразу после передачи его в Морское ведомство³⁰.

27 июля 1915 г. на основании постановления правления Общества было решено, принимая во внимание, с одной стороны, общую эвакуацию Риги, а с другой – прекращение там всякой деятельности Общества вследствие сдачи единственного парохода «Святитель Николай» в аренду Морскому министерству, с целью сокращения расходов немедленно ликвидировать главную контору в Риге. С этой целью было решено «снести с директором-распорядителем Р. Б. Поорту и предложить ему безотлагательно закрыть контору,

уволить всех местных служащих с удовлетворением, переслать все книги, документы и вообще все делопроизводство в Петроград»³¹.

7 ноября 1915 г. директор-распорядитель Р. Б. Поорту был освобожден от службы в обществе. Ему было уплачено «полное и окончательное удовлетворение» в размере 13500 руб.

Общество пароходства «Рюрик» в течение всей войны продолжало находиться «в том же положении бездеятельности». Пароход «Святитель Николай» эксплуатировался все это время Морским ведомством. В январе 1917 г. Морское ведомство предложило правлению принять пароход обратно. Однако поскольку местом передачи судна был назначен Ревель, то правление в силу договора, заключенного в свое время с командующим под брейд-вымпелом дивизией подводных лодок капитаном I ранга Н. К. Подгурским, заявило о своем желании получить обратно пароход в Петрограде. Общий убыток общества к 1 января 1917 г. составил 186813 руб. 70 коп.³²

На основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. общество было объявлено общенациональной собственностью. Все бухгалтерские книги со всем делопроизводством, а равно инвентарь правления Общества были переданы 9 ноября 1918 г. по особому акту помощнику делопроизводителя

Экипаж парохода «Святитель Николай» сразу после мобилизации. Подпись принадлежит директору-распорядителю Р. Б. Поорту

ликвидационной части т. Киселевичу³³. Балансы и отчеты русского общества пароходства «Рюрик» сохранились в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга³⁴.

Что касается самого парохода «Святитель Николай», то 25 октября 1917 г. он перешел на сторону советской власти. 24 февраля 1918 г. из-за невозможности проводки во льдах, пароход был оставлен в Ревеле и захвачен германскими войсками³⁵. К осени 1918 г. пароход был передан А. Kirsten (Hamburg) и уведен в Германию. В 1923 г. его владельцем стал F. W. F. W. Fischer. В первом квартале 1933 г. пароход был сдан на слом в Бремене³⁶.

Таким образом, мирный предреволюционный период развития Российского государства позволил создать не только крупные судоходные предприятия, но и большое число мелких судоходных предприятий и частных судовладельцев. И только начавшаяся в августе 1914 г. мировая война прервала поступательное развитие коммерческого флота страны.

Примечания

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 106. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ² Там же. Д. 1. Л. 1.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Д. 3. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 35.
- ⁶ Там же. Д. 28. Л. 2 об.
- ⁷ Там же. Д. 33. Л. 3.
- ⁸ Там же. Д. 2. Л. 1–11
- ⁹ Там же. Д. 29. Л. 6.
- ¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 25.

- ¹¹ РГИА. Д. 7. Л. 7.
- ¹² Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.). Справочник / сост. С. С. Бережной, Т. Д. Лыскова, В. С. Гигаури и др. М. : Воениздат, 1981. С. 139.
- ¹³ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 2779. Л. 66.
- ¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 1–82.
- ¹⁵ Там же. Д. 14. Л. 1–11.
- ¹⁶ Там же. Д. 21. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 1–11.
- ¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 1–82.
- ¹⁹ Там же. Д. 28. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Д. 14. Л. 86.
- ²¹ Там же. Д. 28. Л. 3–3об.
- ²² Там же. Д. 26. Л. 141.
- ²³ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 53. Л. 54.
- ²⁴ Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 1476. Л. 3.
- ²⁵ РГИА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- ²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-2239. Оп. 1. Д. 2298.
- ²⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2779. Л. 66.
- ²⁸ РГИА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 27. Л. 29.
- ²⁹ Там же. Д. 26. Л. 142.
- ³⁰ URL : <http://kortic.borda.ru/?1-10-360-00000243-000-0-0-1246206101> (дата обращения: 06.02.2015).
- ³¹ РГИА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 3. Л. 92.
- ³² Там же. Д. 33. Л. 4.
- ³³ Там же. Д. 34. Л. 7.
- ³⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9397. Оп. 1. Ед. хр. 173. 1917–1919.
- ³⁵ Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.). С. 139.
- ³⁶ URL : <http://kortic.borda.ru/?1-10-360-00000243-000-0-0-1246206101> (дата обращения: 06.02.2015).

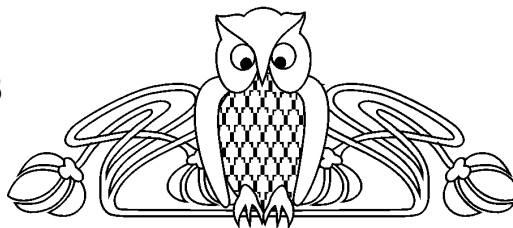

УДК 94(47)084.8

УКРАИНСКАЯ ТЕМА В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье показываются основные аспекты рассмотрения украинской темы в Обществе историков-марксистов во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. Отмечается, что Общество сыграло ключевую роль в научной дискредитации и организационном развале национальной украинской историографии, содействуя власти в решении текущих политических задач и продвижению новой концепции отечественной истории.

Ключевые слова: Общество историков-марксистов, украинская историография, борьба с буржуазным национализмом, национально-демократический уклон.

The Ukrainian Topic in the Marxist Historians' Society

V. N. Danilov

This article shows the basic aspects of analyzing the Ukrainian topic within the Marxist Historians' Society during the second half of the 1920s – the beginning of the 1930s. It is stated that the Society played a key role in the scholarly discredit and organizational disintegration of the national Ukrainian historiography, assisting the authorities in solving current political agenda and in promoting a new concept of native history.

Key words: Marxist Historians' Society, Ukrainian historiography, struggle against the bourgeois nationalism, national-democratic bias.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г. и активно действовавшее под руководством М. Н. Покровского до начала 1930-х гг., вошло в историю советской историографии как организация воинствующего толка, много сделавшая для борьбы с историками «старой школы», утверждения монопольного положения марксистско-ленинской методологии и проведения партийной линии в исторической науке. Хотя при основании Общество включало в себя небольшую группу марксистских историков из Москвы и было оформлено при Коммунистической академии общественных наук, фактически с самого начала оно стало претендовать на всесоюзный статус. Уже на учредительном собрании Общества 2 марта 1925 г. в качестве приоритетной была выдвинута задача «объединения всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории»¹, что предполагало решительное распространение организационного и идейного влияния в масштабах СССР на все центры, где работали историки. Из всех существовавших на тот момент союзных республик наиболее интенсивной и объемной эта работа была на Украине.

После окончания Гражданской войны строительством институтов украинской государственности (самостоятельно, а потом в составе Советского Союза) и большевистская политика «украинизации» открывали вполне благоприятные возможности для продвижения национальной украинской историографии. Различного рода научно-исследовательские структуры исторического профиля создаются не только в городах, где с дореволюционных времен существовали университеты, – Киеве, Харькове, Одессе, но и в провинциальных – Полтаве, Нежине, Днепропетровске, Каменец-Подольске и др. В ситуации компромиссных решений, характерных для нэповского периода, позволялось иметь «богатомовносність» исторических концепций. С этой целью, в частности, в 1924 г. было разрешено возвращение символа украинской «самостийной историографии» и главного адепта националистической схемы «украинского исторического процесса» – М. С. Грушевского и активная его работа во Всеукраинской академии наук. В целом к середине 1920-х гг. на территории советской Украины формируется несколько историографических течений, имевших национальный характер: культурно-историческая или социологическая, а скорее, неонародническая школа М. С. Грушевского в Киеве, историко-экономическая школа Д. И. Багалая в тогдашней столице республики Харькове, историко-правовая школа М. П. Василенко, группа по изучению истории общественных движений во главе с С. А. Ефремовым и марксистское направление, куда главным образом входили историки из Украинского института марксизма-ленинизма в Харькове и Центрального архивного управления УССР². Таким образом, как и в России, в 1920-е гг. украинская историография, была представлена не только местными марксистами, но и «старыми» национальными историками, избравшими по разным мотивам путь сотрудничества с советской властью. Пользуясь поддержкой со стороны партийно-государственного руководства республики (А. Я. Шумский, Н. А. Скрыпник, А. А. Хвилья-Олинтер и др.), они, в первую очередь Грушевский, до поры до времени не ощущали серьезного давления, выдавали большой объем научной продукции и с завидной легкостью решали организационные вопросы.

Впервые украинская тема в Обществе историков-марксистов была поднята в связи с появлением

в литературе, выходявшей к столетнему юбилею восстания 1825 г., вопроса о так называемом «украинском декабризме», получившего тогда отражение практически во всех течениях украинской историографии. По сути, этот вопрос был новым для нее явлением, но он хорошо коррелировался с политико-идеологической обстановкой того времени в СССР. Взвалив на себя бремя «попутничества», украинские историки теперь стремились не только продолжить начатую еще до установления советской власти работу по обоснованию особого национального исторического процесса, но и наполнить его большим революционным содержанием. Как писала в обзорной статье о юбилейной литературе по декабристам (она была опубликована в 1927 г. в печатном органе Общества – журнале «Историк-марксист») будущий академик и классик советского декабристоведения, а тогда еще относительно молодой ученый М. В. Нечкина, «в то время, как богатая, но скупая архивная Москва скарредно отчитывала документы о декабристах, подлежащие опубликованию, и безжалостно кромсала и сокращала уже написанные статьи, Украина была исключительно приветлива и щедра, одной черточкой, хотя бы давно известной из других источников, было достаточно, чтобы документ любовно переписывался, тщательно комментировался, аккуратно препарировался в статью и помещался в одно из юбилейных изданий»³.

Ключевым моментом статьи М. В. Нечкиной, которая до этого сама подготовила ряд работ об Обществе соединенных славян, была критика концепции о существовании особого «украинского декабризма», выдвинутой тремя украинскими историками-академиками М. С. Грушевским, Д. И. Багалеем и С. А. Ефремовым. Всех их, далеко не соратников в научной повседневности, одинаково, по мнению автора, в данном случае тревожил вопрос: «“Українські декабристи чи декабристи на Україні?” Входили ли органически национальный украинский вопрос, украинская самостоятельность в политическую идеологию декабристов, действовавших на Украине, или они оставались чуждыми украинскому национальному вопросу москалями? Украинские академики были склонны решать вопрос в первом смысле и утверждать, что в истории борцов за самостоятельную Украину особую страницу занимают еще неведомые науке “українські декабристи”»⁴.

Возражая против такого подхода, М. В. Нечкина вполне резонно замечала: «Среди декабристов, действовавших на юге, есть подлинный украинцы по происхождению, политический протест которых вырос на фоне украинской экономики и социального строя. К этой группе относятся многие члены Общества соединенных славян. Поэтому при изучении их идеологии надо принимать во внимание украинскую действительность той эпохи. Но среди декабристов, действовавших на юге, есть лица, политический протест которых воспитан не в украинской среде ... и попали-то на

Украину не по своей воле. Зачислять последнюю группу в ряды украинской интеллигенции нет решительно никаких оснований ... Украинская интеллигенция (славяне) не имела в своей идеологии национальных украинских элементов и в плане будущего объединения славянских республик не имела в виду Украины, как самостоятельной национальной единицы. Из того, что Сухинов говорил по-украински, а юнкер Драгоманов был дядей известного М. Драгоманова, нельзя вывести решительно ничего»⁵.

В итоге на основе всего приведенного в статье материала М. В. Нечкина делала весьма сдержанные выводы, без каких-либо политических обвинений: нет «украинских декабристов», а есть украинцы среди декабристов, которых можно изучать как определенную струю (но не этап) в эволюции местной интеллигенции, украинская литература о декабристах не была строга в методологическом отношении и не разработала подробно предпосылок и существа поднятой проблемы, новая общая концепция южного декабризма не обоснованна и в существе неправильна⁶. Вновь вопрос об «украинском декабризме» всплывет в Обществе во время Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в конце 1928-начале 1929 гг., но уже в другом контексте, о чем будет сказано нами позже.

Среди спорных суждений о декабризме на Украине М. В. Нечкина отметила и концепцию самого видного представителя украинской марксистской историографии М. И. Яворского, который считал декабризм на Украине первой программой нового этапа революционной борьбы в крае⁷. Тем самым невольно обращалось внимание на смыкание всего спектра украинской историографии, как тогда говорили, на принципах этнографизма, хотя заметнее был факт наличия в сообществе национальных историков многочисленных линий противостояния, генерированных не только «последовательными марксистами». Тем не менее более основательное втягивание своих украинских идеологических единомышленников в орбиту Общества историков-марксистов для руководства организации оказывалось наущной задачей времени. В отчете совета Общества за 1927 г. его ученый секретарь П. О. Горин (Коляда) указывал на неоднократную постановку вопроса об организации филиалов, тем более он говорил, ряд мест, как, например, Ростов, Харьков, Одесса, Ташкент, обращались в совет с такой просьбой, но он не решался «из боязни, что не имея достаточно сплоченного ядра выдержанных историков-марксистов на местах, мы не сможем обеспечить работу этих филиалов в направлении, которое нам желательно». Однако, констатировал Горин, «мне кажется, что увязка работы общества с провинцией в настоящее время чрезвычайно актуальна и своевременна»⁸.

В ноябре 1927 г. в Москве на секции истории России и ВКП (б) Общества историков-марксистов

стов был заслушан доклад старого большевика М. Е. Равич-Черкасского (Рабиновича), считавшегося первым официальным историком КП (б) У, «Зарождение и первые этапы марксизма на Украине». В 1928 г. украинские историки включались в состав советских делегаций, выезжавших за границу на международные исторические форумы. На Берлинской исторической неделе М. И. Яворский сделал доклад «Западно-европейское влияние на идеологию украинского общественного движения во второй и третьей четверти XIX столетия», а В. А. Юринец – «Социальный процесс в зеркале украинской литературы XX столетия». Тот же самый доклад был прочитан Яворским на VI Международном конгрессе историков в Осло, Юринец же выступил с несколько обновленной темой: «Главные течения в современной украинской литературе». Примечателен также и тот факт, что на конгрессе советская делегация добивалась допущения представителей Украины и Белоруссии в состав его оргкомитета⁹. В журнале «Историк-марксист» печатались вполне благожелательные рецензии на работы украинских коллег из Института марксизма-ленинизма¹⁰. В то же время в харьковских изданиях появлялись критические отзывы московских историков о сочинениях местных исследователей¹¹.

Однако украинские историки-марксисты были далеко не все единодушны в объединительных устремлениях и не спешили отказываться от своего особого положения в «едином фронте борьбы против старой буржуазной школы и новых мелкобуржуазных течений», о чем они вскоре дали понять в ходе Всесоюзной конференции историков-марксистов. Вначале М. И. Яворский, выступая на пленарном заседании конференции об итогах работы марксистских учреждений на Украине, вполне определенно отвел обвинения, прозвучавшие в отчетном докладе П. О. Горина, об опасности задержки с организацией Общества историков-марксистов на Украине¹². Несмотря на отсутствие объединяющего центра, – заявил Матвей Яворский, – «ими были осуществлены два важных достижения: 1) создана марксистская схема украинского исторического процесса, вытеснившая популярную теорию «бесклассовости» украинской истории, и 2) написаны учебники, сделавшие эту схему достоянием масс и учащейся молодежи», а само Украинское общество историков-марксистов в составе 40 членов было открыто 20 декабря 1928 г.¹³ Затем во время решения вопроса о преобразовании Общества во всесоюзную организацию часть украинской делегации голосовала против, хотя это особенно и не афишировалось, а ее руководством категорически отрицалось¹⁴.

Конфликтная ситуация, названная М. Н. Покровским «тягостным диссонансом», на Всесоюзной конференции историков-марксистов возникла во время обсуждения на секции истории народов СССР доклада М. И. Яворского «О современных антимарксистских течениях в украинской исто-

рической науке»¹⁵, когда с украинской стороны поступили упреки в адрес российских историков в «великодержавном шовинизме». Это, по сути, политическое обвинение было брошено сотрудником Украинского института марксизма-ленинизма З. Н. Гуревичем в связи с выходом работы М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» и второго тома сборника «Крестьянское движение в 1917 г.». По словам Гуревича, достаточно было того факта, что в «катехизисе» Соединенных славян не было упомянуто Украины, чтобы Нечкина смогла «так искусно абсолютно обойти вопрос» об украинских моментах, освещая историю «общества людей, которое вышло из украинского общества, которое, собственно, вскормилось на украинских традициях». Руководитель архивной системы УССР историк М. А. Рубач (Рубанович), развивая эту мысль, пошел дальше: «так как Кирилло-мефодиевцы произошли от Соединенных славян, то и у них была украинская основа»¹⁶.

Эти претензии к историографии центра вызвали незамедлительные возражения со стороны московских историков, прежде всего Нечкиной, не только вновь отрицавшей наличие особого «украинского декабризма», но и, защищаясь от обвинений в «великодержавном шовинизме», с видимым удовольствием привел цитату из книги одного украинского исторического деятеля, где украинцы названы «малороссами». Выступил и Покровский, заявив, что «т. Гуревич в этом вопросе “о проявлении великодержавности” у русских историков-марксистов невероятно перегнул палку, чрезвычайно ее перегнул», и предложил считать данный эпизод «чистейшим недоразумением»¹⁷. Но уже после конференции мэтр советской историографии назовет его «малотактичным националистическим выпадом», который спровоцировал ответные действия, каким «на нашей конференции, казалось бы, совсем не место»¹⁸.

В полемику украинских и русских историков по проблемам этноцентризма («этнографизма» – в терминологии того времени) в этих двух национальных комплексах историографии вынужден был включиться и М. И. Яворский. Вслед за своими коллегами с Украины он указал «некоторым нашим русским товарищам-марксистам» на неправильное использование ими названия «русское» даже для «не русских явлений». В целом же он занял положение обороняющейся стороны. Сетовал на отсутствие марксистской традиции в историографии Украины, обращался за помощью к «русским историкам» в борьбе «против вульгарного экономического материализма и национального марксизма»¹⁹. Но положение Яворского в парадигме тогдашней советской историографии «предпочтения классового объяснения этнографическому» оказывалось весьма шатким, несмотря на все изошренные попытки соединить «пролетарскую методологию» и национальное начало. В своих трудах он заявлял, что нельзя отбрасывать «в синтезе революционного движения

в России» явления только потому, что они «носили свою национальную украинскую форму», и тут же делал оговорку, ставящую под сомнение это положение, «что все же нельзя подходить с этнографическим принципом к историческим явлениям». Заявлены как бы тезис и антитезис. Но синтез не достигается, поскольку он невозможен в принципе. «Когда я говорю – украинское революционное движение, – я понимаю, что это не есть одно национальное движение, а это есть революционное движение, которое происходило на территории Украины, увязываясь с украинской действительностью». Соответственно нельзя говорить, что какой-либо революционер «перестал быть украинским революционером потому, что ушёл от украинства» и что «украинское революционное движение есть только в этнографических границах, а русское революционное движение – в русских этнографических границах»²⁰. Концептуальный тупик был очевиден. Как считают Г. А. Бордюгов и В. М. Бухараев, еще можно было преодолеть, допустим, «бесклассовость украинского исторического процесса» М. С. Грушевского, но даже чисто технически, в смысле систематизации и структурирования материала, невозможно уйти в конкретном исследовании по истории украинского этноса от порицаемого марксистами «принципа этнографического отмежевания украинского исторического процесса от русского исторического процесса на Украине»²¹.

Критика взглядов М. И. Яворского прозвучала на Всесоюзной конференции в выступлении П. О. Горина, который указал на то, что своими заявлениями о революционности украинской буржуазии в 1905 и 1917 гг. историк дает иную «расстановку классовых сил, чем это было в России, а это приводит к отсутствию определенной марксистской схемы, что в свою очередь ведет к ряду небольшевистских положений»²². После конференции дискредитация Яворского в Обществе историков-марксистов, не в последнюю очередь усилиями того же Горина, стала стремительно раскручиваться. Уже 10 января 1929 г. он публикует в «Правде» рецензию на книгу М. И. Яворского «Історія України в стислому нарисі»²³, которая была рекомендована наркоматом просвещения УССР в качестве школьного учебника «как удачная и талантливая популяризация полного марксистского курса истории Украины»²⁴. Основные положения рецензии, которая, по словам автора, вскрывает «только основные методологические ошибки», которые «подтверждены цитатами или ссылкой на соответствующие страницы книги», сводились к тому, что Яворским не показана фактическая гегемония пролетариата в революциях на Украине, игнорируется работа РСДРП на Украине, преувеличена роль РУПа, исторически искажена роль кулачества, которое у Яворского является революционной силой и идеологом крестьянского движения. Наконец, отмечалось и то, что Яворский «не марксистски подошел к истории

национального движения, подчас фетишизируя национальный момент, выдвигая его на первое место и отодвигая на задний план классовую борьбу». Эти вопросы Горин считал «принципиальными»²⁵.

Не вполне осознавая, по всей видимости, уязвимость своего положения, М. И. Яворский вскоре помещает ответную статью в органе Института марксизма-ленинизма «Прапор марксизму», в которой вновь, как и его коллеги на Всесоюзной конференции, он вытаскивает жупел великодержавного шовинизма, предпослав статье заголовок «Донкихотство или Руссотяпство». Спекулируя на национальном моменте, Яворский попытался изобразить полемику со стороны Горина как «завдания – дати не критику моей книжки, а дискредитувати цим шляхом ідею асоціації істориків-марксистів» и обвинил того в троцкизме²⁶. Этот шаг стал роковым для него, окончательно поссорив с московскими историками, после чего в менявшейся в 1929–1930 гг. общей политико-идеологической ситуации ему уже не оставалось места не только в историографии, но и в самой новой жизни.

Быстро среагировал на выпад Яворского многоопытный М. Н. Покровский. Подводя итоги Первой всесоюзной конференции в журнале «Историк-марксист», он указал, что «в статьях украинских историков, появившихся после конференции, диссонанс не ослабел, а стал резче». И далее следовала эмоциональная тирада, адресат которой вполне угадывался. «Некоторые – и выдающиеся – украинские историки-марксисты, – писал Покровский, – пришли к нам сравнительно недавно, пришли из партий идеологически полярно противоположных марксизму... И вот, некоторым украинским историкам-марксистам начинает казаться, что учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции есть троцкизм (!). Другие находят, что классовое объяснение идеологий должно быть “поправлено” этнографическим: не только, говорят они, такие-то суть мелкие буржуа, но именно украинские мелкие буржуа, и в этом гвоздь. Эдак ведь можно докатиться и до того, что не то важно, что Дзержинский был коммунистом, а то, что он был поляк. И пожалуй, даже и до того, что не то важно, что Ленин был величайшим из вождей рабочего класса, а то, что он был великоросс (и улика налицо – статья о “национальной гордости великороссов”). Словом, трудно себе представить, до какой нелепости можно докатиться с таким “классово-национальным” методом. Не удивительно, что среди украинской исторической молодежи проскальзывают такие течения: люди, которые еще относительно недавно, уже взрослыми людьми, были националистами, не могут сразу совлечь с себя ветхого Адама, это естественно. Но удивительно, что старые ленинцы, националистами никогда не бывшие, им в этом потакают и их в этом поддерживают. Неужто до такой степени “бытие определяет сознание”?»²⁷

Последние слова, безусловно, служили как бы сигналом руководству СССР присмотреться повнимательнее к позиции «украинских товарищей», имевших революционные заслуги в прошлом, а ныне занимающих ответственные партийно-государственные посты на Украине²⁸.

Не менее острой была реакция самого П. О. Горина. В письме в редакцию журнала «Историк-марксист» он обвинил Яворского в «недопустимости литературных приемов полемики» и непонимании основ марксизма и ленинизма. Отводя от себя наветы политического характера, Горин с обидой отмечал: «Напрасно М. Яворский делает из меня (белоруса и политэмигранта Зап. Белоруссии – к сведению Яворского) “руссотяпа”. Ни с какой точки зрения совершенно не основателен брошенный мне упрек в руссотяпстве за утверждение о социально-родственных исторических процессах России и Украины или за указание, что Яворским не “отмечена ... помощь украинскому пролетариату и крестьянству” со стороны русских рабочих Ленинграда, Москвы, Иваново-Вознесенска и др.». Как приговор украинскому историку звучали последние слова письма Горина: «книга Яворского не большевистская книга и является историческим обоснованием национал-правого уклона»²⁹.

В конце мая 1929 г. П. О. Горин по поручению комфракции Общества историков-марксистов направил в Секретариат ЦК ВКП (б) и лично Л. М. Кагановичу письмо в связи с кандидатурой М. И. Яворского в члены Комакадемии. Историческая концепция Яворского расценивалась здесь как попытка «приспособления к ленинской схеме национально-демократической революции схемы Винниченко». Если «зависимость» концепции историка от украинских националистов Горин был склонен квалифицировать как «односторонность» и «ошибку», то изображение революции 1905 г. на Украине Горин считает «прямой фальсификацией истории». В качестве доказательства своих обвинений он апеллировал к «азбуке ленинизма» по вопросу о гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг. За этими оценками следовал вопрос о возможности пребывания Яворского в «рядах членов какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения»³⁰.

Таким образом, установить единый фронт русских и украинских историков-марксистов, «может быть, на время даже позабыв украинские, белорусские и великорусские, как выражаются, традиции», как предлагал на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов М. Н. Покровский³¹, с самого начала не получалось. Г. А. Бордюгов и В. М. Бухараев причину этого склонны видеть в том, что первые российские историки-марксисты оказались в плену имперских традиций русской историографии, а «великорусскую идею в историографии они, скорее всего, воспринимали в качестве единой большевистской позиции, боевой интернациональной идеологии,

призванной вразумлять национал-уклонистов в среде марксистов из национальных республик»³². Однако напрасно в трудах и выступлениях М. Н. Покровского и его учеников, с завидным упорством до середины 1930-х гг. «разоблачавших» великодержавный шовинизм С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, С. В. Бахрушина, мы будем искать какие-либо имперские мотивы. Никогда с их стороны не было даже намека на критику важнейшего тезиса схемы М. С. Грушевского, объявлявшего Древнюю Русь формой государственного существования украинской нации, тем самым отказывая русскому народу в историческом наследии киевского периода. Более того, в вопросе о генезисе русского народа и образовании Московского государства позиции Грушевского и Покровского фактически смыкались. В предисловии к чешскому изданию своей «Русской истории в самом сжатом очерке» (1930 г.) М. Н. Покровский утверждал, что «родной великороссов было небольшое пространство между реками Окой и верхней Волгой, там, где теперь находится Московская промышленная область», а вся их последующая история была историей грабежей, захватов и революций³³. Как раз с имперской традицией в российской историографии 1920–1930-х гг. первые историки-марксисты вели непримиримую борьбу. В наиболее заостренной форме это выразил один из активных ее участников С. А. Пионтковский: «Разрешение национального вопроса Платоновым, Любавским, Бахрушиным, Маркевичем, продолжение ими традиции Ключевского – это политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности, кто до сих пор не понял, что подменить историю народов СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии»³⁴. Первым историкам-марксистам нужен был незамутненный никакими «этнографизмами» взгляд на историю, стержнем которой являлись система производства, экономическая борьба и порожденная ею борьба классов, приведшая в бывшей Российской империи к социалистической революции. Именно на этой основе происходило выяснение отношений с историками-марксистами в национальных республиках.

Летом 1929 г. в Обществе историков-марксистов Украины состоялась специальная дискуссия об исторической концепции М. И. Яворского. Она была организована по указанию ЦК КП (б) У, поскольку, как признавалось в хронике «“Историк-марксист” за 5 лет», вплоть до 1931 г. у руководства Общества в Москве «существовала только информационная связь с украинским советом общества», «историки-марксисты-украинцы находились на отлете»³⁵. Во время дискуссии ряд коллег Яворского выступил с открытой критикой взглядов историка. Ее лейтмотивом был тезис о том, что «действительно, М. Яворский пытается

проследить историю классово-борьбы на всех этапах развития, однако автору все же не удалось дать марксистскую схему исторического процесса на Украине»³⁶. Солидаризируясь с общим пафосом дискуссии, ученик Яворского Трофим Скубицкий определял, что если период феодализма М. Яворским в «Истории Украины в сжатом очерке» был освещен «более менее правильно, то провалы начинаются, когда автор переходит к изложению казацкой революции, ее последствий и освещению периода гетмановщины», но «подмена классового марксистского анализа формально-националистическим с особой силой проявляется у Яворского, когда он излагает события конца XIX и начала XX вв.». Таким образом, по мнению Скубицкого, книга «никак не может претендовать на название марксистской работы, а как учебник она безусловно вредна, так как не дает нашему учащемуся подлинной картины классово-борьбы на Украине»³⁷.

5 сентября 1929 г. М. И. Яворский публикует в республиканской газете «Коммунист» оправдательную статью «О моих ошибках в концепции истории Украины», где он признает ряд своих неверных трактовок, на которые ему указывали «товарищи-марксисты», в первую очередь то, что он «ошибочно определил роль украинской буржуазии в целом в этой революции (1905 года). Ибо, признавая правильно эту революцию буржуазной, я ошибался, переоценив роль украинской буржуазии, сделав ее движущей силой буржуазно-демократической революции на Украине». Несмотря на то что Яворский продолжал еще некоторое время защищаться и каяться, «критика» историка вскоре подошла к своему логическому завершению: он был исключен из партии (официально за сокрытие службы в жандармерии в годы Гражданской войны) и из Общества историков-марксистов. В резолюции общего собрания Общества историков-марксистов от 30 марта 1930 г. Яворский уже был назван «политическим авантюристом», а его деятельность – «идеологическим вредительством», «национально-демократическим извращением марксизма», на что «О-во историков совместно с историками марксистами и коммунистами Украины неоднократно обращало внимание»³⁸. В отчетном докладе ЦК на XI съезде КП (б) У в июне 1930 г. в разделе «Борьба за ленинскую линию, в национальном вопросе» руководитель украинской парторганизации С. В. Кошиор для характеристики деятельности Яворского впервые употребил термин «яворщина», ставший в 1930-е гг. политическим ярлыком для обозначения целого явления национальной историографии. 10 марта 1931 г. Матвей Яворский был арестован ГПУ СССР как один из руководителей вымышленного антисоветского «Украинского национального центра» (УНЦ), отбывал заключение в Соловецком лагере, а в 1937 г. был расстрелян по постановлению тройки НКВД по Ленинградской области. Так закончилась карьера и жизнь историка, проделавшего, как он сам выразился, «путь

от галицийского националистического мещанства к большевизму»³⁹, но, как оказалось, в том его виде, который в условиях борьбы с разного рода уклонами был неприемлем для власти.

Еще раньше дела УНЦ, по которому был осужден М. И. Яворский и арестовывался М. С. Грушевский⁴⁰, летом 1929 г. возникло дело «Союза освобождения Украины» (СВУ), которое часто сравнивают с «Академическим делом» в России. Дело СВУ затронуло значительную часть видных представителей украинской научной интеллигенции, в том числе академик-историков – С. А. Ефремова, М. Е. Слабченко, К. А. Воблого, профессоров Й. О. Гермайзе, П. А. Ефремова и др., не принадлежавших к историографии марксистского направления. Тем самым организационный развал украинской историографии в том виде, в котором она сложилась в 1920-е гг., фактически состоялся. Она оказывалась неприемлемой для последующего социалистического развития в целом и для продвижения новой концепции отечественной истории, призванной в условиях капиталистического окружения и обострения международной обстановки служить объединению всех этносов в СССР в частности. Можно только предполагать, насколько этот развал ускорила встреча И. В. Сталина 12 февраля 1929 г. с украинскими писателями, которая показала, что представители элиты гуманитарной интеллигенции Украины склонны рассматривать общегосударственные вопросы исключительно с точки зрения национальных интересов⁴¹. Далее последовала кампания по окончательному идеологическому и концептуальному «разоблачению» видных представителей всех течений национальной историографии. Основную роль в этом сыграли члены украинского Общества историков-марксистов, стоявшие, как считалось, на «твердых классовых позициях», объективно тем самым способствуя формированию единой советской историографии на сталинской основе.

Сигналом к началу разоблачительной кампании против «буржуазных и мелкобуржуазных националистических концепций» и их «классовой природы» стала статья уже упоминавшегося ранее Т. Т. Скубицкого «Классовая борьба в украинской исторической литературе», в которой давалась оценка исторических взглядов видных представителей украинских историографических течений – М. Грушевского, Д. Багалея, В. Слабченко, А. Оглоблина, М. Яворского и Й. Гермайзе⁴². В статье указывалось, что борьбе с антимарксистскими течениями «препятствовало то обстоятельство, что руководство многими кафедрами, изучающими историю Украины, оставалось до последнего времени в руках членов СВУ или им сочувствующих»⁴³. По мнению автора, Грушевский как политический деятель принадлежит прошлому, но «как историк и публицист он представляет значительный общественно-политический интерес», поскольку он, как и его

многочисленные сотрудники и аспиранты, широко и настойчиво пропагандируют буржуазную схему украинского исторического процесса, в основе которой лежит принцип отсутствия классов и классовой борьбы»⁴⁴, а его концепция служит «для обоснования политических притязаний остатков мелкобуржуазных, националистических партий». Слишком слабо, считал Скубицкий, «еще разоблачен как враг марксизма в области исторического изучения Украины» Й. Гермайзе, историко-экономическими исследованиями В. Слабченко и А. Оглоблина «обосновывалась программа “Союза освобождения Украины” с его планами восстановления буржуазной власти на Украине при помощи немецкого, польского и французского империализма»⁴⁵, а Д. Багалей лишь «из тактических соображений выдавал себя за марксиста, хотя следовал за Грушевским»⁴⁶. В число сторонников последнего попал и самый до недавнего времени его активный критик – Яворский, скрывая якобы это под марксистской фразеологией⁴⁷. Опасность «яворщины» виделась и в том, что подобных взглядов придерживались его ученики: Сухино-Хоменко, Свидзинский и др.

Единственный, кто смог ответить Трофиму Скубицкому, был академик Д. И. Багалей (умер в 1932 г.). Он отправил развернутое письмо в журнал «Прапор марксизму» с опровержением обвинений в антимарксизме, объединении его взглядов со взглядами Грушевского, Гермайзе и Яворского. «Я действительно, – писал он, – “декларировал присоединение к марксизму” еще тогда и при тех обстоятельствах, когда его не воспринимал фактически ни один из старых историков на Украине. Декларировал ... потому, что признал и признаю марксизм как единственно революционную идеологию пролетариата, потому что признаю и поддерживаю сознательно для себя не только классовую борьбу, но и диктатуру пролетариата»⁴⁸. Письмо напечатано не было.

24 февраля 1931 г. Секретариат ЦК КП(б)У принял постановление о журнале ВУАН «Украина», который редактировал Грушевский. «В связи с тем, – отмечалось в постановлении, – что в работах ВУАН в области истории есть большой ряд работ, которые распространяют буржуазно-националистические взгляды, в частности, журнал «Украина», который эти взгляды систематически пропагандирует в различных формах, причем проводит такую линию открыто, игнорируя дело социалистического строительства Украины, признать необходимым: а) предложить Обществу историков-марксистов организовать ряд научных докладов с критикой исторической продукции ВУАН, в частности, поместив статьи с критикой журнала “Украина”; б) предложить Обществу историков-марксистов развернуть критику буржуазно-националистических работ М. Грушевского»⁴⁹. Такие статьи вскоре появились в журналах «Прапор марксизму», «Летопись революции» и др. Кроме того, в филиалах Общества истори-

ков-марксистов в Харькове, Киеве и Одессе состоялись дискуссии по трудам других историков, обвиненных в «протаскивании украинского национализма в научную работу»⁵⁰.

Последняя волна разоблачительной кампании, охватившая Общество историков-марксизма, против национализма в украинской историографии пришлось на время после XVI съезда ВКП(б), на котором прозвучали слова И. В. Сталина о решительном наступлении не только на капиталистические элементы, но и оппортунистов в рядах самой партии. Откликаясь на этот призыв, М. Н. Покровский в редакционной статье журнала «Историк-марксист» в 1931 г. указывал, что на новом этапе приходится разоблачать «уже не буржуазных специалистов, ... а их приятелей и последователей среди партийных уклоновистов – правых и левых», это задача «более трудная и нудная, чем предыдущая. В то время как буржуазные историки в качестве честных реакционеров более или менее четко формулировали свои взгляды, оппортунисты из партийных уклонов, за единичными исключениями, всячески этого избегали». Поэтому, настраивал своих единомышленников лидер советских историков, необходимо сейчас подтянуться, прежде всего в деле создания истории народов СССР, где «целая огромная область – область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как главной опасностью и местными националистами, как опасностью второстепенной»⁵¹.

Уже в следующем номере «Историка-марксиста» под рубрикой «Критические статьи» была опубликована большая статья С. Гехтмана «Правооппортунистическая ревизия Ленина под флагом критики национал-демократизма (О статье т. М. Рубача в № 5 журнала «Летопись революции»)», призывавшая «решительно реагировать на все и всяческие проявления реакционных, националистических взглядов в историографии, решительно разоблачать тех отдельных историков-коммунистов, которые подпадают под влияние чуждой идеологии и вольно или невольно становятся проповедниками буржуазного национализма», а также разоблачать тех, кто проявляет примиренческое отношение к «скрытым, замаскированным врагам»⁵². Примером такого примиренческого отношения к национал-демократизму на украинском историческом фронте, к «яворщине», по мнению С. Гехтмана, и является статья М. А. Рубача, занимавшего в то время пост директора Института истории партии при ЦК КП(б), под названием «Против ревизии большевистской схемы характера и движущих сил революции 1917 года на Украине».

С. Гехтман характеризовал статью Рубача как содержащую «в себе грубейшие извращения, переходящие в форменную ревизию ленинского учения в кардинальнейшем вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую», и удивлялся тому, что она была

«напечатана без единого примечания редакции и не встретила до сих пор необходимой резкой критики в рядах украинского Общества историков-марксистов»⁵³. Схема революции 1917 г. на Украине у Рубача строилась на том, что главным в ней был аграрный вопрос, тогда как таковым, по Ленину, был вопрос о власти. Рубач считал, что с февраля до июля 1917 г. был буржуазно-демократический этап, а потом начался переход к социалистической революции (у Ленина никаких этапов не было). Ключевым в концепции историка являлся вполне резонный тезис о том, что «общий исторический ход революции на Украине выдвинул на протяжении 1917–1920 гг. столько особенностей, что для правильного понимания развития украинской революции необходима отдельная дополнительная схема, которая, как всякая схема, имеет вспомогательный, служебный характер»⁵⁴. Эта схема Рубача Гехтманом объявлялась подменой ленинизма «каменевщиной» и «примиречеством к национал-демократизму». От украинских историков-марксистов автор требовал определить свое отношение «к ревизионистским, антиленинским положениям, содержащимся в статье т. Рубача. И чем скорее это будет сделано – тем лучше»⁵⁵.

Действительно, пройдет не так много времени и свое отношение к обвинявшим друг друга «последовательным» украинским историкам-марксистам определят не только их коллеги по цеху, но и власти. Многие из них, как и из среды первых историков-марксистов в РСФСР, попадут в жернова политических репрессий середины 1930-х гг., освобождая тем самым историографическое пространство для продвижения новой концепции украинской истории, не входившей в противоречие с общей схемой истории СССР.

Примечания

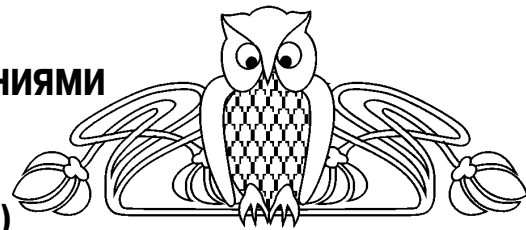
- 1 Об обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 317.
- 2 *Оглоблин О.* Українська історіографія 1917–1956 / пер. с англ. Київ, 2003. С. 5–51.
- 3 *Нечкина М. В.* Юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 187.
- 4 Там же. С. 189.
- 5 Там же.
- 6 Там же. Спустя 40 лет академик М. В. Нечкина будет более кагоричной в данном вопросе, заявляя, что «эта ошибочная концепция отражала тенденции буржуазного национализма в исторической науке. Она в угоду им явно насильствовала факты: выделение Украины в самостоятельную политическую единицу вообще отсутствовало в идеологии декабризма (в частности, в Обществе соединенных славян)» (Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. М., 1966. Т. IV. С. 345).
- 7 *Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 188.
- 8 Общее собрание членов Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 276. Эту мысль относительно Украины П. О. Горин усилит в отчетном докладе на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, заявив о том, что «на Украине организация общества, к сожалению, задержалось, хотя потребность сплочения подлинно-марксистских кадров там острее, чем в других местах» (Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 224).
- 9 *Мицц И. И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 96.
- 10 См.: *Невский В. И.* Рецензия на книгу З. Гуревича «Молодая Украина» // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 286–287.
- 11 См.: *Горин П.* Як не треба писати історії // Летопис революції. 1928. № 6. С. 321.
- 12 Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 224.
- 13 Всесоюзная конференция историков-марксистов. Пленарное заседание // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 225.
- 14 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 8.
- 15 В своем докладе М. И. Яворский, как показали дальнейшие события, в том числе и современные, был не далек от истины, представляя работы большинства тогдашних украинских немарксистских историков в качестве теоретико-исторического оформления идей национализма и фашизма.
- 16 Всесоюзная конференция историков-марксистов. Секция история народов СССР // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 240–241.
- 17 Там же. С. 241.
- 18 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов. С. 9.
- 19 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов : в 2 т. Т. 1. М., 1930. С. 464.
- 20 Там же. С. 461, 465–466.
- 21 *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как национальные истории писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 96.
- 22 Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 242.
- 23 Сжатый очерк М. И. Яворским был создан на основе его «Нарис історії України», который с 1922 г. выдержал с небольшими изменениями пять изданий, и только шестое издание в 1930 г. было задержано агитпропом ЦК КП(б)У.
- 24 Летопис революції. 1928. № 6. С. 361.
- 25 *Горин П.* Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 334.
- 26 Прапор марксизму. 1929. № 9. С. 32–41.
- 27 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 8–9.
- 28 Нарком просвещения УССР и директор Украинского института марксизма-ленинизма М. И. Скрипник, до этого весьма активно поддерживавший Яворского, был вынужден напечатать статью «Ошибки и исправления академика Яворского».
- 29 *Горин П.* Письмо в редакцию. С. 335.
- 30 *Орлов И. Б.* Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» URL : <http://www.hse.ru/>

- data/2012/12/09/1300531716/Историк%20сталинской%20эпохи.pdf (дата обращения : 12.03.2015).
- 31 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. С. 456.
- 32 *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Указ. соч. С. 102.
- 33 *Покровский М. Н.* К истории СССР (Предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 18–19.
- 34 *Пионтковский С.* Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 26.
- 35 «Историк-марксист» за пять лет (1926–1930 гг.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 136.
- 36 Літопис революції. 1930. № 2. С. 272–302.
- 37 *Скубицкий Т. М.* Яворский. История Украины в сжатом очерке // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 282–285.
- 38 Резолюции, принятые на общем собрании Общества от 19. III-30 // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 167.
- 39 Яворский Матвей Иванович, родился в с. Кормчин (Галиция) в крестьянской семье, закончил Львовскую гимназию, а в 1910 г. – Львовский университет по специальности «история и политэкономия». В Первую мировую войну был призван в австрийскую армию, служил в чине поручика. В период Гражданской войны работал пропагандистом при штабе австрийского уполномоченного в г. Холм, в 1918 г. при штабе уполномоченного Австрии при Центральной Раде, затем при гетмане Скоропадском в Киеве. С конца 1918 г. был начальником жандармерии в Галиции. В 1919 г. в составе галицийской армии переходит на сторону Красной армии, в 1920 г. был принят в Коммунистическую партию. С окончанием Гражданской войны и вплоть до ареста в 1931 г. занимался преподавательской и научной работой в Коммунистическом университете им. Артема, Украинском институте марксизма-ленинизма (с 1923 по 1931 г.), Ленинградском государственном музее (с 1930 по 1931 г.). Был избран председателем Харьковского научного общества, академиком ВУАН.
- 40 12 января 1929 г. М. С. Грушевский был избран действительным членом АН СССР, с 1930 г. и до смерти в 1934 г. работал в Москве.
- 41 Смысл встречи вместо ожидаемого серьезного разговора о литературе свелся к совершенно банальным вопросам – отдать Украине Курскую и Воронежскую области, часть Кубани, якобы заселенные украинцами, запретить пьесу Михаила Булгакова «Дни Турбиных» как антиукраинскую, в которой «единая и неделимая выпирает» (см.: Искусство кино. 1991. № 5).
- 42 Характерно, что рядом со статьей Т. Скубицкого в этом же номере «Историка-марксиста» были опубликованы такой же направленности статьи С. Пионтковского «Великодержавные тенденции в историографии России» и М. Югова «Положение и задачи на историческом фронте Белоруссии».
- 43 *Скубицкий Т.* Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 27.
- 44 Там же. С. 30–31.
- 45 Там же С. 35.
- 46 Там же. С. 37.
- 47 Там же. С. 38.
- 48 *Кравченко В. В. Д. И. Багалей* : научная и общественно-политическая деятельность. Харьков, 1990. С. 143.
- 49 Цит. по: *Стоян Т. А.* Політична цензура 1920–1930-х років та її вплив на митців України : М. О. Булгаков // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. 2010. № 3(55). С. 113.
- 50 См.: *Стариків Г.* Зачистка ідеологічної території надєдодні заснування інституту історії АН УРСР. Д. І. Багалій і більшовицька репресивна машина в останні роки життя // Історіографічні дослідження в Україні : Зб. наук. пр. 2012. Вип. 22. С. 669.
- 51 *Покровский М. Н.* О задачах марксистской исторической науки // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 4–5.
- 52 *Гехтман С.* Правооппортунистическая ревизия Ленина под флагом критики национал-демократизма (О статье т. М. Рубача в № 5 журнала «Летопись революции») // Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 160.
- 53 Там же. С. 160–161.
- 54 Літопис революції. 1931. № 5. С. 6.
- 55 Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 170.

УДК 94:329.055.2

ПРИМЕНЕНИЕ ВОЙСК НКВД В БОРЬБЕ С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944–1945 годы)

А. А. Климов

Центр оперативно-тактических исследований внутренних войск МВД России, Москва
E-mail: yakut12@post.ru

В статье рассмотрены особенности служебно-боевой деятельности личного состава войск НКВД в борьбе с националистическими

формированиями на территории Прибалтики. Дается характеристика националистическим организациям, действовавшим в Эстонии, Латвии и Литве. Показаны особенности применения частей и подразделений войск при борьбе с бандитизмом в прибалтийских республиках.

Ключевые слова: войска НКВД; националистические формирования; борьба с националистическим подпольем; управление Прибалтийского округа внутренних войск.

The Engagement of the NKVD Troops in the Struggle Against Nationalist Groups on the Territory of the Baltic States in the Final Period of the Great Patriotic War (1944–1945)

A. A. Klimov

The article deals with the features of the service and combat activity of the NKVD troops struggling against nationalist groups on the territory of the Baltic states. The author characterizes the nationalist organizations, operating in Estonia, Latvia and Lithuania, and shows the peculiarities of the forces' units' engagement in the struggle against banditism in the Baltic republics.

Key words: NKVD troops; nationalist groups; struggle against underground nationalists; Command of the interior troops of the Baltic district.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-30-34

События последних лет в прибалтийских государствах стали поводом для многочисленных публикаций, различных манифестаций и дипломатических заявлений. Попытки ликвидировать воинские захоронения солдат, освобождавших эти территории от фашизма, вызвали бурю негодования в Европе и России. Торжественные марши прибалтийских эсэсовцев в Эстонии и Латвии стали предметом многочисленных акций протеста в различных странах, в том числе и в самих странах Балтии. Об этом уже много написано в самых разнообразных исследованиях и публицистических статьях. Сегодня, спустя много лет после Великой Победы над нацизмом, парады тех, кто служил в отрядах СС, являются явным анахронизмом и дикостью, особенно в условиях Новой Объединенной Европы, неотъемлемой частью которой хотят стать и прибалтийские государства. Однако не только торжественные парады ветеранов СС в современной Эстонии и Латвии привлекают к себе пристальное внимание. Изучая события последних десятилетий, приходишь к выводу, что марши эсэсовцев являются лишь частью внутривнутриполитической ситуации в этом новом члене Объединенной Европы. Героизация «подвигов» «борцов за независимость» и почти полное игнорирование на государственном уровне иных точек зрения просматривается практически во всех делах и событиях современных стран Балтии.

Следует отметить, что несмотря на все завешения «сегодняшних» прибалтийских политиков, на территории Прибалтики и приграничных к ней северо-западных территорий СССР в годы войны был создан разветвленный оккупационный аппарат Германии, активно поддерживаемый частью прибалтийского населения. Кроме того, на территории этих государств и Псковской области действовало значительное количество различного рода националистических формирований, некоторые из них имели давнюю историю организации и функционирования, действовали различного рода антипартизанские и антисоветские объеди-

нения, также поддерживаемые и подпитываемые немецкими властями.

После изгнания с территории Латвийской ССР в 1944 г. немецких войск большая часть латышских националистических элементов, бывших полицейских, легионеров и участников карательных отрядов с оружием в руках ушли в подполье, направив свою деятельность против органов советской власти и проводимых ею мероприятий. В различные военизированные формирования с начала войны латышские националисты (айзсарги) смогли привлечь около 100 тыс. человек¹.

В Эстонии с началом боевых действий на советско-германском фронте в 1941 г. националистические отряды «лесных братьев» стали нападать на подразделения Красной армии и на местные органы советской власти.

В период немецкой оккупации на базе националистической организации «лесных братьев» была создана вооруженная организация «Омакайтсе» («Самозащита»). Общая численность формирований «Омакайтсе» достигала 90 000 человек, среди которых было значительное количество женщин. «Омакайтсе» занималась подготовкой шпионов, диверсионных групп и использовала их для подрыва экономики Советского Союза, а также организовывала диверсионно-террористические акты против руководителей Красной армии².

В Литве националистическим подпольем руководил созданный в июне 1941 г. Фронт литовских активистов. Не добившись от немецкого руководства признания независимости Литвы, фронт распался. Вместо него в декабре 1941 г. из существовавших националистических организаций, объединившихся для борьбы за создание независимого литовского государства, возникла Армия освобождения Литвы (ЛЛА)³. Помимо нее существовали «Высший комитет освобождения Литвы», «Союз литовских партизан» и «Комитет защиты Литвы», развернувшие активную деятельность против советской власти после 1943 г.

Значительная часть вооруженных формирований в Эстонии, Латвии и Литве была подготовлена в 1943–1944 гг. разведкой фашистской Германии. В документах немецких разведорганов прямо указывалось, что ввиду изменения общего положения, отхода наших войск стала очевидна необходимость подготовки и организации движения сопротивления, в других приказах обращалось внимание на задачи отдельных подразделений СС («Ягдэйн-затц Балтикум») – организовать партизанское движение в освобожденных Красной армией районах Латвии, осуществлять диверсии на железных дорогах, захватывать власть в свои руки, проводить антисоветскую агитацию, вовлекать население в группы для активной борьбы против советской власти.

Целый ряд немецких разведподразделений «Ягдфербанда Ост» – «лесные кошки» – получили задание по «созданию и руководству в Латвии

движением сопротивления». Организованные группы были направлены в различные уезды освобожденной Латвии. Им были переданы агентура, передатчики, коды и шифры для связи, разработанные регионы базирования и задачи деятельности. Между группами была налажена связь и в их действиях в 1944–1945 гг. «чувствовалась большая согласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее». Многие группы забрасывались с самолетов, часть были оставлены в тылу и должны были легализоваться и получить советские документы. Некоторые члены таких групп были выявлены и арестованы только к 1947–1948 гг., а ряд боевиков, подготовленных абвергруппой 212, совершали теракты и диверсии до 1949 г.

Полностью не разоружилась в 1944 г. и польская Армия Крайова: часть ее, сохранив оружие и боеприпасы, скрывалась в лесах, начав борьбу с советской властью на территории Прибалтики.

После освобождения территории западных районов Советского Союза от немецких оккупантов в 1944 г. войска НКВД СССР продолжили борьбу с националистическими формированиями в Прибалтике, превратившимися по существу в вооруженные банды, которые занимались борьбой с советской властью на территории прибалтийских советских республик.

Руководство националистических организаций прибалтийских советских республик перешло на нелегальное положение, а их вооруженные группы, уйдя в леса, широко развернули антисоветскую деятельность. Националистические формирования в большом количестве выпускали свои прокламации и листовки, распространяли их среди местного населения.

Источником комплектования националистических бандитских групп в основном служили лица, скомпрометировавшие себя перед советским народом в период немецкой оккупации.

Националисты нападали на советские учреждения в селах и городах, на волостные центры, машинно-тракторные станции, конно-прокатные пункты, совхозы и дезорганизовывали их работу, совершали террористические акты над партийно-советским активом, бойцами истребительных отрядов и их семьями, сотрудниками НКВД – НКГБ, военнослужащими войск НКВД и Красной армии. Всего по республикам Прибалтики только за 1945 г. было зарегистрировано 3 765 бандпроявлений⁴.

Борьба с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями была трудной и напряженной. В ней участвовали некоторые воинские части и подразделения Красной армии в районах их боевых действий, войска НКВД по охране тыла Действующей Красной армии, пограничные войска в местах их дислокации.

Руководство служебно-боевой деятельностью войск НКВД по борьбе с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями осуществляли НКВД СССР и НКГБ СССР,

республиканские НКВД и НКГБ на территории Прибалтики, областные управления этих министерств через отделы по борьбе с бандитизмом и непосредственно Главное управление внутренних войск через Управление внутренних войск НКВД Прибалтийского округа. Организовывали борьбу с националистами на местах командиры и штабы соединений и частей войск НКВД.

В целях ликвидации националистических бандформирований на территории Прибалтики в декабре 1944 г. на базе 4-й и 5-й стрелковых дивизий внутренних войск было сформировано Управление внутренних войск НКВД Прибалтийского округа⁵. Для руководства борьбой с националистами был создан Штаб главного руководства, который координировал действия войск НКВД с командованием соединений и частей Красной армии.

Основную нагрузку в ходе проведения чекистско-войсковых операций против националистических формирований несли войска НКВД. Части Красной армии выполняли, как правило, вспомогательные функции, в основном привлекаясь для блокирования районов боевых действий.

В ходе проведения чекистско-войсковых операций с сентября 1944 г. по 1 ноября 1945 г. внутренние войска, органы НКВД–НКГБ на территории Эстонии ликвидировали 11 антисоветских националистических организаций и 359 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Было уничтожено 290 бандитов, задержано 5 135 человек. Из них было выявлено 2309 бандитов, 451 бандпособник, 2 064 изменника Родины и 211 членов «Омакайтсе»⁶.

Кроме «повстанцев», организованных немцами, на территории Латвии и Эстонии действовали и самостоятельные националистические бандформирования. Многие жители, крайне отрицательно относившиеся к восстановлению советской власти, ушли в леса еще весной – летом 1944 г., не желая быть мобилизованными в немецкую и советскую армии. После августа 1944 г., когда был проведен первый массовый призыв в Красную армию, число «лесных братьев» увеличилось. Именно они, а также бывшие члены «Омакайтсе», эстонских полицейских *shuma*-батальонов, солдаты полков пограничной стражи и другие националистически настроенные жители составили основной костяк отрядов «лесных братьев». Борьба с этими формированиями стала одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных структур Северо-Запада России в послевоенный период.

В начале 1944 г., когда основная часть территории Латвийской ССР оставалась оккупированной немецкими войсками, борьба с националистическим подпольем велась в прифронтовых районах республики. С июля 1944 г. по 20 января 1945 г. органами НКВД–НКГБ было арестовано 5 223 чел., из них выявлено 376 участников бандформирований и их пособников, 479 участников

латвийских националистических организаций, 2 721 предателей, изменников Родины, немецких ставленников и пособников. После освобождения Латвийской ССР вся территория была разделена на 6 оперативных секторов, в каждом из которых действовали подразделения внутренних войск.

В докладе народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия на имя И. В. Сталина сообщалось, что, по данным НКВД Латвийской ССР, с 1 июля 1944 г. по 1 ноября 1945 г. в результате оперативных мероприятий и чекистско-войсковых операций убито, захвачено и явилось с повинной 7 085 человек, в том числе: бандитов – 3 916, бандпособников – 832, немецких ставленников, пособников и другого антисоветского элемента – 2 337. Захвачено при разгроме националистических формирований и изъято: пулеметов – 320, автоматов 1 083, винтовок – 6 713, револьверов – 510, гранат – 4 085, мин – 514, патронов – 264 255, взрывчатых веществ – 31 кг⁷.

В документе особо подчеркивалось, что в июле – сентябре 1945 г. ликвидирована подпольная антисоветская националистическая организация «Самозащита», действовавшая на территории Латвийской ССР. По делу арестовано 11 человек. Следствием было установлено, что активные участники организации распространяли среди населения антисоветские листовки, призывали латышей к саботажу мероприятий советских и партийных органов, к отказу от работы в советских учреждениях, вербовали в организацию и банды новых участников и приобретали оружие.

Кроме того, они совершили ряд террористических актов над советско-партийным активом, работниками НКВД и НКГБ, разгромили несколько сельсоветов и волисполкомов, произвели ряд ограблений государственных и кооперативных учреждений и предприятий.

В целях разложения и быстрой ликвидации скрывающихся банд этой организации было выпущено обращение к своим соучастникам арестованного К. П. Плаудиса с призывом сложить оружие и добровольно явиться в органы советской власти. В результате по Валмиерскому и Валкскому уездам Латвийской ССР явились с повинной и сдали оружие 30 бандитов, в том числе и главаря банд.

Однако наиболее напряженная борьба с националистическими отрядами развернулась на территории Литовской ССР. Здесь, в отличие от Латвии и Эстонии, численность вооруженных формирований националистов была значительной. В ноябре 1944 г., по различным источникам, в лесах Литвы скрывались от 15 тыс. до 33 тыс. человек⁸. Наряду с этим на территории Литвы, прежде всего в Виленской области, активно действовали польские националистические группы из Армии Крайовой в составе 30 бригад общей численностью более 25 тыс. человек.

К борьбе с националистами были привлечены и отряды местной самообороны («истребите-

ли»), которые в 1945 г. по постановлению ЦК КПЛ и Совета министров Литовской ССР были переименованы в отряды народных защитников. Отряды формировались из числа активистов и вооружались в основном трофейным оружием. Формирования «истребителей» были созданы во всех 300 литовских волостях. В каждом отряде насчитывалось до 30 человек.

Всего же в 1944–1945 гг. в результате активной служебно-боевой деятельности войска НКВД во взаимодействии с органами госбезопасности и отрядами «истребителей» ликвидировали в Литве 275 антисоветских националистических формирований и 1 219 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Потери при проведении специальных операций составили: 250 сотрудников милиции, военнослужащих внутренних войск и работников органов НКВД–НКГБ⁹.

Несмотря на значительную результативность чекистско-войсковых операций, проведенных в период 1944–1945 гг., деятельность националистических отрядов на территории Прибалтики не прекратилась. На 1 января 1945 г., по учетным данным органов НКВД прибалтийских советских республик, числилось: бандгрупп – 187, бандитов – 12 758¹⁰.

Одной из задач националистического подполья являлся срыв важнейших политических и хозяйственных кампаний. Главную роль в деятельности националистических формирований в Прибалтике играли террористические акты. Открытый бой бандформированиями принимался только на хорошо известной им местности и только тогда, когда они обладали явным преимуществом. Небольшие воинские подразделения уничтожались путем организации засад, внезапных и стремительных налетов, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества и продовольствия.

После окончания Великой Отечественной войны начался новый этап нелегкой, напряженной борьбы с политическим бандитизмом и националистическим подпольем в Прибалтике. В этот период главной задачей войск НКВД являлось надежное обеспечение общественного порядка в населенных пунктах при одновременном усилении борьбы с бандитизмом. Однако националистическое подполье пыталось не ослаблять своей деятельности, изыскивая при этом новые методы борьбы с советской властью. Все это требовало от личного состава войск НКВД усиления служебно-боевой деятельности по окончательному разгрому националистов в послевоенный период.

Таким образом, при проведении борьбы с националистическими формированиями на территории Прибалтики в заключительный период Великой Отечественной войны командованием войск НКВД принимались решительные меры к повышению результативности проводимых чекистско-войсковых операций и недопущению безнаказанного ухода вооруженных националистов от

войсковых нарядов. Личный состав войск НКВД при проведении чекистско-войсковых операций в прибалтийских советских республиках учитывал особенности действий националистических формирований и активно привлекал местное население к разгрому националистического подполья.

Вооруженная борьба с националистическими формированиями на территории Прибалтики требовала от личного состава войск НКВД постоянной боеготовности, высокой бдительности, отличного знания оружия и умелого его применения.

Примечания

¹ См.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 491.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 147. Л. 65.

³ Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР : сб. документов. М., 2011. С. 38.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 147. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 137.

⁶ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–5.

⁷ Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. С. 231.

⁸ См.: Зубкова Е. Ю. «Лесные братья» в Прибалтике : война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 764. Л. 18–20.

¹⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 147. Л. 67.

УДК 94(=112.2)(47)|1954/2014|

ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (1954–2014 ГОДЫ): ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

А. А. Герман

Саратовский государственный университет
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор впервые попытался провести системный анализ послевоенного общественного движения российских немцев (1954–2014 гг.). В работе выделены важнейшие этапы общественного движения, дана их общая характеристика. Рассмотрены специфика каждого этапа, основные проблемы, которые приходилось решать лидерам движения, реакция государства на общественную деятельность российских немцев.

Ключевые слова: общественное движение российских немцев, периоды общественного движения, спецпоселение, делегации в Москву, общество «Возрождение», национальная политическая элита, Федеральная национально-культурная автономия, Международный союз немецкой культуры, эмиграция в Германию.

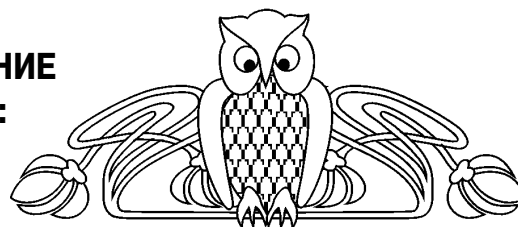
The Post-war Social Movement of the Russian Germans (1954 – 2014): an Attempt of a System Analysis

A. A. German

The author tried to make the first attempt to carry out a system analysis of the post-war social movement of Russian Germans (1954–2014). The paper highlights the most important stages of the social movement and gives their general characteristics. It considers the specificity of each stage, the main problems which the leaders of the movement had to deal with, the State's response to the social activities of Russian Germans.

Key words: social movement of the Russian Germans, periods of social movements, special settlements, delegations to Moscow, society «Revival», national political elite, Federal National-Cultural Autonomy, International Union of German culture, emigration to Germany.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-34-40

До 1941 г. подавляющее большинство российских немцев, насчитывавших тогда свыше 1,4 млн чел., проживало в европейской части СССР, существовали территории компактного проживания немцев в Саратовском Поволжье, в Причерноморье и Бессарабии, в Закавказье и под Ленинградом. У поволжских немцев перед войной существовала даже своя автономная государственность – АССР немцев Поволжья¹.

Война, депортация, ликвидировавшая компактность поселения немцев и расплывшая их на огромной территории Сибири, Казахстана и Средней Азии, тяжелые годы труда и высокая смертность в «Трудовой армии», жизнь на спецпоселении коренным образом изменили существовавший ранее образ жизни немецкого населения, прервали процесс естественного развития различных территориальных, социальных и религиозных групп немцев, перемешали их в едином котле. Сегодня многие исследователи истории российских немцев говорят о том, что еще в ходе войны возникли и стали развиваться два процесса противоположной направленности.

С одной стороны, на основе смешения всех групп немцев запустился процесс формирования немцев как единого народа. Именно с военных и первых послевоенных лет немцы стали ощущать себя единым народом. С другой – расплытие немецкого этноса по огромным территориям, бесцеремонность, с которой перемещались по стране контингенты немецкого населения различных категорий, грубая дискриминация даже

элементарных национальных запросов вынуждали немцев приспособляться к новым условиям жизни, что привело к резкому ускорению ассимиляционных процессов. Этому способствовал беспрецедентный ранее для немцев феномен массового вступления немецких юношей и девушек в смешанные браки с девушками и парнями других национальностей. Это происходило в силу сложившихся условий, в местах бывшей трудармии и спецпоселения.

О таких процессах, происходивших в Соликамске, рассказал в своих воспоминаниях Э. А. Гриб, бывший трудармеец: «Трудармейский народ комбината... первое время продолжал жить в своем старом бараке, так как больше жить было негде. Но постепенно молодые трудармейцы стали находить себе жен. Сначала это были вдовы погибших на войне, некоторые из них с детьми. Жили они в основном бедно и очень нуждались. Но довольно скоро за трудармейцев стали выходить замуж и местные девчата... Ну а поскольку немцев в Соликамске было много, число смешанных браков в послевоенные годы быстро достигло внушительных размеров. Чисто немецких семей почти не было...»²

Если до войны свыше 90% немцев СССР проживало в селе, то после войны почти половина трудоспособного населения стала работать в различных отраслях промышленности, на транспорте, в строительстве, стали жителями городов и рабочих поселков³. В этих местах ассимиляционные процессы проходили особенно быстро.

Зарождение общественного движения российских немцев, его первый этап – «этап «писем». Свообразным толчком, создавшим условия для постепенного осознания российскими немцами необходимости борьбы против необоснованной дискриминации своих прав советских граждан, стали начавшиеся в СССР с 1953 г. постепенные процессы отхода нового руководства страны от наиболее одиозных проявлений сталинского режима, а также нормализация отношений СССР с ФРГ.

В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от спецпоселенцев шёл огромный поток писем, в которых люди пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять с них режим спецпоселения или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унизительные ограничения.

На 1 января 1953 г. на учёте спецпоселения в СССР числилось 2 753,4 тыс. человек. Среди них контингент «немцы» составлял 1224,9 тыс. человек, то есть 44,5%. Это был самый крупный контингент спецпоселения. Следовавший за ним второй по численности контингент «с Северного Кавказа» (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и др.) насчитывал 498,4 тыс. человек и составлял всего 18%⁴.

География немецкого спецпоселения в СССР была весьма широка. В РСФСР проживало 707,2 тыс. немцев. Больше всего их было в Запад-

ной Сибири (338,1 тыс.), на Урале (198,6 тыс.), значительно меньше в других регионах. Тем не менее немецкое спецпоселение существовало практически во всех регионах, даже там, откуда немцы в 1941 г. депортировались. В европейской части РСФСР насчитывалось 83,3 тыс. немецко-спецпереселенцев. Из других союзных республик больше всего немцев имелось в Казахстане – 448,6 тыс. человек. Достаточно много немцев проживало в Таджикистане – 28,2 тыс., в Киргизии – 15,7 тыс.⁵

С 1954 г. советским руководством был взят курс на постепенную ликвидацию спецпоселения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. со всех без исключения оставшихся к тому времени на спецпоселении немцев были сняты предусмотренные этим режимом ограничения⁶. Освободив немцев от спецпоселения, руководство страны, тем не менее, сохранило в отношении них ряд дискриминационных мер. В Указе специально оговаривалось, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Такая формулировка позволяла сохранить и после отмены спецпоселения в местах со сложными природно-климатическими условиями большую массу трудолюбивых рабочих рук. Кроме того, в Указе были полностью проигнорированы права немцев как национального меньшинства на удовлетворении своих потребностей в сохранении языка, культуры, традиций и т. п.

Эмиграция. В первое десятилетие после ликвидации режима спецпоселения из среды российских немцев наиболее настойчиво и громко артикулировали свои требования репатрианты, желавшие возвращения в Германию. Именно они, получив под давлением правительства ФРГ такое право, положили начало эмиграционному движению российских немцев, которое постепенно с каждым годом разрасталось, втягивая и другие категории российских немцев⁷.

Проведенное исследование позволяет заключить, что эмиграция с самого своего зарождения и до сего времени была и остается постоянной, специфической, формой борьбы части немецкого населения нашей страны за сохранение своей национальной идентичности, альтернативной движению за устранение дискриминации и реабилитации немцев сначала в СССР, а потом и в России. Нередко эмиграция канализировала в нужное ей русло протестную активность немцев и в этом смысле даже в какой-то мере усложняла организацию общественного движения за дальнейшую реабилитацию. С начала 1960-х гг. нарастание эмиграционных настроений немцев становится «головной болью» советского руководства. Все более понятной становилась недостаточность реабилитационных мер в отношении немцев, предпринятых в 1954–1955 гг.

Второй этап общественного движения российских немцев – «этап делегаций». 29 августа 1964 г. подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года „О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья“»⁸. Указ признал необоснованными и отменил все обвинения немцев Поволжья в измене родине и пособничестве фашистскому агрессору, что, по сути, означало политическую реабилитацию российских немцев. Издание Указа должно было продемонстрировать, что власть признала допущенную по отношению к немцам несправедливость, ликвидировала ее и готова помогать немцам на местах и, таким образом, считает «немецкий вопрос» делом решенным. Однако для российских немцев вторая часть Указа, как в свое время и Указа 1955 г. о снятии немцев с режима спецпоселения, говорила о нежелании советского руководства менять что-либо в установившейся ситуации с немцами. Своим содержанием Указ от 29 августа порождал явное противоречие практики советского руководства в отношении немцев с принципами идеологической системы по национальному вопросу. Это порождало надежду на возможность лояльными методами добиться решения задачи восстановления АССР немцев Поволжья.

Указ дал мощный импульс легальному национальному движению. Оно зародилось, его инициаторами стали бывшие партийные функционеры Республики немцев Поволжья – коммунисты-ветераны. С позиций полнейшей лояльности к власти, напирая на ленинские принципы национальной политики, они пытались уговорить советское руководство возродить АССР немцев Поволжья.

Первая делегация российских немцев в составе 13 человек была принята 12 января 1965 г. председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, вторая делегация (33 чел.) – 15 июня 1965 г. – в ЦК КПСС и 7 июля 1965 г. – опять А. И. Микояном. Попытка послать в Москву третью делегацию в 1966 г. была сорвана властью, которая развернула репрессии в отношении активистов немецкого движения. На просьбу делегатов восстановить АССР немцев Поволжья был дан однозначно негативный ответ: «Массовое переселение (на Волгу, если оно будет разрешено. – А. Г.) требует больших затрат и нанесет большой урон экономике страны...»⁹

Возможно, что у общественного движения немцев были шансы добиться успеха, если бы оно сформировалось хотя бы на год раньше. Но указ вышел всего за полтора месяца до смещения Н. С. Хрущева. Новое руководство страны во главе с Л. И. Брежневым довольно быстро встало на консервативный курс неосталинизма, заморозило все политические преобразования, прекратило критику культа Сталина, начало тихие репрессии против «политических романтиков», поверивших в возможность демократизации общества.

Второй этап общественного движения российских немцев продолжался около двух лет, он остался в его истории короткой, но яркой вспышкой, показавшей возможности консолидированных действий. Главным результатом этого этапа стало доведение до советского руководства проблем и чаяний советских немцев. Не случайно, спустя 15 лет, безуспешно испробовав методы «социалистического» воспитания советских немцев¹⁰, советскому руководству пришлось признать необходимость образования территориальной автономии российских немцев как фактор, который позволил бы отвлечь немцев от проблем эмиграции, быстро набиравшей обороты. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. разрабатывалось несколько проектов создания немецкой автономии, но за пределами или лишь частично на ее исторической территории. Один из таких проектов, весьма неуклюжий, при попытке его реализации в центральном Казахстане, потерпел крах¹¹. Другие также остались на бумаге, что было связано со сменой руководства страны. Жесткий Ю. В. Андропов прервал этот эксперимент.

В целом этап общественной жизни российских немцев с 1966 по 1987 г. можно назвать третьим – диссидентским.

Основной стала борьба за право выезда из СССР. Советские немцы, отправляясь в эмиграцию, причем не в ГДР, а в ФРГ недвусмысленно показывали свое отношение к власти, компрометировали советский режим. Власть вынуждена была предпринимать какие-то меры, которые могли бы удержать немцев в Советском Союзе. Отсюда появление немецкоязычных газет и журналов, радиопередач, попыток обучать немецких детей родному языку с начальных классов и т. п. В 1972 г. формально был снят запрет на возвращение на постоянное место жительства в места довоенного проживания немцев. Создавались возможности для выдвижения наиболее способных людей немецкой национальности на руководящие должности в промышленности, сельском хозяйстве, в партийных и комсомольских органах низшего, среднего и даже высшего звена. Так, если в 1961 г. в районных советах было представлено всего 4 608 немцев, то к 1984 г. их число утроилось, с 1973 г. представители «советских» немцев стали депутатами Верховного Совета СССР. В 1965 г. на пост министра пищевой промышленности СССР был назначен немец В. Лейн¹².

Со временем советским немцам стала доступной военная карьера, получение в государственных университетах и известных вузах престижных профессий. В эти годы значительное число представителей немецкой национальности пришло в технические и сельскохозяйственные науки. В отдельных вузовских городах формировались целые научные школы, большую роль в которых играли специалисты-немцы (Алма-Ата, Новосибирск, Омск, Томск, Свердловск и др.). Именно в этот период росли и обретали зрелость

люди, которым очень скоро, с началом перестройки, волею судьбы пришлось составить основу новой политической элиты российских немцев.

Четвертый, «перестроечный», этап национального движения немцев зародился в 1988 г. в разгар «перестройки». Его возглавила большей частью новая политическая элита. «Новые немцы», сформированные поздней советской тоталитарной системой, либо усвоили, либо вынуждены были принять многие характерные черты ее функционирования: полнейший идеологический и политический конформизм («политическая зрелость»), личную преданность вышестоящему руководителю, угодничество и подхалимаж, умение понравиться начальству, отсутствие (либо полное сокрытие) собственных принципов, нравственной и политической позиции, знание негласных правил аппаратной игры, умение вовремя отпарировать, «попасть в струю», показной активизм и т. п. Долголетнее разрушительное воздействие номенклатурной системы не могло не изменять личность, не формировать определенные ментальные черты части будущих политических лидеров и активистов немецкого национального движения.

Импульсом перестроечной активизации российских немцев стал предстоящий юбилей – 70-летие образования Области (трудовой коммуны) немцев Поволжья (19 октября 1988 г.). Первыми действиями руководства возрождавшегося национального движения, как и в 1965 г., стало формирование делегаций в Москву и организация встреч в ЦК КПСС и Верховном Совете СССР (апрель – октябрь 1988 г.). Было достигнуто определенное взаимопонимание, что позволило в марте 1989 г. создать Всесоюзное общественно-политическое и культурно-просветительное общество советских немцев «Возрождение».

Первый год своей деятельности с весны 1989 г. по весну 1990 г. руководство «Возрождения» сохраняло единство, по крайней мере, внешнее, надеясь на скорое разрешение немецкой проблемы, основу которой видела в восстановлении немецкой национально-территориальной автономии на Волге. Многие из лидеров немецкого движения (Г. Гроут, Г. Вормсбахер, Ю. Гаар и др.) смогли стать публичными и популярными в среде российских немцев фигурами, потому что смело ставили как перед лицом общественности, так и перед властными структурами вопрос о полной реабилитации своего народа. Однако уже на второй конференции «Возрождения» в январе 1990 г. вспыхнул серьезный конфликт, который стал быстро разрастаться в последующие месяцы.

Некоторые действия отдельных руководителей немецкого движения оказались непродуманными и даже вредными для немецкого движения. В частности, неосмотрительные высказывания и действия некоторых радикалов в Поволжье, угрозы «разобраться» с местным начальством в будущем и т. п. способствовали развитию среди населения, проживавшего на территории бывшей

АССР немцев Поволжья, антиавтономистских настроений, с помощью местных властей довольно быстро переросших в мощное протестное движение¹³.

Затяжка с решением «немецкого вопроса» усиливала противоречия внутри советско-немецкой политической элиты, которые начали нарастать в ходе подготовки и проведения I съезда немцев СССР. Именно он внес глубокий раскол в национальное движение российских немцев, последствия которого ощущались все минувшие годы, сохраняются и теперь. Радикализм большинства «Возрождения» во главе с Г. Гроутом, его политическая глухота, нежелание ради сохранения единства идти хоть на какие-то компромиссы внутри своей организации открыло негативную традицию раскола, выхода части членов из существующей организации и образования новых организаций российских немцев, активно борющихся друг с другом. 14 мая 1991 г. учреждается Союз немцев СССР, возглавляемый Р. Фальком и Г. Вормсбахером. Еще большую сумятицу во взаимоотношениях внутри политической элиты российских немцев внесла маленькая, но очень шумная группа во главе с К. Видмайером, выдвинувшая план образования немецкой автономии на территории Калининградской области. В августе они создали свою организацию «Балтийская лига». Были и другие политические группы.

Второй этап I Съезда немцев СССР (октябрь 1991 г.), как и два последующих съезда немцев бывшего СССР (в марте 1992 г. и феврале 1993 г.), не только не сблизил, но еще дальше развел между собой разные группы политической элиты немцев бывшего СССР. Концом 4-го перестроечного этапа можно считать распад СССР и заявление президента Б. Н. Ельцина 8 января 1992 г., в котором он фактически отказал в восстановлении АССР НП.

4-й этап общественного движения российских немцев, в отличие от всех предшествующих и последующих, оказался самым массовым. Произошла невиданная активизация народа, шло возвращение к национальным истокам, возрождались народная культура, ее традиции. Сам факт, что немцы могли свободно собираться, обсуждать свои проблемы, праздновать свои праздники, посещать молитвенные собрания и т. п., вызывал огромное воодушевление. Именно в этот момент начинает развиваться сеть немецких национально-культурных центров («центров встреч») по всей стране. 28 июня 1991 г. создается Международный союз немецкой культуры (МСНК), председателем которого становится Г. Г. Мартенс. Эта организация декларирует свой неполитический характер, взяв курс на поддержку и возрождение национальной культуры немцев¹⁴.

Объективными причинами неудачи немецкого общественного движения на четвертом этапе можно назвать общий кризис советской системы в стране, развал экономики, обострение противоречий во всех сферах общественной жизни. Не-

мецкая проблема для советского руководства в тот период была далеко не самой главной.

В этих и последующих конфликтах и расколах политической элиты ярко проявилась ее «советскость», отсутствие опыта работы в демократической среде, неумение и нежелание вникнуть в позицию оппонента, пойти на компромисс. Это была большая беда лидеров перестроечной поры. Ошибкой представляется и сведение всего многообразия задач национального движения практически к одной – воссозданию АССР НП. На эту задачу был настроен и народ. Потому-то поражение в этой борьбе для многих казалось невосполнимой трагедией. Провокационный призыв Г. Грута – всем уезжать в Германию, к сожалению, нашел серьезную поддержку. Началась массовая эмиграция немцев из России, Казахстана, других стран постсоветского пространства.

Следующий, **пятый, этап национального движения**, как представляется, приходится на 1992–1996 гг. Его можно назвать этапом переориентации на решение социально-экономических и национально-культурных проблем российских немцев

Распад СССР и появление новых независимых государств объективно способствовали разобщению территориальных организаций различных немецких политических объединений, оказавшихся по разные стороны границ, значительно ослабили боевой дух всех политических лидеров, как радикалов, так и умеренных. В течение 1992–1993 гг. наблюдается быстрый спад политической активности как самих немцев, так и их политической элиты, которая вынуждена была теперь перегруппировывать свои силы и приспособливаться к новым условиям.

После принятия новой Конституции Российской Федерации, введения в действие новых принципов национально-территориального устройства, формирования новых высших органов государственной власти и управления политическая элита теперь уже российских немцев растерялась и не смогла найти своего места в новой обстановке. Кроме того, она стала быстро таять (многие активисты различных немецких организаций эмигрировали в Германию).

Инициатива в решении проблем будущего российских немцев отдается в руки нового российского руководства и правительства ФРГ. В результате, главным рычагом решения проблем российских немцев стали выступать финансовые средства. Этому способствовал обострившийся экономический и финансовый кризис. Именно выделявшиеся Германией и Россией деньги стали важным фактором изменений в соотношении веса и влияния разных групп немецкой политической элиты в России. В 1996 г. в нашей стране принимается Федеральная программа поддержки развития российских немцев, ее практическое осуществление ведет государственно-общественный фонд «Российские немцы» во главе с И. Беккером.

Таким образом, этот лидер становится одной из ключевых фигур в новой комбинации российско-немецкой политической элиты.

Российское и германское руководство же в этой ситуации осуществляют своеобразный прагматический отбор, отдавая приоритет социально-экономическим и национально-культурным программам. В таких условиях политические организации («Возрождение», «Союз немцев России» и др.), теряя свое влияние, все более отходят в виртуальный мир, и, наоборот, неполитические организации – Международный союз немецкой культуры и менее влиятельные Общественная академия наук российских немцев, Немецкое молодежное объединение и т. п. – набирают очки.

Своевременно сориентировались политические деятели немцев Поволжского региона. В 1993 г. ими было создано Землячество немцев Поволжья – организация универсального характера, взявшая на себя решение всех проблем поволжских немцев. Она сумела подчинить своему влиянию региональные отделения общероссийских немецких организаций. Основной упор был сделан на решение социально-экономических и национально-культурных проблем немцев Поволжья, в результате часть российских и германских финансовых потоков пошла непосредственно в регион, а лидеры Землячества получили возможность принимать прямое участие в их распределении и освоении¹⁵.

Особо следует отметить, что ряд представителей российско-немецкой политической элиты стал включаться в структуры правительства, ведающие национальной политикой. Начало этому положил еще П. Фальк. В 1991 г., накануне проведения второго этапа I Съезда немцев СССР в Государственном комитете по делам национальностей, был создан департамент по делам народов, не имеющих собственной государственности. Его и возглавил П. Фальк, ранее народный депутат СССР, председатель Союза немцев СССР. В дальнейшем в разное время в Госкомнаце или в Миннаце работали А. Веер, В. Шрайнер, В. Бауэр Н. Варденбург и др., что позволило некоторым из них создать определенные связи в этих структурах, благодаря которым нередко удавалось добиваться каких-либо преимуществ для своих организаций в борьбе с конкурентами за государственные проекты и финансы¹⁶.

В целом этот этап характеризуется затишьем в политической борьбе и некоторым относительным примирением ранее враждовавших между собой группировок.

Тишина была взорвана в 1997 г. Причиной этого стал принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии», позволявший создать для немцев России новую государственно-общественную структуру с хорошими перспективами финансирования. Обозначился очередной **шестой этап общественного движения, связанный с деятельностью Федеральной**

национально-культурной автономии российских немцев (ФНКА РН), который продолжился до апреля 2009 г.

Началась активная кампания за создание новой структуры. В борьбе за овладение ФНКА с самого начала лидирующее положение заняла группа во главе с В. Бауэром, который, являясь в тот период заместителем министра по делам Федерации и национальностей, активно использовал свой «административный ресурс».

В течение 1997 г. структуры ФНКА создавались на местах – в субъектах Федерации, а 19–20 декабря 1997 г. состоялся учредительный съезд Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы». Ее президентом стал В. Бауэр, большинство постов в руководстве ФНКА также получили его сподвижники (В. Баумгертнер – вице-президент, А. Гангнус, П. Кисс, В. Шрайнер, Э. Вольф и др.)¹⁷. В то же время необходимо отметить, что в начале существования ФНКА в ней работали представители всех общественных организаций российских немцев. Казалось бы, создалась уникальная возможность консолидации политической элиты российских немцев и направления ее общих усилий в русле служения своему народу. Однако этого не произошло. С удручающей точностью в руководстве ФНКА были воспроизведены формы и методы работы лидеров «Возрождения».

С первых же дней своего существования руководство ФНКА во главе с В. Бауэром заявило претензии на единоличное представительство своей организацией интересов российских немцев, а следовательно, с их точки зрения ФНКА должна была стать единственной структурой, получающей и распределяющей российские и германские деньги, идущие на поддержку немецкого меньшинства в стране. В связи с этим ФНКА сразу же начала предпринимать попытки подчинения себе всех других организаций. Естественно, что это вызвало консолидацию и резкое противодействие последних. Так начался новый этап изнурительной борьбы внутри политической элиты российских немцев.

Почувствовав открытое сопротивление своей линии со стороны представителей других общественных организаций, В. Бауэр, пользуясь большинством своих сторонников в президиуме ФНКА, просто-напросто исключил всех своих оппонентов из ФНКА, эта же методика применялась и ко всем другим членам ФНКА, кто пытался оппонировать своему президенту как в центре, так и в регионах.

Противники ФНКА избрали три направления борьбы. Во-первых, они приняли серьезные меры к консолидации всех противников руководства ФНКА, как в центре, так и на местах. С этой целью была даже создана ассоциация «ВЕС» («Возрождение, единство, согласие»). Во-вторых, они стали активно работать в регионах, пытаясь захватить власть в местных структурах ФНКА. В-третьих,

они начали подготовку к новому съезду немцев России, чтобы через этот высший представительский форум немецкого населения страны взять ФНКА в свои руки. Избранная стратегия и тактика борьбы принесла определенный успех.

В конце концов, экстремизм группировки Бауэра в ФНКА стал настолько очевиден, что привел к объединению как его противников вне ФНКА, так и внутри этой организации. Общими усилиями им удалось «свалить» В. Бауэра. Новым президентом ФНКА российских немцев стал В. Баумгертнер, произошла определенная перегруппировка в высших эшелонах ФНКА, которая, однако, не привела к серьезному изменению стиля, форм и методов работы ФНКА. Для ФНКА периода руководства В. Баумгертнера было характерно сохранение авторитарных методов управления, неумение наладить доброжелательные отношения с местными организациями, правительственными структурами России и Германии, оценка национально-культурной деятельности в центре (МСНК) и на местах (немецкие культурные центры) как малозначимой и, более того, даже наносящей вред главной задаче – восстановлению территориальной автономии.

Такая ситуация все более не устраивала местные организации. В 2007 г. по инициативе местных структур ФНКА и национально-культурных организаций центрального региона началось движение самоорганизации российских немцев, которое довольно быстро стало распространяться на другие регионы, оно росло как по горизонтали, так и по вертикали, постепенно привлекая к себе все новых сторонников. Самоорганизация акцентировала внимание на вопросах национально-культурного развития немцев, потому получило поддержку МСНК, с которым ФНКА по старой традиции вела непримиримую борьбу. Сложилась коалиция центральных и местных организаций, выступавших за серьезные изменения принципов, форм и методов работы в системе немецких организаций.

Движение самоорганизации выступило за созыв внеочередного съезда российских немцев, который бы сменил неэффективное руководство ФНКА. Постепенно эта идея становилась все более популярной и была реализована в апреле 2009 г. Съезд состоялся, абсолютное большинство делегатов на нем представляли реформаторы. Они избрали новые руководящие органы ФНКА, его председателем стал Г. Г. Мартенс¹⁸.

С 2009 г. начался **новый, седьмой, современный этап развития национальной самоорганизации российских немцев – этап самоорганизации**. Шесть прошедших лет говорят о жизнеспособности новой системы организации российских немцев, хотя сохраняется еще немало сложных проблем. Импонирует то, что все проблемы решаются путем широкого демократического обсуждения, позволяющего услышать и учесть мнение каждого субъекта самоорганизации. Органы самооргани-

зации учатся, приобретают опыт, и есть надежда, что современный этап – это выход из порочного и замкнутого круга междоусобиц и авторитаризма на более высокую ступень взаимоотношений как организаций, так и их членов¹⁹.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немцкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М. : МСНК-пресс, 2007; *Его же.* Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // *Российская история.* 2012. № 4. С. 27–46.
- ² *Герман А. А.* «Если останусь жив...» : Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 40.
- ³ См.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев России. М. : МСНК-пресс, 2005. С. 485.
- ⁴ Там же. С. 484.
- ⁵ См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 286–303. Выборка сделана автором.
- ⁶ Подробнее см.: *Герман А. А.* Немцы СССР на спецпоселении // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2014. Т. 14, вып. 2. С. 39–47. Текст Указа от 13 декабря 1955 г. см.: *История российских немцев в документах.* М. : Междунар. ин-т гуманитарн. программ, 1993. С. 177.
- ⁷ Немцы-репатрианты – советские немцы, жители западных регионов СССР (свыше 130 тыс. чел.), которые, оказавшись под германской оккупацией, в 1943–1945 гг. были вывезены в Германию и получили там германское гражданство. После войны они были принудительно возвращены в СССР и внутри контингента спецпоселенцев «немцы» образовали подконтингент «немцы-репатрианты». Их германское гражданство было признано законом ФРГ от 22 февраля 1955 г. Советское руководство вынуждено было дать согласие на возвращение этих людей в Германию. Подробнее об этом см.: *Привалова М. Ю.* Советские

немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

- ⁸ Текст Указа см.: *История российских немцев в документах.* С. 178–179.
- ⁹ Подробнее об этом см.: *Вормсбехер Г. Г.* Протруберанцы мужества и надежд (1-я и 2-я делегации советских немцев в 1965 г.) // *Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.).* М. : АОО «Междунар. союз нем. культуры», 2003. С. 86–103.
- ¹⁰ Так, например, 26 июня 1974 г. ЦК КПСС принял Постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности».
- ¹¹ Подробнее о попытке создания Немецкой автономной области в Центральном Казахстане и ее провале см.: *Омаров М., Какен А.* Познание себя : к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. Алматы : Аль-Фараби, 1998.
- ¹² См.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* Указ. соч. С. 502.
- ¹³ Подробнее о межэтническом конфликте на Волге см.: *Скучаева О. Е.* Конфликтологический анализ ситуации в Саратовском Поволжье на рубеже 1980-х – 1990-х гг. // *Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности.* М. : МСНК-пресс, 2005. С. 346–356.
- ¹⁴ Подробнее о событиях в общественном движении российских немцев в 1989–1991 гг. см.: *Бауэр В., Иларионова Т.* Российские немцы: право на надежду. М. : Республика, 1995. С. 65–355.
- ¹⁵ См.: *Шумилова Л. Н.* Становление и эволюция политической элиты немцев Поволжья (1917 г. – конец XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 192–193.
- ¹⁶ Там же. С. 193.
- ¹⁷ См.: *Российская газета.* 1997. 21 декабря.
- ¹⁸ Протоколы съезда. Текущий архив ФНКА РН.
- ¹⁹ Повседневная жизнь Самоорганизации российских немцев широко и всесторонне освещается на информационном портале URL : www.rusdeutsch.ru.

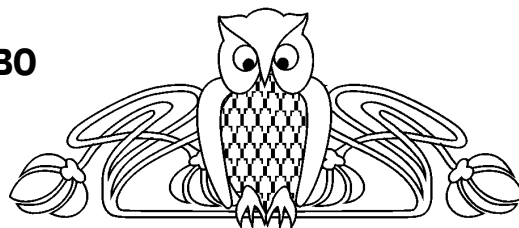
УДК [94:323.1:81,272] (47) |19|

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshv@mail.ru

В статье исследуются основные направления и особенности национально-языковой политики Советского государства во второй половине 1940 – середине 1980-х гг. Делается вывод

о приоритетном развитии русского языка, его роли в становлении и формировании советского народа как качественно новой исторической общности. Анализируется специфика взаимодействия русского языка и языков народов СССР в послевоенный период.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, власть, язык межнационального общения, советский народ, титульный этнос, союзные республики.

The National-ethnic Formation of the USSR in the Post-war Period: the Main Directions and Tendencies

A. P. Myakshev

The main directions and characteristics of the Soviet State national-linguistic policy in the second half of 1940s – the middle of the 1980s are analyzed in the article. The conclusion about the priority development of the Russian language and its role in the formation and shaping of the Soviet nation as a qualitatively new historical community is made. The specificity of the interaction between the Russian language and the languages of the USSR peoples in the post-war period is studied.

Key words: ethno-linguistic processes, authority, language of international communication, soviet people, titular ethnos group, Union republics.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-40-48

В начале 1980-х гг. на истфаке в МГУ была создана лаборатория по изучению новой исторической общности – советского народа. Руководить лабораторией было поручено видному специалисту по истории советского рабочего класса доценту А. И. Вдовину. Итогом работы автора данной статьи в лаборатории стала защита кандидатской диссертации по историографии феномена под названием «новая историческая общность». Регулярные дискуссии, проводимые в лаборатории, не смогли развеять сомнения по поводу реальности «советского народа». После «национального взрыва» времен «горбачевской перестройки» новая общность была признана историческим мифом, со всей очевидностью демонстрирующим абстрактность и аморфность «теоретических приобретений» периода «развитого социализма». Новое осмысление советских реалий в начале XXI в. заставило ученых обратиться и к «советскости» как одной из качественных характеристик общества, сознания, народа.

Профессор А. И. Вдовин, ставший одним из авторитетнейших специалистов в сфере изучения межнациональных отношений в СССР, не сомневался, что «новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью». По мнению ученого, «степень “советскости” была не одинакова у разных групп населения», однако «определенно существовала общность не с этническим, а гражданским основанием», причем советский народ был «более сплоченным, чем иные полиэтнические нации»¹. В сегодняшней историографии не осталось сомнений в том, Россия и до 1917 г. не была «тюрьмой народов», зато была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации².

В пользу существования новой исторической общности говорят многие факторы: значительный рост числа смешанных браков, наличие единого хозяйства, единой школы, единой армии, внутри которых постепенно вытеснялись национальные различия, формирование советского сознания, на-

чинавшееся с самопричисления к «советскому», и т. д. Процессы в национально-языковой сфере свидетельствовали о приобретении советским народом новых этнических свойств. Безусловно, в любом многонациональном государстве существует объективная необходимость выбора одного из наиболее развитых и распространенных языков для преодоления языкового барьера между гражданами, для поддержания нормального функционирования государства и всех его институтов, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех этносов, для развития экономики, культуры, науки и искусства. Русский язык обеспечивал каждому советскому гражданину, независимо от его национальности, возможность установления многообразных и постоянных связей с представителями других этнических групп. Исследованию основных направлений и выявлению главных тенденций национально-языкового строительства в СССР в послевоенный период посвящена данная статья.

Языковая политика, проводившаяся в СССР в 1945–1953 гг., была сформирована в 1930-е гг. В июне 1941 г. было официально объявлено об успешном завершении перевода языков народов СССР на кириллицу. Несмотря на политический характер введения кириллицы, зачастую трактуемого как «принудительная русификация», следует согласиться, что это «явление если и не желательное, то естественное: обстановка в стране требовала всеобщего изучения русского языка как единственного «лингва франка», а введение кириллицы облегчало такое изучение»³. Тем более и носители языков народов СССР восприняли этот переход как естественное событие.

Алфавитов на кириллице стало меньше, чем было на латинице. По подсчетам М. И. Исаева, в 1932–1940 гг. потеряли письменность 11 малых народов⁴. Уменьшение числа алфавитов происходило и в результате уменьшения числа официально признанных народов, как это было, к примеру, с дигорцами. В ходе войны языковое строительство было свернуто и для многих народов потом не восстанавливалось.

Главной мерой в языковой политике тех лет стало активное внедрение русского языка во все сферы языковой жизни. Важнейшей вехой в этом процессе явилось постановление ЦК ВКП (б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и последовавший за этим процесс принятия аналогичных постановлений во всех союзных республиках (в России подобное положение действовало до 1994 г.). Этими актами было положено начало созданию единой централизованной политики в обучении русскому языку.

В историографии отмечен и другой интересный факт: за пределами РСФСР в ряде случаев более мелкие языки вытеснялись не только русским, но и языками титульных этносов союзных республик (форсированное вытеснение абхазского

и осетинского языков грузинским в Грузии, памирских языков – таджикским в Таджикистане)⁵. Официальные лозунги, правда, оставались прежними, а статья 121 Конституции СССР 1936 г. провозглашала право образования на родном языке.

Единого мнения по поводу роли родных языков в партийной среде не было. Секретарь Тюменского обкома ВКП (б) Чубаров в марте 1948 г. в докладной записке А. А. Жданову отмечал плачевное состояние с обучением детей ханты и манси: ежегодно происходит значительный отсев учащихся из начальной школы, а обучение в 5–7 классах продолжают единицы. Минпрос РСФСР, отмечал Чубаров, «рассматривает народности Крайнего Севера нашей области как вполне сложившиеся национальности, имеющие единый литературный язык и свою письменную литературу». На самом же деле, утверждал секретарь обкома, каждая из народностей имеет ряд языковых диалектов, а внутри этих диалектов имеются различные говоры или наречия, а часть граждан, считающих себя по национальности ханты или манси, «в действительности не владеют ни тем, ни другим языком, разговаривая только на русском». Попытки создать «единый литературный хантыйский язык» в 1940 г. ни к чему не привели⁶.

По своему словарному запасу эти языки, подчёркивал Чубаров, крайне бедны, собственной письменной литературы на этих языках нет, тем более что в национальных округах чрезвычайно мало школ с национально однородным составом учащихся, поэтому «невозможно вести обучение на каком-либо одном из северных языков»⁷. В связи с этим Чубаров внёс предложение: во всех школах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов обучение вести на русском языке, исключив со второго года обучения родной язык как предмет. В семилетних и средних школах детям северных народностей предлагалось создать национальные по составу классы, в которых бы обучение велось на русском языке⁸.

Мнение ЦК выразила заведующая сектором школ отдела пропаганды и агитации Л. Дубровина, заявившая, что «перевод обучения детей ханты, манси и ненцев на русский язык отрицательно отразится на развитии национальной культуры... и является неправильным с точки зрения педагогической, так как обучение детей на непонятном для них языке ухудшит качество подготовки учащихся»⁹.

Главным направлением языковой политики Советского государства в послевоенный период стало усиление внедрения в образовательные сферы русского языка. Представляется, что война заставила власть пересмотреть отношение к проблемам морально-политического единства советского народа. «Национальный коллаборационизм» вынуждал советское руководство вырабатывать нетрадиционные методы укрепления общесоветской идентичности. Депортации народов способствовали «перемешиванию» национальной структуры, прежде всего, в местах

ссылки. Думается, неслучайным был сам выбор мест, куда переселяли народы Северного Кавказа. Возможно, целью перемещения горских народов на равнинные территории являлось «формирование» «срединного» типа темперамента советских народов. Тревожное ожидание третьей мировой войны заставляло советских идеологов актуализировать поиск новых «скреп» для достижения единства советского народа. Роль одной из таких «скреп» отводилась русскому языку.

Достаточно красноречивым примером может служить обращение секретаря Марийского обкома ВКП (б) Ларионова к секретарю ЦК М. А. Суслову с предложением вести обучение детей мари русскому языку со второго полугодия первого года по два часа в неделю за счёт родного языка, а также увеличить количество часов на русский язык за счёт часов по иностранному языку¹⁰. В конце 1940-х гг. по заданию ЦК ВКП (б) была проведена проверка национальных школ автономных республик РСФСР. В результате было установлено, что «средняя школа с 1 по 10 класс включительно полностью работает на родном языке только в Татарской автономной республике», а отдельные предметы в небольшом числе школ преподаются в 8–10 классах на родном языке также в Чувашской и Башкирской АССР¹¹. Преподавание же русского языка в школах автономных республик было признано неудовлетворительным.

Поступившие в отдел пропаганды и агитации предложения сводились к признанию необходимости создания с 1949/50 уч. г. специальных отделений по подготовке преподавателей русского языка и литературы в национальных школах, решительному увеличению числа часов на изучение русского языка в национальных школах, перенесению начала изучения русского языка на более ранние сроки. Увеличение часов на обучение русскому языку планировалось осуществить за счёт сокращения количества часов по иностранному языку и родной литературе, поскольку «в большинстве республик литература возникла после Октябрьской революции, невелика по количеству произведений»¹².

Постановление ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения преподавания русского языка в школах автономных республик и областей РСФСР» предусматривало увеличение часов на изучение русского языка в национальных школах с 549 до 1590 часов, создание во всех национальных педагогических и учительских институтах отделений для подготовки преподавателей русского языка в национальных школах, расширение изданий специальной детской литературы на русском языке для 1–4 и 5–7 классов национальных школ¹³. Таким образом, после войны был развит курс 1930-х гг. на приоритетное развитие русского языка в рамках формирующейся единой советской общности. В 1950-е гг. такая политика принесла существенные результаты: «интернационализация» в языковой сфере продвигалась успешно,

роль русского языка усиливалась. Данные ЦСУ достаточно красноречиво свидетельствовали о сокращении удельного веса численности детей,

обучающихся на своем родном языке, за счет увеличения удельного веса учащихся, обучающихся на русском языке (табл. 1).

Таблица 1

Количество учащихся, обучающихся на родном и русском языках по республикам СССР, %

Республика/ Язык обучения	1950/51 учеб. год	1953/54 учеб. год	1958/59 учеб. год	1959/60 учеб. год	
РСФСР Русский	92%	94%	94%	94%	Рост 2%
УССР Украинский Русский	80% 19%	77% 22%	70% 29%	69% 30%	Сниж. 11% Рост 14%
БССР Белорусский Русский	87% 13%	83% 17%	75% 25%	73% 27%	Сниж. 18% Рост 16%
УзССР Узбекский Русский	70% 19%	70% 19%	67% 23%	66% 24%	Сниж. 7% Рост 8%
КазССР Казахский Русский	32% 65%	34% 63%	26% 72%	25% 73%	Сниж. 9% Рост 10%
ГССР Грузинский Русский	74% 16%	71% 18%	67% 22%	66% 22%	Сниж. 1% Рост 9%
АзССР Азербайджанский Русский	70% 20%	69% 22%	68% 25%	69% 25%	Рост 6 %
ЛитССР Литовский Русский	85% 12%	83% 10%	84% 11%	84% 11%	Рост 3% Рост 9%
МССР Молдавский Русский	69% 28%	67% 31%	64% 34%	65% 33%	Сниж. 2% Рост 6%
ЛатвССР Латвийский Русский	71% 29%	69% 31%	63% 37%	61% 39%	Сниж. 16% Рост 19%
КиргССР Киргизский Узбекский Русский	43% 8% 49%	41% 10% 49%	39% 10% 50%	38% 10% 51%	Рост 1% Сниж. 20% Рост 13%
ТаджССР Таджикский Узбекский Русский	60% 22% 16%	60% 23% 16%	57% 23% 18%	56% 23% 19%	Сниж. 7% Сниж. 3% Сниж. 9%
АрмССР Армянский Азербайджанский Русский	6% 7% 7%	86% 6% 8%	83% 6% 11%	83% 6% 11%	Сниж. 3% Сниж. 4% Рост 6%
ТССР Туркменский Узбекский Русский	73% 5% 20%	74% 5% 19%	70% 5% 23%	71% 5% 22%	Рост 3% Сниж. 4% Рост 3%
ЭССР Эстонский Русский	83% 17%	80% 20%	75% 25%	76% 26%	Сниж. 15% Рост 16%

Примечание. Сост. по: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 8, 9.

В 1959/60 учебном году в школах СССР обучение велось на 58 языках народов СССР. Больше всего языков обучения насчитывалось в РСФСР – 49, Узбекистане и Грузии – 7, Тад-

жикистане – 6, Украине и Казахстане – 5, Азербайджане, Молдавии, Киргизии и Туркмении – 4, Литве и Армении – 3, Белоруссии, Латвии и Эстонии – 2. ЦСУ констатировало общую

тенденцию национально-языкового развития в СССР – сокращение числа языков, на которых велось обучение в союзных республиках. Так, на Украине в 1940/41 уч. г. обучение велось на 11 языках, а в 1959/60 уч. г. – на 5; прекратилось обучение на армянском, узбекском, киргизском, татарском, туркменском, чешском языках. Не преподавали также и на еврейском языке, хотя в 1940/41 уч. г. на этом языке обучалось 44377 че-

ловек. В Белоруссии и Литве в 1940/41 уч. г. обучение велось на 6 языках, а в 1959/60 уч. г. в Литве в качестве языков обучения осталось 3, в Белоруссии – 2¹⁴.

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики в 1953–1960 гг. сократилось на Украине, в Белоруссии, Казахстане и других республиках, кроме Литвы, Азербайджана (табл. 2).

Таблица 2

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики

Национальность	Численность населения в % к общей численности населения СССР на	Численность населения в % к общей численности населения союзных республик на	Из них считают родным языком язык своей национальности в % к общей численности населения союзной республики на	Численность учащихся, обучающихся на родном языке в % к общему числу учащихся СССР на начало учебного года		Численность учащихся, обучающихся на языке коренной нац. союзной респ. в % к общей численности учащихся республики на начало уч. г.	
	15. 01. 1959	15. 01. 1959	15. 01. 1959	1953/54	1959/60	1953/54	1959/60
Русские	54,65	83	83	62,36	66,67	94	94
Украинцы	17,84	77	72	15,58	12,90	77	69
Белорусы	3,79	81	76	3,69	2,96	83	73
Узбеки	2,88	62	61	3,55	3,51	70	66
Казахи	1,73	30	30	1,61	1,40	34	25
Грузины	1,29	64	64	1,63	1,39	71	66
Азербайд.	1,41	67	66	1,54	1,58	69	69
Литовцы	1,12	79	79	1,20	1,14	83	84
Молдаване	1,06	65	64	0,97	1,09	67	65
Латыши	0,67	62	61	0,65	0,58	69	61
Киргизы	0,46	41	40	0,46	0,46	41	38
Таджики	0,67	53	53	0,86	0,84	60	56
Армяне	1,34	88	87	1,22	1,08	86	83
Туркмены	0,48	61	61	0,57	0,60	74	71
Эстонцы	0,47	75	74	0,40	0,40	80	74

Примечание. Сост. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 12, 13.

Во всех республиках наблюдалась одна и та же тенденция – число обучающихся на русском языке превосходило численность населения русской национальности, проживающих в данной республике (табл. 3).

Очень остро стоял вопрос о сохранении и развитии родного языка в республиках Прибалтики. В ноябре 1956 г. секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин сообщал в ЦК КПСС о том, что при обсуждении на бюро ЦК вопроса об изучении русского и латышского языков первый секретарь Рижского горкома партии Берклав «предложил срок изучения латышского языка установить в два года, а тех кто... в этот срок не изучит... освободить от работы и предложить им выехать из республики», а председатель Президиума Верховного Совета Латвии Озолинь заявил, что «партийная организация, благодаря преобладанию русских, не ведет работу на национальном языке, становится сектантской»¹⁵.

Заместитель председателя Совета министров Латвии Круминьш заявил «о засилье русских кадров, что г. Рига превращается в русский город и теряет свой национальный облик, в республике игнорируется латышский язык»¹⁶. На предприятиях нередкими были случаи, когда не принимали заявления на русском языке, зато ведомости на зарплату, несмотря на наличие русскоязычных рабочих, составляли, к примеру, на литовском языке¹⁷.

Проблемы национально-языкового строительства были крайне актуальны и значимы для других этносов. Так, в начале 1960-х гг. в Аджарии была выявлена националистическая группа «Общество по сохранению чистоты грузинского языка», в которую входили работники Батумского пединститута. С марта 1961 г. с членов общества за употребление в разговоре негрузинских слов взимался штраф. На собраниях этой группы присутствовал первый секретарь Аджарского обкома

Таблица 3

Число обучающихся на русском языке в союзных республиках СССР

Республика	Численность населения русской национальности, % к общей численности населения республики	Численность обучающихся на русском языке, % к общей численности учащихся республики	
	15. 01. 1959	1953/54	1959/60
РСФСР	83	94	94
УССР	17	22	30
БССР	8	17	27
УзССР	13	19	24
КазССР	43	63	73
ГССР	10	18	22
АзССР	14	20	25
ЛитССР	9	10	11
МССР	10	31	33
ЛатвССР	27	31	39
КиргССР	30	49	51
ТаджССР	13	16	19
АрмССР	3	8	11
ТССР	17	19	22
ЭССР	20	20	26

Примечание. Сост. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 14.

ЛКСМ Лордкипанидзе, который «неоднократно увеличивал штраф»¹⁸.

В Верховный Совет СССР часто приходили письма, в которых высказывалась озабоченность судьбой украинского языка. Так, И. Б. Коваленок настаивал на том, что в Сибири и на Дальнем Востоке украинцы и белорусы, подвергавшиеся русификации, не имеют возможности изучать в школах родной язык: «учителя и профессора... отрицают в школах национальные языки многих народов, открыто преследуют их, изживая в школах и семьях», и предлагал в данном регионе «считать обязательным знание наряду с русским одного из родственных – украинского или белорусского – языков для руководящих работников учреждений»¹⁹.

Власть осознавала серьезность вопросов языкового строительства и реагировала на все письма практически однозначно: в СССР созданы все условия для развития национальных языков. Характерным примером политики языкового либерализма могут служить данные справки, подготовленной ответственным работником аппарата Верховного Совета СССР Н. Ф. Викулиным в отдел партийных органов ЦК КПСС, согласно которым к январю 1964 г. в Украинской ССР кроме украинских и русских школ имелись до 100 венгерских школ, до 4 школ на польском языке, а в Закарпатской области издавались газеты на русском, украинском, венгерском языках²⁰.

Одним из главных мероприятий в национально-языковой области в период «хрущевской оттепели» стала школьная реформа 1958 г. До по-

следнего времени это мероприятие не привлекало внимания исследователей. Реформа предоставила родителям свободу выбора между русскими и национальными школами и сделала второй язык факультативным. Ю. Слезкин считает, что школьная реформа 1958 г. стала единственным практическим шагом в направлении слияния наций, хотя «теоретически казахам разрешили не изучать русский; практически русских больше не заставляли изучать казахский»²¹. Главное, по всей видимости, заключалось в том, что родители, обладая правом выбора языка обучения, могли руководствоваться при этом простым желанием дать детям образование на том языке, который бы способствовал их последующей карьере. Полноценно выучить русский язык, дающий возможность «устроиться в жизни», в национальной школе не представлялось возможным, и поэтому предпочтение стало отдаваться русской школе.

В 1970-е и первой половине 1980-х гг. обострились и национально-языковые проблемы. Государственная поддержка русского языка заметно усилилась. «В условиях, когда вопрос об удовлетворении потребности взаимопонимания был главным, речь не могла идти о равенстве языков, несмотря на формальные декларации»²².

Показательно постановление ЦК КП Узбекистана от 25 января 1978 г. «О некоторых дополнительных мерах по дальнейшему повышению уровня подготовки молодежи к службе в Вооружённых Силах СССР», центральным пунктом которого было резкое усиление внимания к обучению узбекской молодежи русскому языку²³.

В Узбекистане были введены дополнительные занятия по изучению русского языка в школах, ПТУ, вузах и средних специальных учебных заведениях (ссузах), организованы курсы для юношей допризывного и призывного возрастов²⁴. Для Узбекистана, как и для ряда других национальных республик, где незнание русского языка, прежде всего сельской молодёжью, становилось серьёзным препятствием для межнационального общения, к примеру в Советской Армии (одним из факторов, способствовавших созданию советского народа как новой общности, в которой этническое всё больше уступало место общесоветскому), это решение имело большое значение²⁵.

31 мая 1978 г. в ЦК КПСС был подготовлен проект постановления «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках». В докладной записке к данному постановлению отмечалось, что в стране обучение ведется на 45 языках народов СССР, в национальных школах обучалось 15 млн школьников, которые наряду с родным изучали и язык межнационального общения – русский язык. Однако состояние преподавания русского языка и практическое владение им учащимися современным требованиям отвечало не везде, значительная часть выпускников из числа лиц коренных национальностей слабо знали русский язык²⁶.

Недостаточное знание русского языка создавало для таких молодых людей затруднения при переходе к активной деятельности на производстве и прохождении службы в Советской Армии, ограничивало использование их возможностей в других республиках и регионах страны. В записке отмечался недостаток 6,5 тыс. учителей русского языка в национальных школах, разницей в его преподавании в различных союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, Литве и Эстонии изучение русского языка начиналось не с первого, а со второго года обучения; время, отводимое на изучение русского языка в первом классе, варьировалось от 1,5 часа в неделю в Туркмении, Латвии, Молдавии, Узбекистане до 4 часов в Армении²⁷.

ЦК КПСС признал необходимым улучшить обучение русскому языку в школах страны и обеспечить свободное владение русским языком всех учащихся. Для этого к 1980 г. планировалось разработать единые типовые программы по обучению русскому языку, обеспечить фундаментальную подготовку учителей-словесников, предусматривалось при этом увеличение необходимых ассигнований на эти мероприятия. Секретные пункты постановления предусматривали для лиц, подлежащих призыву на службу в армию и слабо владеющих русским языком, прохождение 2–3-месячной языковой подготовки, а также организацию преподавания начальной военной подготовки во всех учебных заведениях страны исключительно на русском языке²⁸.

Широкое и повсеместное обучение русскому языку, что в рамках единого государства было

естественным и целесообразным процессом, в национальных регионах приходило в противоречие с необходимостью сохранения и развития родных языков населяющих страну этносов. Не было ни фактического, ни даже юридического равноправия языков, несмотря на то что в Конституции СССР русский язык не именовался государственным.

При подготовке Конституции 1977 г. предлагалось в законодательном порядке придать русскому языку статус общегосударственного языка, однако в Верховном Совете сочли, что данное предложение принимать нецелесообразно, «поскольку оно противоречит принципам ленинской национальной политики по вопросам языка»²⁹. Характерно при этом, что Конституция 1977 г., в отличие от Конституции 1936 г., говорила не о праве, а лишь о возможности образования на родных языках.

В Конституциях АзССР, АрмССР, ГССР, правда, имелись восходящие ещё к первым годам советской власти формулировки о соответственно азербайджанском, армянском и грузинском языках как государственных. Не случайно угроза исключения записи о грузинском языке как государственном привела к массовым акциям протеста 14 апреля 1978 г. в Тбилиси, в результате которых грузинское руководство пошло на уступки демонстрантам и оставило в Конституции запись об одном государственном языке – грузинском. Союзное руководство вяло отреагировало на эти события. Никто из руководивших демонстрацией не пострадал, Тамрико Чхеидзе, наиболее активно участвовавшая в подготовке акции протеста, продолжила обучение в университете. Аналогичные события, хоть и в меньших масштабах, с меньшим накалом страстей, в Армении привели к аналогичным результатам: армянскому языку был оставлен статус государственного³⁰.

Проблемы, конечно, остро стояли в Прибалтике, на Украине... Жители Белоцерковского района Киевской области «с гневом и возмущением» воспринимали то, что митинг передовиков сельского хозяйства, посвященный успешному выполнению обязательств по продаже хлеба государству в 1976 г., проходил на русском языке, а ведь в Киевской области «в сёлах живут одни украинцы». В качестве доказательства «принижения... чувства национальной гордости» приводились факты «непонимания украинского языка» первым секретарём обкома, председателем облисполкома, первым секретарём обкома ЛКСМ Безрутченко, «который вообще не любит ни украинцев, ни украинского языка»³¹.

В апреле 1967 г. председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный переслал в ЦК КПСС анонимное «Открытое письмо» П. Е. Шелесту, распространяемое на Украине. Авторы письма, констатируя тот факт, что ещё Сталин приостановил украинизацию, а современная официальная пропаганда ведет дело к неизбежности слияния языков и наций на основе русификации, предла-

гали «ввести украинский язык как обязательный в абсолютном большинстве яслей, детских садов и школ республики, ... сделать обязательными вступительные экзамены в вузы на украинском языке»³².

Заместитель председателя КГБ СССР С. Банников вскоре сообщил, что это письмо имеет хождение среди творческой интеллигенции, и после того как его подпишут известные люди Украины, «его пошлют в инстанции»³³. Сам же Шелест мог учинить разнос командующему Прикарпатским военным округом за то, что «объявление о партконференции было написано на русском языке»³⁴. Знаменательно, что в партийной среде политика Шелеста всегда противопоставлялась политической линии его преемника В. В. Щербицкого, которому молва приписывала обязательство, якобы данное Суслову, в пятилетний срок покончить с украинским языком³⁵.

Наиболее остро национально-языковые проблемы вставали в российских автономиях. Не случайно татарин М. А. Фарваев из Ижевска Удмуртской АССР в 1982 г. в письме в Верховный Совет СССР перспективу родных языков в России оценивал как «трагедию малых народов», как «страшное время, когда не встретишь ни одного соотечественника и не услышишь родные песни и мелодии». Автора письма устраивал другой вариант языковой политики: «В РСФСР народы закабалены русским языком, но это не сделано в Грузии, там народ пользуется родным языком, а русский как вспомогательный»³⁶.

Более острые ситуации в национально-языковой области возникали там, где одной из задач становилось достижение реального троязычия. Министр народного образования Башкирской АССР Р. Гарданов вспоминал, что в 1974–1979 гг. более 1100 национальных школ автономной республики были переведены на русский язык обучения – «без преподавания родного языка даже как предмета»³⁷. Затем прошла вторая волна, вызвавшая особое возмущение со стороны татар, проживавших в Башкирии (в республике, по данным переписи 1979 г., проживало 936 тысяч башкир – 24,3 %, 940 тысяч татар – 24,5 %, 1548 тысяч русских – 40,3 %³⁸). В школах северо-западных районов Башкирии, где проживало татароязычное население, волевым путём было введено изучение башкирского языка как предмета, а в некоторых начальных школах даже обучение на башкирском языке.

Жители деревни Тульгузбаш Аскинского района Башкирской АССР приводили факты давления башкирских властей с целью изменить языковой режим в регионе в пользу башкирского языка (заставляли выписывать периодическую печать на башкирском языке), хотя «башкирской разговорной речи в деревнях невозможно услышать», и соглашались с тем, что «лучше с первых классов перейти на русский язык обучения, чем на башкирский (всё равно другой, но пользы будет больше)»³⁹.

Кстати, и татары в Татарской АССР были недовольны языковой ситуацией в республике. Так, С. Б. Галеев из Казани писал в Совет национальностей в 1982 г., что «обучение детей татар родному языку в Татарской республике вызывает сожаление и является пародией на обучение». В Казани, писал он, где около половины населения татары, имеется одна татарская школа и в трёх школах имеются татарские классы, в русских школах для детей татар созданы группы по изучению родного языка по два часа в неделю, при этом изучение родного языка не обязательное, без сдачи экзамена⁴⁰.

Большое значение для национально-языковой политики имела сформированная в 1920-е гг. система территориально-национальных образований. Если в 1920–1930-е гг. реальная иерархия языков значительно отличалась от их формальной, связанной со статусом соответствующего образования, иерархии, то в период «развитого социализма» окончательно сложилась прямая зависимость уровня развития того или иного языка от национально-государственного статуса его носителя.

Несмотря на неопределенность юридического статуса русского языка, представляется, что именно русский язык находился на вершине языковой иерархии в СССР. Объяснение этому явлению, пожалуй, не следует искать в политической сфере, поскольку использование русского языка в едином государстве было необходимым по причине практического удобства. Собственно, русский язык играл в СССР роль, идентичную той роли, которую играл английский язык в США, и тем самым подтверждал общие для многонациональных государств тенденции в языковой сфере.

По данным переписи 1989 г., из этнических русских при общем количестве в 145 млн родным языком назвали не русский, а какой-либо другой всего лишь 320 тыс. человек, преимущественно на Украине и в Литве, а в РСФСР – всего лишь 55 тыс.⁴¹ В официальном делопроизводстве на союзном уровне, международных отношениях, в армии, во многих сферах техники и естественных наук употреблялся исключительно русский язык.

Однако знание русского языка в союзных республиках было неодинаковым. Так, по примерным подсчетам М. Н. Губогло, людей, не владевших русским языком в Молдавии, было не более 5 %⁴². Подобная ситуация наблюдалась в РСФСР, Украине, Белоруссии, Прибалтике, Казахстане, Грузии, Азербайджане. В Закавказье худшие показатели знания русского языка наблюдались в наиболее моноэтничной Армении⁴³.

Население же Средней Азии, прежде всего «большинство сельского населения с низким образовательным уровнем, владеет и пользуется просторечными и диалектными формами родных языков и не знает русского языка»⁴⁴. Согласно данным переписи 1989 г., русским языком свободно владели лишь 20,7 % каракалпаков, 23,8 %

узбеков, 27,6 % туркмен, 35,2 % киргизов⁴⁵. Эти данные свидетельствовали о том, что процессы становления единой языковой советской общности были далеки от завершения. Наличие языковых противоречий в СССР по схеме: русский язык – все остальные, трудно отрицать. Однако жесткая ассимиляционная политика в Грузии или Таджикистане опровергает тезис о том, что эти противоречия являлись главными и единственными. Положение в языковой сфере к моменту распада СССР свидетельствовало, что наряду с объективно реализуемой центральной властью политикой русификации набирала силу тенденция превращения СССР в пятнадцатязычное государство.

Однако русский язык продолжал оставаться мощным фактором единения советских этносов, основой функционирования всех институтов единого государства. Русский язык играл интегрирующую роль в возникновении и развитии новой исторической общности, одновременно придавал этому феномену очевидную этническую характеристику и выступал в качестве главного признака формирующегося советского суперэтноса. В основе советской идентичности объективно находился русский язык – язык межнационального общения, позволяющий представителям различных этносов ощущать свою одинаковость, похожесть, близость, причастность к особой культуре и духовности.

Примечания

- 1 См.: *Вдовин А. И.* История СССР от Ленина до Горбачева. 2-е изд. М., 2014. С. 479.
- 2 См., напр., книгу В. А. Никонова «Российская матрица» (М., 2014).
- 3 *Аллатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 91.
- 4 *Базиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973. С. 121.
- 5 *Додыхудоева Л. Р.* Социолингвистическая ситуация Горного Бадахшана // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект.* М., 1997. С. 85–86.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 51. Л. 127, 128.
- 7 Там же. Л. 132, 133.
- 8 Там же. Л. 135.
- 9 Там же. Л. 136.
- 10 Там же. Л. 82.
- 11 РГАСПИ. Д. 189. Л. 9.
- 12 Там же. Л. 11.
- 13 Там же. Л. 14, 15, 17.
- 14 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 9, 10, 11.
- 15 Там же. Д. 59. Л. 59, 60.
- 16 Там же. Л. 58.
- 17 Там же. Д. 100. Л. 13.
- 18 Там же. Д. 222. Л. 38.
- 19 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 182. Л. 107.
- 20 Там же. Д. 1136. Л. 55.
- 21 *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период.* Самара, 2001. С. 362.
- 22 *Аллатов В. М.* Указ. соч. С. 112.
- 23 РГАНИ. Оп. 75. Д. 158. Л. 1, 2. См. также: *Галаганов З. П.* Межнациональные отношения в СССР. Кемерово, 1996. С. 44.
- 24 РГАНИ. Оп. 75. Д. 158. Л. 2.
- 25 Там же. Л. 4.
- 26 Там же. Ф. 89. Пер. 23. Д. 30. Л. 4, 5.
- 27 Там же. Л. 6, 7.
- 28 Там же. Л. 13, 14, 15, 17.
- 29 ГАРФ. Оп. 136. Д. 1174. Л. 198.
- 30 См.: *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 321; *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. М., 2001. С. 84–85.
- 31 ГАРФ. Оп. 117. Д. 558. Л. 107.
- 32 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 56. Л. 67, 80.
- 33 Там же. Л. 107.
- 34 ГАРФ. Д. 144. Л. 128, 129, 130.
- 35 См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 89.
- 36 ГАРФ. Оп. 136. Д. 34. Л. 82, 87.
- 37 См.: Советская Россия. 1989. 22 авг.
- 38 См.: *Брук С. И.* Население мира. М., 1981. С. 212.
- 39 ГАРФ. Оп. 136. Д. 34. Л. 93.
- 40 Там же. Д. 32. Л. 163, 164.
- 41 См.: *Этнополис.* 1992. № 1. С. 137–138.
- 42 См.: *Губогло М. Н.* Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979. С. 7.
- 43 См.: *Население СССР.* М., 1990. С. 37–39.
- 44 См.: *Баскаков А. Н.* Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // *Язык в контексте общественного развития.* М., 1994. С. 157.
- 45 См.: *Население СССР.* С. 37–39.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(410.III)«13/15»

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ЛОНДОНА XIV–XVI ВЕКОВ: ИЕРАРХИЯ СТАТУСОВ И ВЛАСТИ

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

В контексте «новой социальной истории» в статье анализируется структура властных институтов Лондона и иерархия социально-профессиональных и административно-должностных статусов внутри правящей городской элиты в XIV–XVI вв. Автор обращается к анализу важнейшей иерархически выстроенной городской корпорации, образуемой олдерменами, выявляет критерии формирования данной корпорации, её внутреннюю иерархию, определявшуюся самой структурой лондонского муниципалитета, принадлежностью олдерменов к разным ливрейным компаниям и их социополитическими интересами. Эти факторы не только напрямую влияли на степень муниципальной активности иерархических групп олдерменского «сословия» и определяли степень их приближенности к центру – королевской власти, но и порождали серьезные противоречия и конфликты внутри правящей элиты, нередко способствуя обновлению её состава.

Ключевые слова: Лондон XIV–XVI вв., городской муниципалитет, правящая элита, олдермены, «Большие ливрейные компании», корпоративно-иерархические группы.

The London Ruling Elite of the 14th–16th Centuries: the Hierarchy of Statuses and Power

L. N. Chernova

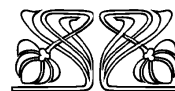
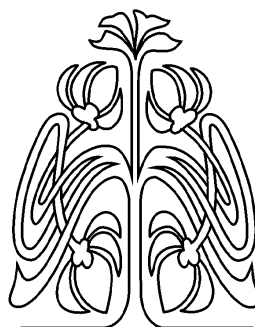
In the context of the «new social history» the article analyzes the structure of the power institutions of London and the hierarchy of the socio-professional and administrative-official statuses within the frame of the ruling city elite in the XIV–XVI centuries. The author turns to the analysis of the most important top-down city corporation, formed by the aldermen; exposes the criteria of this corporation's formation, its inner hierarchy, determined by the very structure of London's City Council, by the aldermen's belonging to different livery companies and their social and political interests. These factors not only influenced directly the scale of the municipal activity of the aldermen class' hierarchic groups and defined their level of loyalty to the powerhouse – the royal power, but also gave way to serious controversy and conflicts inside the ruling elite, often being the cause of its renewal.

Key words: London of the 14th–16th centuries, City Council, ruling elite, aldermen, «big livery companies», corporate-hierarchic groups.

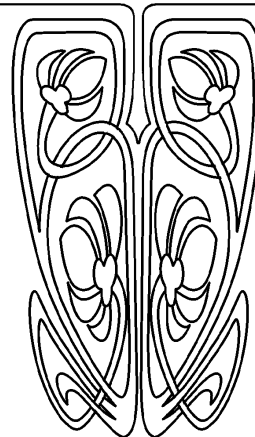
DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-49-56

Иерархизм наряду с символизмом составляют своеобразную формулу средневекового мировоззрения и всей средневековой культуры. По выражению Л. М. Бицилли, «... Средневековье создало иерархическое общество, иерархию чинов духовных и светских, иерархию общественных союзов, корпораций, «университетов», образующих вместе общую universitas, христианско-феодальный мир. Иерархизмом проникнут весь социальный уклад средневековья...»¹ При этом социальную иерархию, вслед за Л. П. Карсавиным, было бы уместнее назвать не просто «вертикальной», а «лучеобразной»², распространяя такое определение не только на собственно феодальную среду, но и на прочие корпоративно-иерархические структуры или «сословия», страты.

Не менее важно, что в средневековом мире каждый конкретный человек воспринимал себя (и окружающих) через свое место в иерар-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

хии, через свою социальную роль. Способ включения того или иного индивида в общественную систему, путь в той или иной социальной роли пролегли именно через малые группы – различные общности или корпорации³.

Одной из важнейших корпоративно-иерархических структур Средневековья является правящая городская элита, изучение которой, по мнению А. А. Сванидзе, «открывает новые подходы к общественной пирамиде, социальному взаимодействию между стратами иерархии и внутри них, в конечном счете, – к управляющему механизму общества»⁴, что в полной мере отвечает на методологические запросы «новой социальной истории»⁵.

В качестве объекта предлагаемой статьи выбрана одна из многочисленных и разнообразных корпораций Средневековья⁶ – правящая элита Лондона XIV–XVI вв. – периода наивысшей зрелости средневековых, в том числе городских, институтов.

Интересующая нас корпоративно-иерархическая структура была представлена социально-политической общностью олдерменов. Это зафиксировано в составленной городским клерком Дж. Карпентером в 1419 г. «Белой книге» Лондона, где прямо указывается, что «главными должностными лицами являются мэры, шерифы и олдермены»⁷. Особо оговаривается, что мэры – исключительно, а шерифы – желательны должным образом выбирать из числа олдерменов⁸. Источники, которыми мы располагаем, позволили подсчитать, что в XIV в. из 274 олдерменов мэрами Лондона были избраны 70 (из них: 50 – один раз, 16 – дважды, 3 – трижды, а один – четырежды становился мэром)⁹; в XV в. из 181 олдермена мэрами стали 78 (из них: 12 избирались на этот пост дважды, остальные – один раз)¹⁰; в XVI в. – из 274 олдерменов должность мэра занимали 119 (из них только 8 избирались мэрами дважды, остальные – один раз)¹¹. В любом случае на протяжении трех столетий должность главы муниципалитета Лондона находилась в руках исключительно олдерменов.

Похожая ситуация сложилась и с должностью шерифа. В XIV в. ее занимали 166 олдерменов (из 274); при этом 101 – во время пребывания в должности олдермена, а 65 стали олдерменами после службы в качестве шерифов¹². В XV в. шерифами были 154 олдермена (из 181): 102 – в период своего олдерменства, 52 – до него¹³. В XVI в. шерифами были избраны 225 олдерменов (из 274): 175 – во время пребывания в должности олдермена, 41 – до олдерменства, 9 избирались шерифами и до, и во время олдерменства¹⁴. Таким образом, во многих случаях должность шерифа открывала непосредственный доступ к избранию олдерменами и, следовательно, к самой вершине власти в городе. Обращает на себя внимание очевидное возрастание интереса олдерменской элиты Лондона к должности шерифа на протяжении рассматриваемого периода.

Оформление олдерменской группы как особой социально-политической общности Лондона произошло в начале XIII в.: «Служебные книги» этого города начинают фиксировать имена олдерменов с 1220 года. Всего на протяжении столетия перечислены 33 олдермена, многие из которых принадлежали к наиболее известным купеческим семьям¹⁵.

Городское законодательство предъявляло ряд требований к желающим занять эту должность:

1) принадлежность к сообществу полноправных горожан – фрименов, которые, помимо прочих привилегий, единственные могли участвовать в городском управлении и выборах должностных лиц города;

2) членство в одной из «Двенадцати Больших ливрейных компаний»¹⁶. Причем олдермены входили в узкую, но самую богатую и влиятельную часть компании – верхушку ливреи. Архивные материалы, опубликованные А. Бивеном, свидетельствуют о том, что в XIV–XVI вв. в городской Совет Лондона были избраны 729 олдерменов: 274, 181 и 274 человека соответственно по столетиям¹⁷. И почти все они входили в состав известнейших «Двенадцати Больших ливрейных компаний», которые держали в своих руках городское управление: мэры, шерифы и олдермены обязаны были носить ливрею той компании, членами которой они состояли. За нарушение полагался штраф в пользу муниципалитета Лондона. Фактически должность олдермена попадала в руки определенного круга людей – богатейших купцов, непосредственно связанных с деятельностью знаменитых ливрейных компаний Лондона;

3) наличие определенного уровня материальной обеспеченности – имущественного ценза в одну тыс. ф. «в товарах и кредитах» с конца XIV в. и 1500 ф. «в товарах, кредитах и землях или усадьбах» с 1525 года¹⁸. Владение таким имуществом и его величина служили своеобразным водоразделом между олдерменским кругом и прочими, даже очень состоятельными, бюргерами;

4) в ордонансе Генриха V от 16 октября 1413 г., обращенном к мэру и олдерменам Лондона, было зафиксировано еще одно, четвертое, немаловажное условие: «Никто в будущем не будет олдерменом, если он не рожден в Английском королевстве и его отец – не англичанин»¹⁹. Это королевское предписание, на наш взгляд, позволяет говорить как о стремлении представителей столичной правящей элиты закрыть доступ в свои ряды предприимчивым заморским купцам (особенно итальянцам и ганзейцам), которые некогда пополняли ее состав в силу своего исключительного богатства и влияния, так и об очевидно возросших силе и авторитете самих олдерменов, сумевших добиться от короля принятия такого решения.

Высокий социальный статус лондонских олдерменов наглядно отразился в решении палаты общин английского парламента: еще в 1379 г.,

при утверждении субсидий на военные цели (шла Столетняя война), они были обложены так же, как английские бароны – в 2 фунта²⁰.

Очевидно, что перечисленные должностные критерии выделяли олдерменов в особую социальную группу, ограничивали ее, придавая ей в определенной мере замкнутый, консолидированный характер. Однако насколько гомогенной и монолитной она была? Ведь внутри этого средневекового «сословия», как, впрочем, и любого другого, при всей его общности, совершенно очевидно находились люди разного имущественного, а иногда социального положения, с особыми, свойственными именно им, интересами, ценностями, личными и общественными связями и т. д. Логично предположить существование в олдерменской среде различных по характеру и принципам формирования и функционирования страт.

Самое очевидное ранжирование олдерменов связано с самой структурой лондонского муниципалитета, сложившейся, скорее всего, в течение XII – первой трети XIII в., которая представляется следующей. Это «Совет олдерменов», куда входили олдермены в количестве 23–26 человек (в зависимости от числа административных округов) и мэра; «Совет избранных», комплектовавшийся за счет мэра, олдерменов и 150–212 советников, избиравшихся по административным округам; «Совет ассамблеи горожан», состоявший из мэра, олдерменов, шерифов и, примерно, 70 «гильдейских старшин», занесенных в списки фрименов и носивших ливрею.

О функциях этих властных структур говорить довольно сложно, поскольку однозначной и абсолютной иерархии власти и четкого разделения полномочий не прослеживается, но некоторые замечания по этому поводу высказать можно.

«Совет олдерменов» осуществлял судебную и исполнительную власть, утверждал избрание олдерменов, мэра, шерифов и назначение рикордеров (recorder of London)²¹, коронеров (coroner)²² и прочих судебных чиновников, рассматривал вопросы, связанные с законностью выборов на различные муниципальные должности, контролировал действия полиции. Как исполнительный орган «Совет олдерменов» пользовался правом осуществления расходов из городской казны и в связи с этим утверждал в должности городского казначея – чемберлена (chamberlain)²³. «Совет избранных» обладал законодательной властью: имел право вносить изменения в обычаи и законы Лондона. Кроме того, он осуществлял функцию контроля за поступлением и расходованием всех денежных средств города; в его ведении находились городские земельные владения и городская печать. Деятельность «Совета ассамблеи горожан» сводилась к избранию чемберлена и выдвижению кандидатов на должности мэра и шерифов²⁴.

Гражданская администрация города была теснейшим образом связана с судебной властью.

В Лондоне с XII в. действовали Суд мэра (этот чиновник не имел права подавать судебный иск «ни в какой другой городской суд, кроме своего собственного»²⁵) и Суд шерифа. Примерно в первые десятилетия XIII в. в городе появляется Суд 24-х (позднее, после 1394 г., – 25-ти и в XVI в. – даже 26-ти) олдерменов, «покаявшихся всегда и во всем поступать в согласии с мэром»²⁶. Суды олдерменов и шерифа, как правило, рассматривали дела, связанные с имущественными, торговыми и всякого рода спорными вопросами материального характера. В городе функционировали также суды округов во главе с олдерменами: их компетенция распространялась на вопросы организации защиты административных районов и обеспечения их общественной безопасности и санитарного состояния²⁷.

Помимо этих судов с 1032 г., со времени правления Кнута Великого, в Лондоне действовал так называемый Court of Husting, с XII в., когда Лондон получил статус графства, приобретший значение Суда графства, рассматривавшего спорные вопросы о долгах, торговле и недвижимости, включая землю. В качестве высших судебных чиновников на заседаниях Court of Husting обязательно присутствовали 6 олдерменов, которые фактически контролировали рассмотрение дел и принятие решений.

Понятно, что, чем выше была степень концентрации муниципальных должностей в руках тех или иных олдерменов, тем большим авторитетом и влиянием они пользовались в олдерменском сообществе в частности и в городском социуме в целом. Статистическая обработка материалов источников позволила выявить, что лондонские олдермены могли занимать от 3 до 9 должностей последовательно и 3–4 – одновременно. Сочетания должностей были различны. В XIV в. 35 олдерменов (12,8 %) были еще и мэрами, и шерифами; в XV в. таковых оказалось 12 человек (6,6 %); в XVI в. – 93 человека (33,9 %), что, очевидно, свидетельствует о большей степени концентрации этих важнейших должностей в руках олдерменов. В XIV столетии 15 олдерменов (5,5 %), в XV в. 49 олдерменов (27,1 %) и в XVI в. 35 олдерменов (12,8 %) в то же время занимали должности мэра, шерифа и аудитора. Определенное снижение концентрации перечисленных четырех должностей у олдерменов XVI столетия по сравнению с XV в. произошло из-за некоторого падения их интереса к выполнению обязанностей аудитора на фоне явного повышения такого к более важному и престижному должностям мэра и шерифа. В XV в. 29 олдерменов (16 %) являлись также шерифами и аудиторами, а 10 (5,5%) – мэрами и аудиторами. Только 24 олдермена, или 8,8 % от общего количества, в XIV в., лишь 12, или 6,6 %, – в XV в. и 24, или 8,8 %, – в XVI в. не избирались больше ни на какую другую должность²⁸. Таким образом, процент олдерменов, проявлявших низкую административную активность, не выходил за рамки 8,8.

Отметим также, что наиболее высокая степень концентрации власти олдерменами наблюдается в XV столетии, которое с этой точки зрения можно считать пиком административной активности столичных олдерменов. Именно в это время правящая элита Лондона достигла максимальной зрелости, пройдя в предыдущем веке сложный процесс конституирования и не столкнувшись еще с проблемами грядущего XVI века.

Концентрация в руках определенной части олдерменов должностей мэра и шерифа важна также с точки зрения существования довольно тесных взаимоотношений между представителями олдерменской элиты и короной: мэр и шериф, избиравшиеся из числа олдерменов, официально рассматривались не только как городские, но и как королевские чиновники. Только один пример. 21 марта 1377 г., по распоряжению короля, в тот же день мэром был избран Николас Брембр, олдермен 1372–1388 гг., член ливрейной компании бакалейщиков. 29 марта 1377 г. он торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и королю Ричарду II в Тауэре (он был переизбран мэром и в следующем году, а затем в 1383–1386 гг.)²⁹. Кроме того, отдельные олдермены находились непосредственно на службе при королевском дворе. Так, в XIV столетии королевскими виночерпиями³⁰, казначеями³¹ и коронерами³² (king's butler, chamberlain and coroner) были Уильям Трэнт (в 1301–1307 гг.), суконщик Стефен Абиндон (в 1316–1325 гг.); королевскими виночерпиями и коронерами (king's butler and coroner) – торговец пряностями Бенедикт де Фолшем (в 1325–1326 гг.), знаменитый купец и финансист Ричард де ля Поль (в 1327–1338 гг.), виноторговец Джеффри Ньютон (в 1376–1380 гг.); а Томас де Лоудлав, избранный олдерменом в 1361 г., в 1365–1373 гг. выполнял обязанности главного судьи Казначейства (chief baron Exchequer)³³. Уильям Фиц-Уильям, олдермен 1504–1534 гг., торговец готовым платьем, был казначеем кардинала Уолси³⁴. Членами Тайного совета являлись ювелир Эдмунд Шаа, олдермен 1473–1488 гг., (в 1483 гг.) и торговец предметами роскоши Джон Элейн, олдермен 1515–1546 гг.³⁵ Можем предположить, что в олдерменской иерархии была некая «совершенная» группа, располагавшаяся на уровне непосредственной близости к центру/королевскому двору.

Очевидной, лежащей на поверхности, линией водораздела во внутриолдерменской среде является принадлежность олдерменов к разным ливрейным компаниям, ранжирование которых неизбежно сказывалось на иерархизации этого сообщества.

В XIV–XVI вв. наибольшее количество олдерменов принадлежало к самой влиятельной и уважаемой компании торговцев предметами роскоши³⁶ (44, 41 и 49, т. е. 134 олдермена). Далее по представительству в муниципалитете следовали компании бакалейщиков (26, 31, 41, т. е. 98 олдерменов), суконщиков (30, 33, 31, т. е. 94 олдермена),

торговцев рыбой (40, 15, 12, т. е., 67 олдерменов), ювелиров (19, 17, 19, т. е. 55 олдерменов), меховщиков (16, 14, 15, т. е. 45 олдерменов), торговцев готовым платьем (1, 6, 27, т. е. 34 олдермена), галантерейщиков (3 – в XV в., 28 – в XVI столетии, т. е. 31 олдермен), торговцев железными изделиями (3, 8, 14, т. е. 25 олдерменов), торговцев вином (16, 2, 5, т. е. 23 олдермена), торговцев солью (3 – в XV в., 14 – в XVI в., т. е. 17 олдерменов), торговцев пряностями (17 – в XIV в.), сукноделов (16 – в XVI в.), торговцев шерстью (6 – в XIV в.)³⁷.

Наибольшее число мэров Лондона, социальный статус, престиж которых был очень высок³⁸, «поставляли» все те же компании торговцев предметами роскоши (61 олдермен стал мэром), суконщиков (42), бакалейщиков (34). К XVI в. укрепили свое положение ювелиры (19), меховщики (13), галантерейщики (13), торговцы готовым платьем (9), торговцы железными изделиями (6) и торговцы солью. Сразу весьма уверенно заявили о себе олдермены из компании сукноделов, возникшей в XVI столетии, – 7 (из 16) были избраны мэрами. Утрачивали свои позиции торговцы рыбой (23), хотя общее число мэров из этой компании было немалым, торговцы вином и, конечно, канатчики, с XV в. вообще не избиравшиеся в лондонский муниципалитет³⁹.

Должность шерифа, в иерархии высших официалов который следовал сразу за мэром, по образному выражению Дж. Карпентера, «был его глазами»⁴⁰, тоже чаще всего оказывалась в руках торговцев предметами роскоши (114 олдерменов), суконщиков (74), бакалейщиков (73), торговцев рыбой (52), ювелиров (39) и меховщиков (34). Однако необходимо признать, что присутствие на этой должности олдерменов из компаний торговцев рыбой и торговцев вином сокращается на протяжении рассматриваемого периода. С XV в. полностью утрачивают свои позиции торговцы пряностями и канатчики. Одновременно усиливаются торговцы железными изделиями, солью, готовым платьем, галантерейщиками и, естественно, сукноделами⁴¹. Фактически мы можем говорить о совпадении тенденций на занятие должностей шерифа и мэра в XIV–XVI веках.

Большинство аудиторов Лондона также принадлежало к компаниям торговцев предметами роскоши (75 олдерменов стали ревизорами), суконщиков (41), бакалейщиков (39), положение которых неизменно укреплялось на протяжении XIV–XVI столетий. Вновь необходимо констатировать снижение административной активности представителей компаний торговцев рыбой при достаточно высокой численности олдерменов-аудиторов из их среды. Уменьшается также значение компании торговцев вином, а торговцы шерстью и пряностями с XV в. вообще сходят с политической сцены. И, как и в случае с мэрами и шерифами, постепенно усиливают свое влияние аудиторы – галантерейщики, торговцы солью, сукноделы, торговцы готовым платьем, меховщики⁴².

Как видим, время вносило свои коррективы: одни компании укрепляли свое положение в муниципалитете, другие уступали им место, отходя на второй план или вовсе исчезая, как это случилось с компаниями торговцев шерстью и торговцев пряностями, поглощенными суконщиками и бакалейщиками. XV–XVI столетия принесли усиление влияния таких компаний, как торговцы готовым платьем, галантерейщики, торговцы железными изделиями и солью. В XVI в. в муниципалитете Лондона впервые появились олдермены из компаний сукноделов; а компании торговцев рыбой и особенно вином, судя по представительству олдерменов из их состава, совершенно очевидно сдали свои позиции по сравнению с XIV столетием. Иерархия ливрейных компаний непосредственно связана с их влиянием и значением в хозяйственной жизни города, отражает степень их богатства, экономического и политического могущества. Тем не менее на первых трех местах на протяжении рассматриваемых столетий неизменно значились торговцы предметами роскоши, суконщики и бакалейщики (чьи олдермены постоянно и наиболее интенсивно пополняли состав лондонского муниципалитета), за которыми шли торговцы рыбой, ювелиры, меховщики, торговцы готовым платьем, галантерейщики, торговцы железными изделиями, солью, вином, купцы-сукноделы. Олдерменов именно этих компаний характеризует наиболее высокая степень муниципальной активности: они концентрировали в своих руках ключевые должности мэра, шерифа и аудитора.

Естественно, что отношения между ливрейными компаниями, особенно в условиях изменения в их иерархии, были далеки от идиллических, перманентно порождая противоречия, конфликты и даже открытую вражду между различными олдерменскими группировками. В частности, это ярко проявилось в драматичных событиях 1384–1386 гг., связанных с противостоянием двух «партий»: «виктуаллеров», в среде которых задавали тон богатейшие купцы из ливрейных компаний бакалейщиков, торговцев рыбой, вином во главе с упоминавшимся выше Ником Брембром⁴³, и «партии», объединившей представителей компаний торговцев предметами роскоши и суконщиков во главе с известным купцом и олдерменом Джоном де Нортхемптоном⁴⁴. Ожесточенная борьба между сторонниками Брембра и Нортхемптона, сопровождавшаяся взаимными оскорблениями, провокациями и массовыми беспорядками в Лондоне, арестами и казнями, в которую в своих интересах вмешивались коронованные особы, завершилась в 1390 г.: лондонский муниципалитет издал постановление, запрещавшее публично упоминать имена этих двух бывших олдерменов и мэров⁴⁵. Представители правящей элиты постарались навсегда вычеркнуть из памяти эту крайне неприятную для них страницу истории. В такой модели поведения со всей очевидностью проявилась тенденция, призванная, в конечном

счете, сгладить остроту противоречий между членами олдерменского сообщества и тем самым обеспечить ее устойчивость и жизнеспособность.

Серьезными осложнениями и конфликтами в среде олдерменов зачастую сопровождались выборы важнейших лондонских официалов. Казалось бы отлаженные механизмы формирования органов муниципальной власти и принципы электорального процесса, в основном сложившиеся к середине XIII в., периодически давали сбой.

Олдермены избирались на собрании фрименов, *probi homines*, каждого городского округа, как правило, из числа советников, входивших в «Совет избранных»⁴⁶. Своих избранных, «самых достойных и знающих горожан», в количестве четырех человек *probi homines* представляли мэру и другим олдерменам, которые имели право выбрать одного из предложенных претендентов и либо утвердить его в должности, либо отвергнуть все кандидатуры. В последнем случае процедура избрания олдермена проводилась повторно. Если олдермены трижды отклоняли предлагаемые *probi homines* округов кандидатуры, то получали право своей властью назначить приемлемого для них олдермена без согласования с фрименами⁴⁷. Таким образом, последнее и решающее слово оставалось все же за самими олдерменами. Информация из «Служебных книг» Лондона позволила установить, что в XIV в. вакансий на должность олдермена не было в течение 15 лет; 19 лет избиралось по одному олдермену, 18 лет – по два, 11 лет – по три, 7 лет – по четыре, 8 лет – по пять, 3 года – по шесть, один год – 7, один год – 8, 17 лет – по 23 и один год – 25 олдерменов⁴⁸. В XV столетии вакансии не открывались 21 год; 29 лет избиралось по одному олдермену, 14 лет – по 3, 18 лет – по 2, 9 лет – по 4, 5 лет – по 5, 2 года – по 6 и один год – 8 олдерменов⁴⁹. В XVI в. выборы олдерменов не проводились 6 лет: в 1518, 1522, 1562, 1563, 1572 и 1575 гг.; 22 года избиралось всего по одному олдермену, 28 лет – по два, 18 лет – по три, 9 лет – по четыре и 9 лет – по пять, 3 года – по шесть, 2 года – по семь и 2 года – по 8, один год (1536 г.) – 12 олдерменов⁵⁰.

Судя по дошедшим до нас письменным свидетельствам XIV–XVI вв., для олдерменов, как правило, предусматривалось пожизненное пребывание в должности: они могли быть отстранены от нее только в случае, если их уличали в серьезных преступлениях⁵¹. Однако в реальной жизни такого правила придерживались далеко не всегда. И дело здесь не только в противоречиях Сити с королевской властью, в результате чего город на время лишался права избирать олдерменов пожизненно, а король более жестко контролировал избирательные процедуры⁵². Нередко в среде самих олдерменов разворачивалась ожесточенная борьба за избрание или переизбрание на эту должность тех или иных кому-либо угодных кандидатов. В частности, ювелир Хэмфри Хэйфорд в 1464 г. был избран на место умершего суконщика Джона Стоккера, олдермена 1458–1464 гг., и находился в должности

до 1468 г., когда был заменен на суконщика Роберта Дроупа, олдермена 1468–1487 гг. Но в 1470 г. на место все того же Хэмфри Хэйфорда каким-то образом был избран меховщик Джон Кроук. Однако неожиданно и, по не известным нам причинам, он стремительно, буквально в течение нескольких дней, покинул муниципалитет (хотя прожил до 19 ноября 1481 г.)⁵³. Можем предположить, что кому-то из олдерменов очень хотелось видеть среди своих «коллег» именно Джона Кроука. Другая же часть олдерменов настойчиво этому противодействовала и одержала победу. Запутанная история произошла и с замещением должности олдермена 1464–1468 гг. Джона Пломера. Отметим, что этот бакалейщик после ухода из муниципалитета, о причинах которого наши источники умалчивают, прожил еще 11 лет – он умер 5 октября 1479 года. На образовавшуюся вакансию 23 июля 1468 г. был избран суконщик Стефен Фабиан, оставшийся олдерменом вплоть до своей смерти в 1503 году. Однако 22 сентября 1468 г. на место того же Джона Пломера избрали еще одного олдермена – суконщика Томаса Столбрука, исполнявшего обязанности также до своей кончины в 1483 году⁵⁴. Таким образом, на одну вакансию сумели избрать двух новых олдерменов, очевидно, достигнув определенного компромисса. Немало трудностей выпало и на долю Томаса Кука, Генри Колета и Уильяма Бэкона. Томас Кук впервые был избран олдерменом в октябре 1456 г., но осенью 1470 г. его сменил галантерейщик Роберт Биллингдон, оставшийся на должности до своей смерти в 1492 году. Однако в октябре того же (1470) года Томас Кук вновь оказался среди олдерменов. Генри Колета избрали на должность олдермена в ноябре 1476 г., где он находился до 18 июня 1482 г., когда вместо него в муниципалитет пришел торговец предметами роскоши Джон Мэтью. Но уже 1 февраля 1483 г., т. е. через 7,5 месяцев, Генри Колет вновь стал олдерменом (его избрали на место торговца рыбой Уильяма Хэмптона) и не покидал этой должности до момента своей кончины в 1505 году. Уильям Бэкон стал олдерменом в сентябре 1480 г., но уже в августе 1482 г. был вынужден уступить свое место суконщику Уильяму Уайту (занимал должность до 1504 г.), а через год вторично был избран олдерменом. Однако продержался на посту только до октября 1483 г., когда его сменил ювелир Роберт Хардинг (олдермен 1483–1490 гг., умер в 1504 г.)⁵⁵.

Сложности возникли и с замещением вакансии, образовавшейся в связи с кончиной 23 апреля 1536 г. олдермена и бакалейщика Ричарда Чоппинга. Первого июня 1536 г. на его место избрали некоего Джона Ричмонда; 7 ноября того же года – бакалейщика Ральфа Элейна (до этого он становился олдерменом 3 марта 1534 г. вместо умершего Уолтера Чемпиона, олдермена с 1532 г., суконщика); 12 декабря – бакалейщика Ричарда Осборна (оставался олдерменом до 1544 г., когда и умер); а через два дня – торговца рыбой Генри Эмкота (занимал должность до момента своей

кончины в 1554 г.). Джон Ричмонд при этом вновь оказался среди олдерменов: 11 декабря 1537 г. его избрали вместо умершего Хэмфри Монмута, олдермена с 1534 г., суконщика. Ральф Элейн еще раз (уже третий) появляется в олдерменском кругу 26 сентября 1538 г. – вместо отошедшего в «мир иной» Джона Лонга, олдермена с 1524 г., торговца солью⁵⁶. К сожалению, источники, которыми мы располагаем, не позволяют достоверно говорить о конкретной ситуации, приведшей к столь многоступенчатому заполнению вакансии. Можем лишь констатировать существование различных групп, «партий» и соответственно групповых интересов, основанных, видимо, на тесных хозяйственных и семейно-родственных связях и порождавших серьезные трения внутри олдерменской элиты Лондона, в том числе и в вопросе о пополнении состава муниципалитета.

Сложности в олдерменском «сословии» возникали и с избранием мэра⁵⁷, нередко превращавшимся в ожесточенную борьбу группировок, объединявших сторонников разных кандидатур. Показательна в этом смысле судьба олдермена XV в. Ральфа Холланда, которого трижды (в 1439, 1340 и 1341 гг.) выдвигали в качестве кандидата на должность мэра, но безрезультатно. По причинам, о которых наши источники умалчивают, он так и не стал мэром Лондона⁵⁸.

Таким образом, очевидно, что городская элита Лондона XIV–XVI вв. не была однородной по своему составу. Скорее всего, речь должна идти о существовании так называемой «околоолдерменской» группы лондонских фрименов, из которой по административным округам во главе с олдерменами и, видимо, под их контролем избирались советники, пополнявшие, в свою очередь, сообщество олдерменов, составлявших высшую, собственно городскую элиту. Вероятно, советники были немаловажным резервом для избрания и назначения низших должностных лиц муниципалитета.

Но и такое деление элитарного слоя Лондона, на наш взгляд, еще не определяет и далеко не исчерпывает всей его иерархической структуры. Сама олдерменская элита не представляется монолитно единой и безусловно сплоченной. Положение тех или иных семей и даже группировок в ее составе было различным как в экономической (хотя бы их принадлежность к разным ливрейным компаниям со всеми вытекающими из этого факта последствиями), так и политической сферах. Вероятно, именно противоречия социально-экономического характера, столкновение торгово-финансовых интересов⁵⁹ во многом обостряли отношения внутри олдерменской среды и даже приводили к конфликтам на почве замещения вакантных должностей и, следовательно, пополнения и неизбежного обновления состава муниципалитета и самой элиты.

Таким образом, структура правящей элиты Лондона в рассматриваемый период представляется, по крайней мере, трехступенчатой: низшая группа –

советники; элитарный слой – олдермены, внутри которого необходимо выделить условно «средний» уровень и «высшую» элиту, имея в виду такой общепризнанный критерий, как «степень муниципальной активности» или «концентрации должностей». Именно последняя элитарная группа составляла верхушку муниципального аппарата, была носителем муниципальной политики и связующим звеном между всем бюргерством и властью вообще.

Примечания

- 1 Биццлли Л. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 14–15.
- 2 Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев, 1995. С. 97.
- 3 См.: Сванидзе А. А. Общество и человек : к проблеме средневекового корпоративизма // Сванидзе А. А. Грани Средневековья. Калейдоскоп. М., 2013. С. 88–89.
- 4 Сванидзе А. А. Элиты в контексте этнокультурного взаимодействия // Элита и этнос средневековья / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1995. С. 6.
- 5 О «новой социальной истории» см.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009 (1-е изд. – М., 1998) ; Она же. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М., 2011. Гл. 2.
- 6 О средневековом корпоративизме см., напр.: Сванидзе А. А. Средневековые корпорации // Неприкосновенный запас : Дебаты о политике и культуре. Альманах. М., 2001. № 3–5 ; Она же. Общество и человек : к проблеме средневекового корпоративизма. С. 45–103.
- 7 Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn // Munimenta Gildhallae Londoniensis : in 2 vols. / ed. by Th. Riley. L., 1859–1862. Vol. 1. Part 1–2. P. 4, 12.
- 8 См.: Ibidem.
- 9 См.: Beaven A. B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908. Vol. 1. P. 171–469.
- 10 Ibid. L., 1913. Vol. 2. P. 1–19.
- 11 См.: Ibid. P. 18–39. Любопытное описание мэра Лондона оставил в самом конце XVI в. швейцарский путешественник Томас Платтер (см.: Чернова Л. Н. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 30–36).
- 12 Beaven A. B. Op. cit. Vol. 1. P. 171–404.
- 13 Ibid. Vol. 2. P. 2–19.
- 14 Ibid. P. 18–39.
- 15 Это – Уильям и Ральф Хэддл (торговцы вином или суконщики); Джерард и Николас Бат (видимо, торговцы вином); торговцы предметами роскоши Серло ле Мерсер и Ральф Эсви; Ричард Рэйнджер, Роджер и Питер Фиц-Алан (их профессиональная принадлежность не известна); Джон Джизорс (торговец пряностями или вином); суконщики Джон Норман, Адам Бэсинг, Уильям Фиц-Ричард и Томас Фиц-Томас; торговец пряностями Генри Фроуик; ювелир Грегори де Роксли (см.: Ibid. Vol. 1. P. 236, 337, 338, 371, 372, 373, 374).
- 16 Это – компании торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, ювелиров, меховщиков, торговцев рыбой, готовым платьем, железными изделиями, солью, вином, галантерейщиками, купцов-сукноделов (см.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1983. Гл. 3; Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. С. 347).
- 17 См.: Beaven A. B. Op. cit. Vol. 1. P. 202–404; Vol. 2. P. 2–39.
- 18 Ibid. Vol. 2. P. XXXIX.
- 19 Calendar of Letter-Book preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharp : in 11 vols. L., 1899–1912. Calendar of Letter-Book I (A. D. 1400–1422). L., 1909. P. 117.
- 20 См.: Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. L., 1990. P. 9.
- 21 Рикордер – высший судебный чиновник, утверждаемый, как правило, лорд-канцлером из числа «наиболее достойных» горожан для рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде магистрата и передачи наиболее серьезных из них в суды высших инстанций (см.: The London Encyclopaedia / ed. by B. Weinreb and Ch. Hibbert. L., 1984. P. 639). Первым из известных рикордеров был Джеффри де Нортон; упоминание о нем относится к 1298 году.
- 22 Коронер – судебный чиновник, расследовавший (обычно с присяжными) дела о насильственной или скоростижной смерти при сомнительных обстоятельствах (см.: British Borough Charters, 1307–1660 / ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943. P. 75; Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. Berkeley; Los Angeles, 2000. P. 36).
- 23 Чемберлен – высшее должностное лицо городской корпорации, избиравшееся и смещавшееся в случае необходимости городской общиной, несшее высшую и полную материальную ответственность за состояние финансов городской общины: только он имел непосредственный доступ к городской казне и лично следил за служебными расходами (см.: British Borough Charters, 1307–1660. P. 75). Первое упоминание о городском чемберлене Лондона относится к 1237 г., когда на эту должность был избран некий Джон Уокер (см.: The London Encyclopaedia. P. 161).
- 24 См.: Liber Albus. P. 12–34; Thomas G. H. Town Government in the Sixteenth Century. L., 1933. P. 16.
- 25 British Borough Charters, 1307–1660. P. 74–75.
- 26 The London Encyclopaedia. P. 12–13.
- 27 См.: Гуго К. Новейшие течения в английском городском самоуправлении / пер. с нем. ; под ред. Д. Протопопова. СПб., 1898. С. 35–37; Beaven A. B. Op. cit. Vol. 1. P. 392–403 ; Vol. 2. P. XVII–XIX ; Thomas G. H. Op. cit. P. 16.
- 28 См.: Beaven A. B. Op. cit. Vol. 1. P. 202–404 ; Vol. 2. P. 1–39.
- 29 См.: Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. Appendix I : Mayors and Sheriffs. P. 333.

- ³⁰ Титул высокопоставленного должностного лица при королевском дворе. Подробно о должностях в средневековой Англии см.: *Калмыкова Е. В.* Властные институты и должности в средневековой Англии // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 211–253.
- ³¹ Должность королевского казначея в Лондоне появилась, по меньшей мере, в середине XII века. Обязанности King's Chamberlain сводились преимущественно к взиманию винной пошлины и поставкам вина для нужд короля и королевского двора. В XII в. он назначался непосредственно королем, с XIII в. – по рекомендации королевского стюарда, которому подчинялся, и получал за свою службу 40 марок в год (см.: *Kellaway W.* The Coroner in Medieval London // *Studies in London History* / ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969. P. 76).
- ³² Должность коронера была учреждена в Англии в 1194 г. в связи с деятельностью разъездных судов по уголовным делам. В лондонских хрониках коронеры встречаются не ранее первой трети XIII в. (Ibid. P. 75).
- ³³ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 470.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Ibidem. Тайный совет был главным органом, где долгое время вырабатывались важнейшие политические решения. Особенно его значение возросло в XVI в. на фоне снижения роли парламента. Членами Тайного совета становились по повелению короля. Как правило, он включал канцлера Англии, лорда-казначея, который позднее превратился в первого министра и главу правительства, глав различных финансовых учреждений, а также глав некоторых органов, обслуживавших персонально монарха и его семью – лорда-стюарда, лорда-чемберлена и др. Численный состав Тайного совета менялся. В последние годы правления Елизаветы I он состоял из 13 человек (см.: *Кондратьев С. В.* Политика и политические элиты в предреволюционной Англии // *Англия XVII века : социальные группы и общество* / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1994. С. 20).
- ³⁶ См.: *The Medieval Account Books of the Mercers of London* : in 2 vols. / an ed. a transl. by L. Jefferson. Padstow, 2009.
- ³⁷ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 171–402; Vol. 2. P. 2–39.
- ³⁸ Согласно постановлению парламента от 1379 г., они облагались так же, как герцоги – в 4 фунта (см.: *Keen M.* Op. cit. P. 9).
- ³⁹ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 171–404; Vol. 2. P. 1–39.
- ⁴⁰ *Liber Albus.* P. 306–307.
- ⁴¹ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 171–404; Vol. 2. P. 1–39.
- ⁴² Ibid. Vol. 1. P. 171–404; Vol. 2. P. 1–39.
- ⁴³ См.: *Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre* // *A Book of London English, 1384–1425* / ed. by R. W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 18.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ См.: *Calendar of Letter-Book H.* (A. D. 1375–1399). L., 1906. P. 364.
- ⁴⁶ См.: *Liber Albus.* P. 34–35.
- ⁴⁷ См.: *Letter-Book I* (A. D. 1400–1422). P. 18.
- ⁴⁸ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 271–469.
- ⁴⁹ Ibid. Vol. 2. P. 1–19.
- ⁵⁰ Ibid. P. 18–39.
- ⁵¹ См.: *Liber Albus.* P. 35–36. Аналогичная практика существовала и в других городах Англии. Например, в Йорке и Халле (см.: *Kermode J. I.* Op. cit. P. 90, 91). Известно, что Совет олдерменов по собственной инициативе отстранял некоторых олдерменов от должности. Так поступили, в частности, в отношении трех олдерменов XIV в. – Адама де Бари, Ричарда Лайенса и Джона Пэче. Все они были обвинены в злоупотреблениях по службе, а именно в присвоении денег городской общины. Такая же участь постигла и олдерменов XV в. Хэмфри Хэйфорда и Джона Пломера, обвиненных в измене в связи с их политическими симпатиями Ланкастерам. Впоследствии на фоне изменения политической ситуации они были восстановлены в должности (см.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 471–475).
- ⁵² Именно такой сценарий был реализован, в частности, в 1376 г.: согласно королевскому распоряжению, нашедшему отражение и в хартии, предоставленной Лондону, выборы олдерменов должны были проходить 12 марта каждого года (см.: *British Borough Charters, 1307–1660.* P. 76). Однако электоральная система 1376 г. оказалась нежизнеспособной: олдерменская верхушка Лондона довольно быстро приспособилась к изменившейся выборной ситуации и в полной мере воспользовалась тем, что экс-олдермены уже через год могли участвовать в выборах (Ibid. P. 74–75). В 1394 г. был восстановлен status quo ante: олдерменов вновь стали избирать пожизненно (см.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 1. P. 392–402).
- ⁵³ Ibid. Vol. 2. P. 2–19.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibidem.
- ⁵⁶ Ibid. P. 18–39.
- ⁵⁷ Формально само избрание происходило на собрании Ассамблеи горожан в Гилдхолле. Реально же здесь лишь называли имена двух олдерменов – кандидатов на должность мэра, а действующий мэр и олдермены выбирали одного из них, т. е. фактически мэра избирал Совет олдерменов. Избранный мэр должен был также получить одобрение короля, который также имел право отстранить мэра от должности. (Ibid. P. XXXIX). Такая процедура была типична для многих английских городов XIV–XV вв., в том числе для Халла (см.: *Keen M.* Op. cit. P. 99).
- ⁵⁸ См.: *Beaven A. B.* Op. cit. Vol. 2. P. 473.
- ⁵⁹ См.: Об изменении социальных характеристик олдерменов на протяжении XIV–XVI вв. см.: *Чернова Л. Н.* Лондонское купечество второй половины XIV–XVI вв.: эволюция социального облика // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* М., 2014. Вып. 6 (29) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000785-2-1> (дата обращения: 18.12.2014).

УДК 94.63.3 (0)4

ПРЕСТУПНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV ВЕКА (на материалах города Йорка)

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье речь идет об уровне преступности и составе преступлений в английских городах последней трети XV века. На материалах городских книг города Йорка автор статьи выясняет особенности криминогенной обстановки в городе Йорке в рассматриваемый период и приходит к выводу, что напряженная политическая борьба в Англии второй половины XV в. способствовала ухудшению этой обстановки.

Ключевые слова: преступность в Средние века, война Алой и Белой Роз, город Йорк, политическая борьба второй половины XV века.

Crime in the English Medieval Town in the Last Third of XV Century (Based on the Materials of the City of York)

T. V. Mosolkina

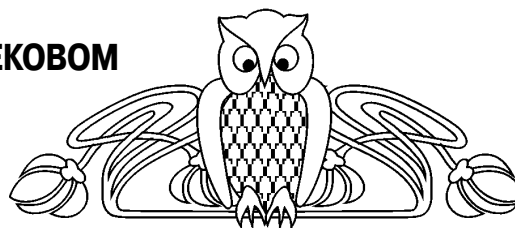
The article is about the crime rate and crime components in British cities in the last third of the XV century. A case study of York City Books points out the peculiarities of crime in the city of York in the affected period. The author concludes that the tense political struggle in England in the second half of the XV century has contributed to the deterioration of the situation.

Key words: crime in the Middle Ages, war of the Roses, City of York, political struggle in the second half of the XV century.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-57-60

Преступность существовала на всех этапах развития человечества, хотя представление о том, что является преступлением, менялось от эпохи к эпохе, от региона к региону и от страны к стране¹. Оговоримся сразу, в эпоху Средневековья понятия «преступление» не существовало, оно появилось только в период Нового времени². Уровень и характер преступности, несомненно, связан с социально-экономическим развитием, но чем дальше, тем сильнее прослеживается связь с политической обстановкой в той или иной стране. В любом обществе всегда найдутся люди, недовольные своим материальным положением, социальным статусом, объемом власти и желающие улучшить их. К этому добавляется эмоциональная составляющая – любовь, ненависть, вспыльчивость и прочее.

Противоправные действия в Средние века можно разделить на три большие группы – преступления против государства и церкви, преступления против личности и преступления против собственности. Источники показывают, что в рассматриваемый период политическая обстановка, сложившаяся в Англии, оказывала существенное влияние на рост преступности.

Чтобы понять, в каких документах последней трети XV в. речь идет о проступках, требующих наказания, необходимо знать, какие деяния в это время квалифицировались как преступные. Если рассматривать преступления против государства, то под это понятие с XIII в. подпадала, прежде всего, «измена». Из-за размытости формулировки в измене можно было обвинить любого неугодного монарху человека, чем короли часто пользовались³. Кроме измены преступлениями против государственного порядка признавались собрания с целью организации беспорядков, сговор, призывы к мятежу и свержению правящего монарха.

Поскольку христианство являлось официальной идеологией, преступлениями признавались такие деяния, как неверие, святотатство, ересь, кощунство, колдовство. Преступлениями против личности считались убийства, нанесение увечий разной тяжести, побои, похищение людей.

Юристы считают, что самыми многочисленными были преступления против собственности. И это не удивительно – в условиях почти непрекращающихся войн и набегов грабежи стали почти обыденным явлением. Кроме грабежей выделялось воровство (обычное, кража со взломом, воровство во время пожара, перепродажа ворованного имущества и пр.)⁴.

Попытаемся рассмотреть, был ли уровень преступности и состав преступлений в английском городе последней трети XV в. обычным явлением, не отличавшимся от более раннего и более позднего времени, или можно говорить о каких-то особенностях, присущих именно этому периоду?

В качестве источников использовались городские книги г. Йорка, записи в которых начинаются с марта 1474/75 гг., чем и объясняется указанная в названии хронология⁵. Записи не являются протоколами заседания городского совета. Городской клерк записывал в книги то, что сам считал достойным внимания. Но именно благодаря этой особенности городских книг Йорка мы имеем богатейший материал не только по всем вопросам городской жизни, но и по истории Англии в целом.

Для рассмотрения поставленного вопроса пример Йорка является очень подходящим. С одной стороны, Йорк можно рассматривать как типичный английский средневековый город со всеми присущими ему атрибутами. С другой стороны, на протяжении большей части Средневековья Йорк был вторым после Лондона городом Англии. У Йорка очень древняя история. Он был

основан в 71 г. н.э. Во времена римлян Эборакум (такое название носил в то время Йорк) был важным военным центром и столицей провинции Нижняя Британия. В VII в. он стал столицей короля Нортумбрии, и именно здесь король Эдвин принял крещение от епископа Паулинуса. В IX в. город был захвачен викингами, после чего он стал крупным речным портом и центром торговли Британии с североευропейскими странами. В середине X в. викинги были изгнаны, и город вошел в англо-саксонское королевство. Йорк стал административным центром графства Йоркшир и резиденцией архиепископа. Первым архиепископом Йоркским стал Эгберт, возведенный в сан еще в 732 году. Он основал библиотеку и школу, превратив тем самым Йорк в центр науки и образования Нортумбрии. С конца XIII – начала XIV в. Йорк стал второй после Лондона королевской резиденцией. На протяжении всего Средневековья город занимал важное стратегическое положение – через него пролегал путь, соединявший Лондон и Эдинбург⁶.

Если же говорить о второй половине XV в., то значение Йорка в королевстве стало снижаться. И это не удивительно – Эдуард IV проводил довольно жесткую политику по отношению к Йорку, он не мог забыть, что в конфликте Алой и Белой Роз симпатии горожан были на стороне Ланкастеров. Позднее Ричард III стремился сохранить хорошие отношения с руководством города, поскольку он вырос в Йоркшире и прекрасно знал расстановку сил на севере Англии⁷.

После смерти Ричарда III в битве при Босворте правящая верхушка города, видимо, оказалась в затруднительном положении. Ссориться с новым королем мэру и городскому совету не хотелось, поэтому те документы, которые могли слишком явно продемонстрировать приверженность горожан Ричарду, были изъяты из официального реестра дел, а вместо них были составлены длинные отчеты, показывавшие, как лояльно был настроен Йорк к представителю новой династии.

Поэтому в городских книгах Йорка мы не находим документов, связанных с преступлениями против короны. Много материала можно найти об участии города в политических событиях последней трети XV в., но это несколько другой вопрос.

О каких же правонарушениях содержатся сведения в документах и что показывают эти документы? Судя по записям в городских книгах, атмосфера в городе в рассматриваемый период была очень напряженной – убийства, поджоги, грабежи, драки, волнения были обычным явлением. Многие горожане запугивались, чтобы они отказались от своих прав на общинные земли. Именно в это время возникают споры с аббатством Св. Марии по поводу земельных владений, каковые споры были связаны с огораживанием общинных угодий⁸.

В марте 1490/91 гг. мэр Йорка (в письме не указано имя, но 26 марта 1491 г. городской клерк

записал, что Джон Фереби, мэр города, умер)⁹ получил письмо от короля Генриха VII по поводу беспорядков и преступлений в городе. В письме короля говорится: «Убийства, преступления, беспорядки и другие вопиющие правонарушения совершались в пределах привилегий Йорка, которого вы являетесь нашим лейтенантом»¹⁰. Король предупредил мэра, что если он не предпримет решительных шагов, чтобы поддержать надлежащий порядок в городе, то граф Суррей получил распоряжение доставить мэра Йорка к королю¹¹. В апреле 1491 г. новый мэр Уильям Уайт отправил ответ королю, и в нем содержится удивительное утверждение, «что в течение тринадцати предшествующих лет в этом городе Йорке не совершалось ни убийства, ни беспорядков»¹². Это заявление представляется более чем странным, потому что документы говорят об обратном.

Можно перечислять события в порядке хронологии, но я постараюсь отбирать материал по степени тяжести правонарушений. Несмотря на то что Уильям Уайт заверял короля, что в городе не произошло ни одного убийства, в пятницу 11 мая 1487 г. городской клерк оставил запись о том, что мэром и советом было решено составить документ, «показывающий ужасную смерть Уильяма Уэллза, бывшего мэра и олддермена этого города» (У. Уэллз был мэром Йорка в 1479 г.)¹³. Уэллз был убит трактирщиком (milner) Джоном Робсоном, когда бывший мэр находился в ночном дозоре в качестве его начальника. Составители письма отмечают, что после осады замка городские стены пострадали, и им приходится «охранять этот ваш названный город как днем, так и ночью»¹⁴. Робсон был арестован, и его «в надежной тюремной камере допросили согласно вашим законам и наказали за его дурные черты в назидание всем остальным»¹⁵. Мэр и члены совета просят короля поручить мировому судье провести судебный процесс, чтобы назначить наказание указанному Джону Робсону. Конечно, не каждый день убивают бывших мэров, но, судя по источникам, убийства в городе не были исключительно редким событием. Незадолго до отправления ответа королю в связи с разгулом преступлений в городе в январе 1491/92 гг. в совершении убийства обвинялся известный в городе старшина монастырских каменщиков Уильям Хайндли¹⁶.

Таким образом, жертвами убийств становились не только бродяги и нищие, об убийствах которых городской клерк не считал нужным упоминать и которым запрещалось оставаться в городе, но и весьма уважаемые люди.

Не всегда дело доходило до убийства. Иногда ссора заканчивалась нанесением побоев и увечий. В марте 1481 г. в присутствии мэра, членов совета и двух шерифов рассматривалось дело о «нанесении телесного вреда». Интересно, что среди участников драки фигурирует Ричард Йорк – олддермен и мэр города в 1468 и 1481 гг.¹⁷ Сведения о драках иногда с применением оружия

очень часто встречаются в записях городских книг. Вероятно, туда попадали случаи, выходящие за границы бытовых ссор между соседями. В сентябре 1482 г. разбиралась ссора между бывшими шерифами Джоном Хаггом и Майклом Уайтом, с одной стороны, и сэром Робертом Гиллоу, викарием кафедрального собора Св. Петра в Йорке, с другой. Из записи суть ссоры не ясна, но важно, что свои разногласия вполне уважаемые люди решают публично¹⁸.

В документы попадали записи о драках и простых горожан, если в ходе них каким-то образом проявлялось неуважение к властям города. 28 марта 1489 г. некто красильщик Брайан и кожевник Джон Бэвердейл повздорили на улице. Видимо, ссора была очень бурной, поскольку вмешался сержант Роланд Арморер, посланный мэром. Джон Бэвердейл, который, вероятно, был зачинщиком, после ссоры отправился в таверну Митфорда, куда явился сержант, чтобы препроводить Бэвердейла к мэру. Поскольку смутьян отказался повиноваться, проявив тем самым непокорность и неуважение к властям города, он был арестован и посажен в тюрьму¹⁹.

В августе 1490 г. произошла драка с применением ножей между служащими шерифа города Йорка и джентльменом (*gentilman*) Томасом де ла Ривером у дверей кафедрального собора Йорка²⁰.

Помимо ссор и драк между отдельными горожанами документы содержат сведения о массовых беспорядках и волнениях. Так, в марте 1488/89 гг. было сделано несколько записей о волнениях горожан при избрании мэра²¹.

В 1494 г. во время спора между городом и аббатством Св. Марии по поводу общинной земли в Тенджхолле (записей о разбирательствах между городом и аббатством в конце XV в. содержится более десятка) смотрители городских гильдий отказались следовать распоряжениям, сделанным мэром и советом. Мэр неблагоразумно отдал приказ привратнику закрыть двери Гилдхолла и не выпускать смотрителей до тех пор, пока он не выступит с речью перед ними. Смотрители оттолкнули привратника в сторону и покинули помещение, употребляя при этом непристойные слова. На улице некоторые из них заявили, что если кто-нибудь будет арестован в связи с этим делом, остальные придут и освободят их. Эти слова были доведены до сведения мэра, рикордера и двух олддерменов, которых вызвали к королю в Гринвич. Король, «говоря своими собственными устами», напомнил им об унаследованном авторитете и власти, которые они должны поддерживать и использовать. «Сэры (*Sirs*), – сказал он, – я хорошо знаю, что другие пользуются властью в пределах ваших привилегий, но я не могу видеть мой город впадшим в полное разорение и упадок, происходящие от отсутствия вашего правления и, если необходимо, я поставлю других правителей»²².

Интересно отметить, что в городских книгах Йорка содержится очень большое количество

писем к королю и его писем, адресованных мэру и совету города. Причем содержание этих писем часто совершенно не связано с какими-либо политическими проблемами. Это свидетельствует о том, что Генрих VII вникал в, казалось бы, мелкие внутренние вопросы городской жизни.

Помимо указанных правонарушений в документах имеются сведения о мелких кражах. Например, в октябре 1484 г. каменщик Джон Тинли подал в городской совет жалобу на кражу кошелька в харчевне (*Tapster house*)²³.

В городских книгах содержатся странные на первый взгляд записи, касающиеся удостоверения хорошей репутации жителей города. Так, в марте 1486/87 гг. городской клерк сделал следующую запись: «Заявление о хорошей репутации Элизабет Рикардби, жены Томаса Пенирмена. Указанная Элизабет всегда считалась честной девицей, чистой телом, правильной в поступках и словах и во всех делах, относящихся к ее женским обязанностям, честная речью и доброго нрава, никогда не замеченная в каком-либо преступлении или другом скверном деле»²⁴.

Можно предположить, что указанную Элизабет обвинили в прелюбодеянии или развратном поведении, а после разбирательства было вынесено решение о ее хорошей репутации. Но еще раньше в присутствии мэра удостоверяться хорошее поведение и добрый нрав Роберта Симма, слуги шорника Томаса Милнера²⁵. И в том и в другом случае причины такого официального подтверждения хорошего поведения и «доброго нрава» не указаны. Видимо, они всем были понятны. Мы можем предположить два варианта объяснения. Либо указанные мужчины и женщины подозревались в каких-то противоправных действиях, либо это было связано с обвинениями со стороны церкви в неподобающем поведении или словах. Возможно, Роберт и Элизабет обвинялись в ереси или ведовстве, и городским властям пришлось официально подтвердить их «благонадежность».

К сожалению, городской клерк часто не указывал причину появления той или иной записи, а просто вносил в городские книги решение мэра и совета по тому или иному вопросу. Поэтому нам остается только гадать, что стало поводом для принятия конкретного постановления.

Тем не менее на основании имеющихся документов можно сделать определенные выводы. Во-первых, что противоправные действия в средневековом английском городе были обычным явлением. Случалось все – от убийства до мелких краж. Хотя в источниках больше всего записей касается преступлений против личности. Документов, относящихся к преступлениям против собственности, гораздо меньше. Во-вторых, несомненно, что напряженная политическая обстановка второй половины XV в., когда борьба за власть в стране приводила к вооруженным столкновениям, вызывала значительное ухудшение криминогенной обстановки в городе. То, что в мирное время

было чрезвычайным происшествием, становилось обыденным явлением. И Генриху VII приходилось прикладывать большие усилия не только для того, чтобы подчинить себе непокорную аристократию, но и нормализовать обстановку в городах, даже если приходилось вмешиваться в дела очень далекие от общегосударственных проблем.

Примечания

- 1 См.: Антонян Ю. М., Звизжова. О. Ю. Преступность в истории человечества. М., 2012.
- 2 См.: Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Учение о преступлении. С. 118.
- 3 См.: Звизжова О. Ю. Эволюция преступности на различных этапах развития общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12.
- 4 Там же. С. 25.
- 5 York Civic Records / ed. by Angelo Raine. Wakefield, 1939–1978. Vol. 1–9. Новый год в Англии в XV в. начался в начале марта, поэтому приходится указывать двойную дату.

- 6 Raine J. York. L., 1893; Swanson H. Medieval British Towns. N.Y., 1999.
- 7 Lander J. R. The Wars of the Roses. Sutton Publishing, 2007; Ross Ch. Richard III. L., 1981.
- 8 York Civic Records. Vol. I. P. 32–33, 62–63.
- 9 Ibid. Vol. II. P. 67.
- 10 Ibid. P. 65.
- 11 Ibid. P. 66.
- 12 Ibid. P. 68–69.
- 13 Ibid. P. 14.
- 14 Ibid. P. 15.
- 15 Ibidem.
- 16 Ibid. P. 77.
- 17 Ibid. Vol. I. P. 41.
- 18 Ibid. P. 61.
- 19 Ibid. Vol. II. P. 44.
- 20 Ibid. P. 59.
- 21 Ibid. P. 43.
- 22 Ibid. P. 108.
- 23 Ibid. Vol. I. P. 105–106.
- 24 Ibid. Vol. II. P. 3.
- 25 Ibid. Vol. I. P. 24–25.

УДК 930 (44)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В. В. Андреев

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: v.v.andreev@gmail.com

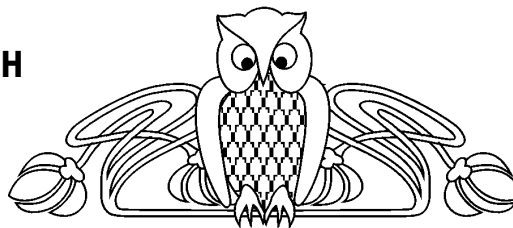
Статья посвящена взглядам французских историков второй половины XVIII в. Пьера-Шарля Левека и Николая-Габриеля Леклерка на происхождение и расселение славян. Рассматриваемые вопросы помещены в контекст отечественной и французской историографии, а также общего восприятия зарубежными авторами древней русской истории, что позволяет по-новому взглянуть на исследуемые сюжеты. Труды этих историков практически не фигурируют в отечественной историографии в силу того, что не были переведены на русский язык. Автор статьи ставит перед собой цель познакомить читателя с наследием французских историков, в течение долгого времени живших в России.

Ключевые слова: французская историография, происхождение славян, расселение славян, этноним «славяне», Левек, Леклерк, XVIII в.

The Origin and Dispersion of the Slavs in French Historiography of the Second Half of the XVIII Century

V. V. Andreev

The article is focused on the views of the French historians of the second half of the XVIII century, Pierre-Charles Levesque and Nicolas-Gabriel Leclerc, concerning the problems of the origin and dispersion

of the Slavs. The matters in point are placed in the context of the Russian and French historiography, as well as the general perception of the ancient Russian history by foreign authors, which makes it possible to have a new look at the subjects studied. The works of these historians hardly featured in the Russian historiography due to the fact that they had not been translated into Russian. The author aims to acquaint the reader with the heritage of the French historians who lived in Russia for a long time.

Key words: French historiography, Origin of the Slavs, Dispersion of the Slavs, ethnonym «Slavs», Levesque, Leclerc, XVIII century.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-60-66

Важнейшим вопросом для политической истории каждого народа является проблема его происхождения и зарождения государственности. Именно они зачастую составляют предмет дискуссий не только внутри академических кругов, но также и между различными политическими силами в стране, а нередко и между различными государствами, использующими подобные вопросы в своих политических играх в качестве инструмента для получения определенных репутационных и идеологических дивидендов. В настоящей статье мы рассмотрим вопросы о происхождении славян и их расселении в контексте сочинений французских историков второй половины XVIII в.

Вопросы этногенеза славян и призвания варягов уже почти три столетия являются предметом спора между «норманистами» и «анти-норманистами» и давно уже перешли из научной плоскости в политическую. Некоторые учёные полагают, что эта дискуссия всегда носила в основном политический характер¹.

Интерес французских историков к древней истории России появляется во второй половине XVIII в. До этого периода исторические сочинения о русской истории ограничивались современными для авторов сюжетами. Среди таких трудов важнейшее место принадлежало «Истории Петра Великого» Вольтера. Интерес к России в конечном итоге должен был привести французскую историческую мысль к попытке описания и осмысления всей истории России.

Отнюдь неслучайно интерес европейцев к прошлому России совпал с началом публикации источников по русской истории Г. Ф. Миллером и Н. И. Новиковым, а также трудов Татищева, Ломоносова и Щербатова. В 1780-е гг. во Франции практически одновременно появились две многотомные «Истории России». Их авторами были П.-Ш. Левек и Н.-Г. Леклерк. Обе «Истории» пользовались широкой известностью в России, а труд Леклерка вызвал развёрнутую критику одного из родоначальников русской исторической науки И. Н. Болтина.

Первым обобщающим трудом по истории России стало сочинение Пьера-Шарля Левека (*Pierre-Charles Levesque*). На рубеже XVIII–XIX вв., до выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, в русских дворянских семьях историю отечества изучали преимущественно по сочинению Левека. Будущий историк родился в 1736 г. в буржуазной семье, получил профессию гравера². Известность ему принесли литературные и философские сочинения, благодаря которым на него обратил внимание Дидро. Летом 1773 г. по рекомендации философа Левек прибыл в Россию. Здесь он преподавал французский язык и логику в Сухопутном шляхетском корпусе, в Академии художеств (в 1774–1775 гг.) – историю и географию. В общей сложности в России он провёл семь лет. В 1780 г. Левек напечатал «Прспект» своего труда по русской истории, в котором изложил основные тезисы и план своего сочинения. В 1782 г. в Париже вышла в свет его пятитомная «История России», куда вошли также очерки о происхождении славян, древнерусском языке, религии славян, которые в дальнейшем использовали в своих сочинениях многие зарубежные учёные.

Практически одновременно с выходом в свет труда П.-Ш. Левека появилось сочинение другого долго работавшего в России француза – Николая-Габриеля Леклерка (*Nicolas-Gabriel Le Clerc*), при рождении – Клерка, родившегося в 1726 г. на востоке Франции в небольшом городке Бом-ле-Дам. В начале Семилетней войны он был лекарем во французской армии. В Париже входил в круг

энциклопедистов, был близок Дени Дидро и по его рекомендации в конце 1759 г. приехал в Петербург³. Леклерк приобрёл известность как автор нравоучительных литературных произведений, издатель и историк. В России он стал профессором Академии художеств (1763 г.) и почётным членом Академии наук (1765 г.). После возвращения в Париж в августе 1775 г. король Людовик XVI пожаловал ему дворянское достоинство (тогда он и добавил к своей фамилии частицу «Ле»). В 1783 г. он опубликовал «Историю России», состоящую из шести объёмистых томов, три из которых посвящены древней истории России (до Петра Великого), остальные – современному для автора XVIII в.

Левек и Леклерк со всем вниманием отнеслись к вопросам происхождения и первоначального расселения славян, которые всегда оставались одними из самых дискутируемых как в отечественной исторической науке, так и среди иностранных учёных, писавших о России. К сожалению, взгляды французских историков XVIII в. на русскую историю догосударственного периода не становились объектом исследования. Э. В. Ильиченко в своей диссертации уделила внимание точке зрения Левека относительно некоторых аспектов древнерусской истории⁴. Однако автор не касалась вопросов происхождения и расселения славян.

Родина славян. Хорошо известно, что первым, кто попытался ответить на вопросы: откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, был древнейший русский летописец Нестор – автор «Повести временных лет». Именно он указал на восточное происхождение славян от Иафета, сына Ноя. После него эту гипотезу повторяли многие писатели вплоть до XIX в., критическое отношение к этому известию появилось в исторической науке с развитием критики источников.

Нестор же упомянул об исходе славян на запад и определял территорию их расселения в Европе, включая земли по нижнему течению Дуная и Паннонию. Именно с этой реки начался процесс расселения славян, то есть славяне не были исконными современных российских земель, речь идет об их миграции. Следовательно, киевский летописец явился родоначальником одной так называемой миграционной теории происхождения славян, известной также как «дунайская» или «балканская». Популярной она была в сочинениях средневековых авторов: польских и чешских хронистов XIII–XIV вв. Это мнение долгое время разделяли историки XVIII – начала XX в. Дунайскую «прародину» славян признавали, в частности, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский. Некоторые учёные, среди которых были Левек и Леклерк, видели прародину славян на Востоке, в Средней Азии.

Французские историки совершенно логично, придерживаясь традиции написания трудов по

русской истории (В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова), начали свои повествования с этнографических изысканий о происхождении русского народа. Так, в главе под названием «О древности славян» (*De l'antiquité des Slaves*) Левек пытался выяснить, откуда пришли славяне и чем они отличались от русов (*Russes*). Он был первым французским историком, который смог предложить свою гипотезу относительно происхождения народов, населявших Восточную Европу, хотя такой подход и не пользовался популярностью у современников. Так, Ф. М. Гримм в своей «Correspondance Littéraire» писал о труде Левека следующее: «Нетрудно догадаться, что в древней истории России мало интересного; эти ранние эпохи являют лишь образцы войн и диких обычаев»⁵.

Левек отдельно указал, что первые упоминания о славянах (*Slavons, Esclavons*) появляются не ранее IV в. н. э., при этом заметив, что они были известны грекам и римлянам задолго до этого времени под иными именами, при этом французский учёный уточнил, что эти имена самим славянам известны не были, и возможно также, что различные славянские племена фигурировали под разнообразными названиями (подобно тому, как по-разному могли именоваться жители одного и того же региона в различных точках Европы). Левек даже привёл примеры таких именовании: немцы, *tetches* и *allemands* – это название одного народа, как и половцы и кипчаки. Именно поэтому разные славянские племена известны под различными названиями подобно тому, как это было у народов татарского и монгольского происхождения на момент написания Левеком своего сочинения. При этом историк склонялся к выводу, что изначально «славянами» называли общность всех славянских племён⁶. Похожее мнение можно найти у В. Н. Татищева, где он рассуждал о причинах несовпадения названий народов в различных языках. Заметим, что пример о различных этнонимах, обозначающих немецкий народ, Левек прямо позаимствовал у Татищева. При этом российский историк указывал как на лексические, так и на фонетические различия в произношении имён собственных⁷.

Левек верил, что славяне пришли с Востока, подобно всем остальным народам. В издании 1812 г. одним из редакторов Конрадом Мальт-Брёном (*Conrad Malte-Brun*) в сносках уже было указано, что «мнимый приход славян и других европейских народов с Востока не имеет под собой никаких других доказательств, кроме преданий, оставленных Моисеем»⁸. Восточные историки вели происхождение как славян, так и русов от Иафета, третьего сына Ноя. Левек привёл также точку зрения Абулгази Багадырхана (*узб. Abulgazi Bahodirxon*), хивинского хана, историка XVII в., написавшего два важнейших для востоковедения сочинения «Родословная туркмен» и «Родословная тюрков»⁹, и Бартелеми д'Эрбело

де Моланвиля (*Barthélemy d'Herbelot de Molainville*), французского востоковеда XVII в., который ссылаясь на восточных авторов в своем главном труде «Восточная библиотека»¹⁰. Они полагали, что славяне происходили от Секлаба, а русы от Руса. Впрочем, и тот и другой были сыновьями Иафета¹¹. На бездоказательность этой гипотезы указал в издании 1812 г. «Истории России» Левека его редактор К. Мальт-Брён, который, продолжая свою мысль о «мнимости» прихода славян с Востока, утверждал, что ни у одного восточного историка, писавшего до X в., нельзя найти упоминания ни о славянах, ни о Секлабе, а подобные легенды сочинили арабы для собственного удовольствия в качестве подражания Моисею¹².

Леклерк в главе «Происхождение русских» (*Origine des Russes*) повторил тезис Левека о том, что только восточные авторы в той или иной степени проливают свет на вопрос о происхождении русских и поляков, чьи земли в древности представляли из себя Сарматия. Положение о том, что славяне были сарматским народом, Леклерк позаимствовал у Щербатова, который также сделал примечание о родственности сарматов и скифов¹³.

Леклерк, как и Левек, повторил точку зрения хана Абулгази и добавил мнение византийского императора Константина VII Багрянородного, считавшего, что русы и славяне различались как по своему происхождению, так и по языку. На момент написания трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio*) ок. 950 г. славяне были данниками русов. Автор также, по всей видимости, указывал на русов как на скандинавское племя, когда переводил славянские топонимы на северогерманские наречия¹⁴.

По мнению же других историков (имён которых Леклерк не указал, но, по-видимому, речь шла об упоминавшемся ранее д'Эрбело де Моланвиле) русы происходили от Руса, другого сына Иафета. Более об общности прародителей русов и славян Леклерк распространяться не стал, объяснив это тем, что «намного лучше разбираться в том, кем люди являются сейчас, нежели терять время на догадки, кем они были в варварские века». К этому он добавил, что трудно разбираться в том, о чём нет ни письменных, ни печатных источников¹⁵.

При внимательном прочтении труда Леклерка видно, что историк не настаивал на кочевом характере славянских племён, однако И. Н. Болтин оппонировал ему, указывая на обилие сведений о древнерусских городах, что свидетельствует об оседлом образе жизни его населения. Он отмечал, что славяне находились на том же уровне развития, что и другие народы средневековой Европы. Возражая Леклерку, Болтин писал: «Не должно приписывать единому народу пороков и страстей общих человечества. Прочтите первобытные веки всех царств, всех республик, найдете во всех нравы, поведения и деяния их сходными»¹⁶. Отметим, что, опровергая Леклерка, Болтин целился в Щербатова, у которого французский учёный и

позаимствовал тезис о кочевом состоянии славян: «Россия не так, как другие страны, которые по степеням из грубейшего невежества выходили, но можно сказать, что вдруг сделала один шаг из самой грубости, каковую кочевой народ может иметь»¹⁷.

Этноним «славяне». В науке до сих пор остаётся открытым вопрос о происхождении названия «славяне»¹⁸. В начальной главе, предваряющей издание 1782 г., Левек привёл два взгляда на этимологию этнонима «славяне». Приверженцы первой точки зрения выводят происхождение эндоэтнонима «славяне» от слова «слава». «Но тогда, – задавался справедливым вопросом Левек, – славяне должны были носить иное название до того момента, как покрыли себя славой»¹⁹. Однако в издании 1812 г. французский историк внёс поправки в свой текст двадцатилетней давности относительно этой гипотезы: «Сейчас я думаю, что это предположение бесполезно: великие народы совсем не обязательно в начале имели родовое имя, только племена [позже составившие эти народы. – В. А.] имели отдельные названия. Таковыми были и греки, о чём мы знаем благодаря Фукидиду»²⁰. Подобной мысли придерживался и Щербатов: «Да и само их имя... является доказывать, что они и прежде много славных дел сделали»²¹.

Вторая группа учёных вела его от существительного «слово». Они полагали, что славяне, не зная других языков, считали другие народы немыми («немцами»), себя же они называли «говорящими», или «словянами». Сам Левек не мог подтвердить или опровергнуть эти теории, заключив только, что «совершенно точно, что славяне в течение многих веков носят это имя»²².

Славяне в Малой Азии. Левек полагал вполне возможным, что, придя с Востока, славяне вначале расселились на территории современной ему России: «таким образом, основная часть их нынешних территорий – это также их первые места обитания в Европе»²³. Затем они, подобно многим народам, пришедшим с Востока, ушли на берега Каспийского и Азовского морей (*sur les bords de la mer Caspienn et des Palus Méotides*), а оттуда перебрались в Пафлагонию. Историк упоминал, хотя и указывал на бездоказательность этой гипотезы, что некоторые писатели в современной ему Европе пытались представить славян как жителей Трои и Мидии. Левек заметил, указывая единственно на сходство названий племён, что, скорее всего, венеты, венецы и генеты были славянами.

После изгнания из Пафлагонии вследствие мятежа они присоединились к Агенору²⁴ и после падения Трои укрылись на берегах Адриатического моря. Поэтому и земля, на которой они поселились, стала называться Венетией, а позже трансформировалась в Венецию²⁵. В издании 1812 г. Левек в примечании к этому тексту уточнил, что эти догадки принадлежали славянским

историкам, и в этом они схожи со своими готскими и кельтскими коллегами, которые видели во всей мировой истории следы соответственно готов и кельтов²⁶. По всей видимости, эту легенду Левек почерпнул у Ломоносова в «Кратком российском летописце», где тот писал, что «древность самого народа даже до баснословных еллинских времен простирается и от Троянской войны известна»²⁷.

Леклерк сожалел, что не имел точных доказательств происхождения славянских племён. В качестве одной из версий он сослался на греков, знавших славян как воинов и считавших, что они пришли с востока и осели на берегах Каспийского и Азовского морей. Здесь они смешались со скифами. Прокопий Кессарийский был первым, кто упомянул о них под именем «славяне» в своих произведениях²⁸. Леклерк опровергал гипотезы о том, что славяне населяли Пафлагонию, Мидию, были предками троянцев, были также известными как венецы и генеты. Как и Левек, он упоминает, хотя и считает это выдумкой, что после разрушения Трои славяне примкнули к Агенору и отправились к берегам Адриатического моря, где и поселились. Земли эти стали называть Венетией, а столицу – Венецией²⁹.

И. Н. Болтин это положение Леклерка критиковал и заявлял, что славяне пришли с берегов Дуная или даже, вероятнее, из Вандалии. Когда славяне пришли на территорию современной России, они стали называться по названию мест проживания (поляне, северяне, радимичи, древляне, дреговичи и т. д.). Русский историк особо отметил, что те, кто поселился на берегах Ильмена, смешавшись с местными жителями, стали называться «руссами». Жители Киева назывались не «руссами», а «киви». После же прихода славян их стали называть «горянами» и «полянами». Название же «русы» они приобрели лишь после прихода Олега³⁰.

Кроме того, Болтин опровергал мнение француза, будто русы происходят от гуннов, и в этой связи даёт обзор народов, населявших в древности Восточную Европу. Он считал, что славяне уже в древности были известны под именем венецов, генатов и даков³¹.

Важными представляются рассуждения редактора издания 1812 г. К. Мальт-Брёна, помещённые в качестве примечания к главе «О древности славян» Левека: «Происхождение славян – это один из самых важных исторических вопросов». Он привёл две основные точки зрения на эту проблему. Первую он приписал Байеру, Миллеру и датскому историку Петеру Фридриху Суму (*dam. Peter Friderich Suhm*), сформированную ими с 1750 по 1770 г. Она заключалась, как известно, в том, что сарматы, покинувшие Азию в I в. н.э., поселились на берегах Дона, Днепра и Вислы. Там они смешались с венедами (*Vénèdes*) и вендами (*Wends*), древними обитателями Пруссии. В IV–V вв. произошла замена наименования «сарматы» (*Sarmates*) на «славоны» (*Slavons*), хотя это и

был один народ, но произошло его переименование³².

Мальт-Брэн полагал возможным, что сарматские народы были вытеснены гуннами и вновь объединились в союз в эпоху заката империи гуннов. И это объединение стало называться «славянами» (*Slaves*), т. е. «прославленными, свободными и могущественными народами», или «словенами» (*Slovènes*), т. е. «людьми того же языка». Вероятно также, что отдельный народ, пришедший вместе с гуннами из азиатской Сарматии, первоначально назывался «славонами», а потом присоединился к первым сарматским колониям³³.

Приверженцами другой гипотезы редактор сочинения Левека считал хорватского лингвиста Себастьяна Дольчи (*Sebastijan Dolci-Slade*), И. К. Гаттерера, А. Л. Шлёцера и себя. Эта версия происхождения славян гласила, что славяне были коренным европейским народом либо они появились там «на первой заре истории» (*dès la première aurore de l'histoire*). Дольчи считал Иллирию (древнее название западной части Балканского полуострова) родиной славян, Гаттерер – Дакию, а Шлёцер – земли вендов. Сам Мальт-Брэн также придерживался этой точки зрения.

Призвав на помощь историческую географию, он утверждал, что венеды с незапамятных времён поселились в устье Вислы. Ссылаясь на Иордана, готского историка V в., Мальт-Брэн разделял «очень многочисленный народ» венедов на три ветви: винидов, славян и андов, населявших земли в бассейне Вислы и севере Дакии³⁴.

Продолжая свою мысль, Мальт-Брэн указал на неверное заключение Тацита о тождественности венедов и германцев, а также венедов и сарматов. По его мнению, европейское происхождение славян доказывается языком, исторической географией³⁵.

Венеды, венеты, Венеция. Левек подметил, что этноним «венеды» (*Vénèdes*) весьма схож с этнонимом «венды» (*Vendes*), под которым в Средние века были известны полабские славяне в Германии. При этом он указывал на то, что в устье Одера ими был заложен город Венета (*Veneta*), а также город с таким же названием был построен на острове Рюген (*Rugen*), находящийся на севере современной Германии. Названия эти происходят от слова «венец» (*couronne*) и указывают на «венец земли» (*Venetz-Zemli*) – последний рубеж и границу земель племени, крепость, которая являлась форпостом, охранявшую территорию славян. Левек склонялся к мысли, что этот пример можно экстраполировать и на город на берегу Адриатического моря – Венецию³⁶.

Под именем венедов о славянах писали ещё древнеримские историки Тацит и Плиний. В частности, Тацит различал сарматов, германцев и славян и указывал на суровость нрава у славян, подобную сарматской. При этом римский историк склонялся к мысли о европейском происхождении славянских племён в противоположность кочевым восточным народам³⁷.

Славянское расселение на территории России. Первый русский летописец довольно подробно описал расселение славянских племён: те, которые пришли с нынешней Галиции и сели по Днепру, назвались полянами, по соседству с ними поселились древляне, дреговичи, полочане и северяне; поселившиеся на Волхове продолжали называться славянами (словенами), их центром был Новгород. Позже Нестор упомянул также о волынянах, радимичах, вятичах, угличах и тиверцах³⁸.

Несмотря на сообщение Нестора, Левек писал, что точных данных о расселении славян в Восточной Европе у него нет. Единственное, что он мог утверждать, так это то, что славяне издревле жили на территории России и многие из них так и оставались на ней, не покидая её ради Европы. Здесь они смешались с другими народами, возможно, со скифами или, скорее всего, с кем-то неизвестным, поскольку обитаемые земли в ту пору так далеко не распространялись³⁹.

Похожее мнение находим и у Леклерка. Он полагал, что в древности территории современных ему России и Польши находились в составе Скифии. Россия была лишь частью европейской земли сарматов, которая, помимо самих сарматов, была населена готами, массагетами, гуннами, аланами, гетами, цимбрами, рокселанами, варягами, славянами и русью. Славяне были известны под именем «словене», или «новгородские славяне», русы именовались «русскими киевскими»⁴⁰. В этом Леклерк был не одинок, мысль о близкородственных отношениях между сарматами, скифами и славянами присутствует у Щербатова: «страна имела разные именованья, яко Скифия, Сарматия, Роксолияния, Славенороссия, Россия, и наконец, чужестранными народами Московия»⁴¹.

Левек ошибочно полагал, что о древнейшем пребывании славянских племён на территории России свидетельствовало название Днепра – Борисфен (*Boristène*), происходившее, по мнению французского историка, от слова «бор» и «стена» и обозначавшее «стену, образованную сосновым лесом». Дело в том, что, по мнению учёного, обширные сосновые леса росли на берегах Днепра⁴². На самом деле хорошо известно, что Борисфен (*Βορυσθένης*) – слово древнегреческого языка и обозначает «реку с севера», именно под таким названием её упоминал Геродот в V в. до н.э. Ряд учёных полагает, что славянским названием Днепра был Славутич⁴³.

Леклерк считал, что «Венеция», которую построили славяне, находилась на берегах Волхова рядом с озером Ильмень и называлась по их имени – Славенском. Это был важнейший город для славян на Руси. К середине V в. они решили построить новый город на руинах старого – он получил имя Новгород, остатки старого города существуют и ныне под названием Старого Городища (*Staroe Gorodischè*). С точки зрения Леклерка, новгородские славяне «представляли

собой только голову в теле нации». Угры, обитавшие в Сибири, пошли на них войной, завоевали их земли и переселились с востока на запад и юг. Одна часть славянского населения ушла на берега Балтийского моря, другая отправилась в Римскую империю. Некоторые из этих племён успешно заселили Болгарию, Сербию, Далмацию, Венгрию, Богемию и Померанию⁴⁴.

В качестве примера смешения славян и угров Леклерк упомянул о венграх и сикулах. Историк отметил, что в настоящее для него время в Венгрии проживали народы сикулы, которые были родичами гуннов или угров, они говорили на том же языке, что и венгры, с той лишь разницей, что последние говорили очень быстро, а вторые – очень медленно. Венгры заимствовали множество слов и обычаев у древних славян, тогда как сикулы сохранили свой примитивный язык и древние обычаи. Они оказались отделённым племенем, расположившимся в 20–25 деревнях. Этот народ, сохранивший гордость, ненавидел немцев и презирал венгров, как транстеверинцы на берегах Тибра презирали римлян⁴⁵.

Расселение славян в Европе. Левек упомянул о легенде, правдивость которой отказывался гарантировать, согласно ей главным городом славян был город Славенск (*Slavensk*), находившийся рядом с местом, где позже будет построен Великий Новгород⁴⁶. Однако славяне были изгнаны с этих мест уграми (гуннским племенем, пришедшим из Сибири) и расселились на западе и юге Европы⁴⁷. Одна часть славянских племен вторглась в Римскую империю, другая осела на берегах Балтийского моря. Потомки этих «эмигрантов» во времена Левека населяли Богемию, Болгарию, Сербию, Далмацию, Венгрию, Померанию, Силезию и другие территории⁴⁸.

Однако не все славяне ушли с территорий России и Польши, «или, говоря языком древних, Скифии». На этих территориях оставалось много славянских племён, которые формировали «бесчисленное население». Среди них Левек упоминает о волынянах, населявших Волынь, ляхах (поляках), живших на берегах Вислы, полянах, занимавших бассейн Днепра, полочанах, расселившихся на берегах Западной Двины, дреговичах – между Западной Двиной и Припятью, древлянах – жителях лесов, северянах, расположившихся между Десной и Сулой. Только племя, жившее на берегах озера Ильмень, сохранило древний этноним – славяне⁴⁹.

Подытоживая сказанное, Левек констатировал, что славяне были достаточно сильными, чтобы наложить дань на соседние племена, отличающиеся от них по языку и происхождению⁵⁰. Территория их влияния была весьма обширной: от Литвы до Урала и от Ростовского озера (ныне оз. Неро в Ярославской области) и Белоозера до Белого моря. Однако в течение долгого времени, будучи свободными и господствующими в регионе, славяне сами стали

данниками, и для того чтобы свергнуть иго, они вынуждены были пригласить «властителей»: «С этого момента и берёт своё начало русская государственность»⁵¹.

Вопросы происхождения и расселения славян являются одними и самых сложных не только в исторической, но и этнографической и лингвистической науках. По сей день учёные не пришли к единому мнению не только о «родине» праславянского народа, но даже относительно первых мест расселения славян в Европе. Французские историки XVIII в. сделали попытку, используя весь пласт знаний, доступный им, приоткрыть дверь в древнейшую историю России для европейского читателя. Конечно, некоторые их тезисы являются на нынешний момент сильно устаревшими, но они помогают нам лучше понять эволюцию зарубежной историографии Древней Руси.

Левек и Леклерк были первыми французскими писателями российской истории, кто опирался в своих сочинениях в первую очередь на древние источники, как русские, так и иностранные, что, несомненно, указывает на их исключительность в ряду прочих сочинений европейской России второй половины XVIII в.

Примечания

- 1 См.: *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 121.
- 2 Подробнее о биографии Левека см.: *Pétigny de Saint-Romain X.* Notice biographique sur Pierre-Charles Lévesque. Blois, 1964.
- 3 Подробнее о биографии Леклерка см.: *Андреев В. В.* Никола-Габриэль Леклерк – автор «Истории России» // Стратегия развития экономики России в условиях модернизации : сб. докладов. СПб., 2011. С. 221–225.
- 4 *Ильиченко Э. В.* Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века : Пьер-Шарль Левек : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011.
- 5 Цит. по: *Mohrenschildt D.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N. Y. : Octagon books, 1972. P. 227.
- 6 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, tirée des Chroniques originales, de pieces authentiques, et des meilleurs Historiens de la nation. P., 1782. Т. 1. P. 1–2.
- 7 *Татищев В. Н.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1, ч. 1. История Российская. М., 1994. С. 130–131.
- 8 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, et des principales nations de l'Empire russe. P., 1812. Т. 1. P. 19.
- 9 По всей видимости, Левек пользовался изданием, подготовленным Г. Ф. Миллером в Академии наук : Абулгази-Баядур-хан. Родословная история о татарах / Г. Ф. Миллер. Т. 1–2. СПб., 1768.
- 10 *D'Herbelot de Molainville B.* Bibliothèque orientale : ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient... Т. 1–4. La Haye, 1779.
- 11 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. P. 3–4.
- 12 *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. P. 19.

- ¹³ См.: Щербатов М. М. История российская от древнейших времен : в 7 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 143, 154.
- ¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., коммент. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989. С. 319–321.
- ¹⁵ *Le Clerc N.-G.* Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 1. Р., 1783. Р. 82.
- ¹⁶ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным : в 2 т. СПб., 1788. Т. 1. С. 1, 242, 423–424.
- ¹⁷ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁸ См.: Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова; предисл. проф. П. Н. Третьякова. М., 1956. С. 42.
- ¹⁹ С другой стороны, люди всегда сохраняют в памяти героическое прошлое своих предков, даже если такая «слава» означала победу над соседним селением.
- ²⁰ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 18–19.
- ²¹ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 154.
- ²² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 3.
- ²³ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Hambourg, Brunswick, 1800. Т. 1. Р. 3.
- ²⁴ Агенор (греч. Αἰνῶρ) – в древнегреческой мифологии царь Тира в Финикии, сын Посейдона и Ливии.
- ²⁵ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 3–4.
- ²⁶ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 21.
- ²⁷ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 143.
- ²⁸ *Le Clerc N.-G.* Op. cit. Р. 83.
- ²⁹ Ibid. Р. 84.
- ³⁰ Болтин И. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 15.
- ³¹ Там же. С. 174.
- ³² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 23.
- ³³ Ibid. Р. 24.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. Р. 25.
- ³⁶ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 5.
- ³⁷ См.: Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1, 2. М., 1988. С. 86.
- ³⁸ Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1, 2. С. 87.
- ³⁹ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 5–6.
- ⁴⁰ *Le Clerc N.-G.* Op. cit. Р. 82.
- ⁴¹ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 31.
- ⁴² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 6.
- ⁴³ Под таким названием Днепр встречается лишь однажды в «Слове о полку Игореве» в качестве синонима и обозначает «славный, известный, слывающий». См.: Слово о полку Игореве / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 27: «О, Днепре – Словутицю!»
- ⁴⁴ *Le Clerc N.-G.* Op. cit. Р. 84–85.
- ⁴⁵ Ibid. Р. 85.
- ⁴⁶ В первой редакции 1782 г. Левек рассказал новгородскую историю до призвания варягов вместе с киевской (*Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 77–79), тогда как в издании 1812 г. она была перенесена в главу «Рюрик» (*Idem.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 93–96).
- ⁴⁷ Про гуннские племена Левек упоминает лишь в первом издании (1782 г.) своей «Истории России», в редакциях 1800 и 1812 гг. он писал лишь о «различных событиях», которые заставили славян переселиться в другие земли. Ср.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 6; *Idem.* Histoire de Russie... 1800. Т. 1. Р. 5; *Idem.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 22.
- ⁴⁸ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 6.
- ⁴⁹ Ibid. Р. 7.
- ⁵⁰ В сравнении славян и других народов Левек неизменно упоминал язык как первый критерий, по которому он судил о родстве племён и наций. Заметим также, что французский историк уделял большое внимание языковедческим исследованиям славянских языков, сравнивая их как с современными ему европейскими языками, так и с классическими древнегреческим и латинским. См.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 29–45: «Essai sur les rapports de la langue des slaves avec les langues grecque et latine».
- ⁵¹ Этот завершающий раздел текст в главе «De l'antiquité des Slaves» можно найти только в редакции 1782 г., поскольку в последующих изданиях он был перенесён и существенно дополнен в главе «Rourik». См.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie... 1782. Т. 1. Р. 8; *Idem.* Histoire de Russie... 1812. Т. 1. Р. 93–94.

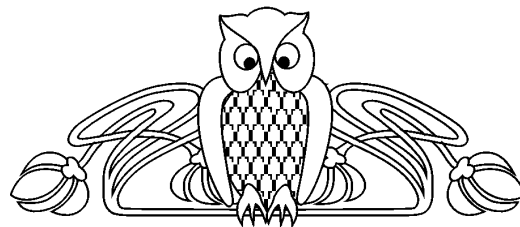
УДК 94 (73) |19|

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ «ПУНКТА-4» (первая половина XX века)

С. Ю. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению процесса формирования в первой половине XX века теоретического и практического базиса аме-

риканской программы помощи слаборазвитым странам, которая получила название «пункт-4». Кроме того, автор анализирует стратегический контекст, в рамках которого происходило формирование данной программы помощи.

Ключевые слова: Г. Трумэн, Ф. Рузвельт, политика добрососедства, техническая помощь, Организация американских государств, план Маршалла.

The American Technical Assistance: the Experience and Lessons for the «Point-4» (the First Half of the XX Century)

S. Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the forming of the theoretical and practical basis of the American assistance program for underdeveloped countries during the first part of XX century, which was called the «Point Four». Besides, the strategic context, in which the forming of the program took place, is also analyzed.

Key words: H. Truman, F. Roosevelt, neighborhood policy, technical assistance, Organization of American states, Marshall plan.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-66-71

Считается, что систематическое и системное предоставление американской помощи слаборазвитым странам началось в январе 1949 г. с объявления Г. Трумэном в своей инаугурационной речи программы, которая получила название «пункт-4». Эта программа в том виде, в каком она была изначально задумана и предложена президентом США, представляла собой набор мер, нацеленных на экономическое развитие слаборазвитых стран за счет таких основных компонентов, как техническая помощь и инвестиции американского частного и общественного капитала. Однако, в конечном итоге, первая составляющая возобладавала, и само название «пункт-4» превратилось, по сути, в синоним технической помощи¹.

В самом общем виде техническая помощь как «передача технических знаний и умений» стала предоставляться уже тогда, когда один человек объяснял другому, как обрабатывать камень или изготавливать колесо. В этом смысле очень разветвленная «корневая система» «пункта-4» пронизывала всю историю человечества и довольно рано стала заметным элементом международных отношений. Правда, в большинстве случаев такая «техническая помощь» являлась побочным продуктом либо завоеваний, либо торговых операций. Например, построив порт в Александрии для поддержки своих завоевательных походов, Александр Македонский по сути передал египтянам огромное количество передовых для того времени «ноу-хау», хотя сам вряд ли об этом задумывался. То же самое можно отнести и к древним римлянам, которые в процессе создания и эксплуатации своей империи активно распространяли технологические знания, позволившие Риму стать великим.

В истории Древнего Востока также можно найти множество примеров распространения передовых технологий в международном масштабе. В III в. н. э. китайские специалисты по разведению шелковичного червя обучали японцев своему искусству. Приблизительно тогда же китайцев приглашали в Персию для распространения там тайн гончарного ремесла.

Период средневековья в Европе ознаменовался резким увеличением объема обмениваемой

технологической информации. Тем не менее в условиях развития меркантилизма и экономического национализма интенсивность этого обмена стала искусственно сдерживаться. Были случаи, когда экспорт технологических знаний рассматривался как национальная измена. Например, в 1679 г., когда испанский посол во Франции нанял четырех мастеров по изготовлению шелка для работы в Испании, один из министров Людовика XIV приказал арестовать эту группу, посадить мастеров на «хлеб и воду» и держать в тюрьме как можно дольше для того, «чтобы другие французы не пытались встать на этот путь и вывозить секреты мануфактур из королевства»².

Однако интересы коммерции оказались сильнее любых запретов, и с начала промышленной революции из Западной Европы во все уголки мира стали растекаться бурные потоки передовых технологических знаний, правда, опять же как побочный продукт процесса торговли, завоеваний и колонизации. Несмотря на то что передовые «ноу-хау» попадали к эксплуатируемым народам, как правило, случайно и бессистемно, они, тем не менее, оказывались часто важнейшим фактором для развития национальных секторов экономик колониальных и полуколониальных стран.

Распространение технической помощи Соединенными Штатами в слаборазвитых странах началось уже во второй четверти XIX в., т. е. в период, когда США сами еще были активными получателями такой помощи из Европы. Процесс этот шел по линии частного предпринимательства и религиозного миссионерства. Например, Э. Смит, миссионер из Коннектикута, основал в 1834 г. первую типографию в Сирии. Пресвитерианский миссионерский комитет с середины XIX в. стал посылать учителей и медицинский персонал в Иран. В 1868 г. пресвитериане основали в Бейруте знаменитый Американский университет, а в Тегеране в 1872 г. создали Американский колледж³.

В целом вторая половина XIX в. ознаменовалась резким ростом активности американских миссионерских организаций в отсталых странах. В основном они создавали там больницы и школы. Более того, некоторые правительства этих стран сами стали заключать контракты с американскими частными лицами и организациями на получение технической помощи таким путем. С начала XX в. к этому процессу подключились нерелигиозные филантропические организации, такие как фонд Рокфеллера и фонд Форда. Различные американские фермерские организации также активно пытались распространять передовые сельскохозяйственные технологии за счет программ молодежного обмена или посылки специальных миссий. Некоторые крупные профсоюзные объединения предпринимали усилия донести до отсталых народов преимущества организованной защиты трудящимися своих профессиональных прав и интересов⁴.

Непосредственные истоки феномена временной технической помощи можно, по-

видимому, связать с процессом создания системы американских государств, который был инициирован в 1899 г. с формирования Панамериканского союза⁵, продолжен в период Рузвельтовской «политики добрососедства» и завершился, в конечном итоге, созданием Организации американских государств (ОАГ).

Первые шаги по организации системы предоставления технической помощи на многосторонней основе были предприняты США в рамках Панамериканского союза. Специально созданный комитет экспертов, который формально находился под совместным управлением и контролем представителей всех двадцати стран союза, занимался сбором и распространением информации относительно различных аспектов регионального развития, проводил специальные исследования, подготавливал региональные научно-технические конференции и т. п.⁶

Когда в 1948 г. была создана ОАГ (как региональное агентство ООН), Панамериканский союз продолжал выполнять функции генерального секретариата организации, и в этом качестве он по-прежнему предоставлял техническую помощь через свой департамент экономических и социальных проблем и такие специализированные организации, как Межамериканский институт сельскохозяйственных исследований, Панамериканский институт географии и истории, Панамериканское санитарное бюро и т. д.

«Политика добрососедства», осуществлявшаяся с самого начала правления Ф. Рузвельта, сыграла очень важную роль в дальнейшем закреплении системы американских государств. Основной задачей этой политики являлось развитие панамериканизма не только как политического идеала, но и как инструмента влияния на социально-экономическое развитие стран Западного полушария.

После принятия американским конгрессом в 1938 г. соответствующей законодательной базы, позволявшей правительству США оказывать странам Латинской и Центральной Америки техническую помощь на двусторонней основе, администрацией Рузвельта был создан междепартаментский комитет по сотрудничеству с латиноамериканскими странами. На следующий год эта структура была преобразована в междепартаментский комитет по научному и культурному сотрудничеству, который координировал работу приблизительно двадцати пяти федеральных агентств, участвовавших в предоставлении технической помощи странам Западного полушария⁷.

Этими двусторонними программами охватывались такие сферы жизни и экономики, как сельское хозяйство, здравоохранение и санитария, транспорт, образование и т. д. Помощь предоставлялась только по просьбе конкретной страны, которая со своей стороны принимала участие в реализации проекта в форме предоставления земли, инфраструктуры, персонала, неспециаль-

ного оборудования и денег. Соединенные Штаты вносили свою лепту в виде специального оборудования и экспертов. Департамент сельского хозяйства США, осуществляя эти программы, создавал, например, специальные станции, которые занимались распространением современных агротехнологий среди местного населения и готовили специалистов из числа местных жителей. По словам главы департамента Ф. Брэннана, в своей работе он ориентировался на развитие тех сельскохозяйственных культур, которые были необходимы экономике США. В среднем правительства латиноамериканских стран инвестировали в такие двусторонние проекты три доллара на каждый доллар США⁸.

В 1939 г. в рамках госдепартамента был создан специальный отдел по культурным связям, задачей которого было способствовать расширению контактов между странами Западного полушария в таких областях, как средства массовой информации, литература, наука, молодежный и научный обмен и т. п. Этот отдел выполнял также функции расчетной палаты и центра координации деловой активности таких неправительственных организаций, как, например, фонды Рокфеллера, Карнеги и Гугенхайма в области культурных связей⁹.

Осознание неизбежности участия во Второй мировой войне и проблема отсутствия координации деятельности большого числа правительственных и частных агентств, появившихся на волне «политики добрососедства», предопределили необходимость консолидации структур, участвовавших в программах технической помощи. Соответственно в 1940 г. администрацией Рузвельта был создан Офис координатора межамериканских дел, который имел статус оборонного ведомства и был частью Управления по ликвидации чрезвычайных ситуаций. Руководителем офиса (координатором) был назначен Нельсон Рокфеллер, имевший гигантские экономические интересы и влияние в Латинской Америке¹⁰. Офис имел огромный административный аппарат (более 1100 человек в Вашингтоне) и большое количество полевых экспертов. Тесные и прочные взаимоотношения между координатором, структурами ОАГ и госдепартаментом позволяли последнему обеспечить надежный контроль за всей американской частной и правительственной активностью в Западном полушарии¹¹.

Угроза участия в войне подтолкнула США и латиноамериканские страны к созданию в октябре 1939 г. на базе многосторонних отношений Межамериканского финансово-экономического консультативного комитета. Данная структура имела постоянную штаб-квартиру в Вашингтоне и занималась разработкой программ экономического и технического сотрудничества на межгосударственном уровне, ориентируясь в основном на решение оборонных проблем. В 1945 г. по рекомендации Межамериканской конференции по проблемам войны и мира комитет был расформирован и в его место создан Межамериканский

экономический и социальный совет (Inter-American ECOSOC), который в 1948 г. стал органом ОАГ, занимавшимся проблемами предоставления технической помощи¹².

Важнейшим фактором оказания помощи странам Латинской Америки в довоенные и военные годы стала деятельность Экспортно-импортного банка США (EIB – Export-Import Bank), созданного в 1934 г. Его кредиты (объемом до 700 млн долл.) создавали финансовую базу для многих проектов и программ технического и экономического сотрудничества. Основное назначение кредитов состояло в том, чтобы активно вовлечь южных соседей США в войну против Германии и увеличить производство или добычу именно того сырья, в котором нуждались американские оборонные отрасли¹³.

С окончанием Второй мировой войны в 1945 г. Конгресс США принял закон о трансформации Офиса координатора межамериканских дел в Институт межамериканских дел (ПИАА – Institute of Inter-American Affairs). По форме это была подконтрольная правительству корпорация, председатель совета директоров которой (а Н. Рокфеллер ушел в отставку) назначался госсекретарем. Институт был уполномочен продолжать начатые Офисом координатора программы технической помощи¹⁴. Заметным вкладом института в развитие идеологии технической помощи в первые послевоенные годы стало создание концепции *servicio* (servicio) – административной структуры управления программами, которая послужила впоследствии моделью для программ и проектов «пункта-4».

В целом многосторонние и двусторонние программы технической помощи, инициированные в рамках «политики добрососедства» и активизированные потребностями военного времени, стали, по словам заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса, «краеугольным камнем будущей мировой структуры»¹⁵.

Американская государственная техническая помощь, действие которой в предвоенные годы ограничивалось только странами Западного полушария¹⁶, в военные и послевоенные годы стала быстро распространяться и на другие регионы мира.

Так, в военный период на деньги из президентского чрезвычайного фонда были организованы программы обмена специалистами с некоторыми странами Африки, Ближнего и Дальнего Востока. Однако самые активные программы внешнеэкономической помощи осуществлялись в сфере восстановления разрушенных экономик, и техническая помощь была их важнейшим элементом. Так, техническая помощь стала частью программы ленд-лиза. Однако самым известным и масштабным примером технической помощи стала деятельность Комитета ООН по помощи и восстановлению (UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration), который получил

грант размером 3 млрд долл. от правительства США на программы экономического возрождения стран Европы и Дальнего Востока¹⁷.

Новые цели и задачи американской внешней политики, четко обозначившиеся в первые послевоенные годы, потребовали осуществления намного более мощных и быстродействующих программ внешнеэкономической помощи, чем те, которые осуществлялись США, например, в Латинской Америке. Самым известным из таких мероприятий стала Программа восстановления Европы (ERP – European Recovery Program), т. е. так называемый «план Маршалла».

Осуществлявшее этот план Управление по экономическому сотрудничеству (ЕСА – Economic Cooperation Administration – независимое правительственное агентство, подчинявшееся только президенту США) использовало гигантские деньги, выделенные Конгрессом в основном для программ экономической помощи западно-европейским странам, которые включали в себя закупки сырья, оборудования, строительства разрушенной инфраструктуры, т. е. всего того, что было необходимо для восстановления уже существовавшего высокотехнологичного экономического механизма.

Техническая помощь также играла, хотя и вспомогательную, но весомую роль в этих программах. В первую очередь это касалось таких сфер, как сельскохозяйственное производство и сбыт, структура общественного управления, различные виды статистических исследований и т. д. Особенно впечатляющим примером технической помощи в рамках «плана Маршалла» стала деятельность Англо-американского совета по производительности труда. Внутри этого совета были созданы специализированные комитеты, которые изучали технологические аспекты процесса промышленного производства и составляли рекомендации по его совершенствованию¹⁸.

Еще большую роль технико-технологическое сотрудничество сыграло в американской программе помощи Турции и Греции, которая, как известно, являлась составной частью плана администрации по сдерживанию коммунизма – так называемой «доктрины Трумэна». Эта доктрина была провозглашена в марте 1947 г., получила законодательную базу в мае того же года, а в июле 1948 г. греко-турецкая программа помощи перешла под юрисдикцию ЕСА. Техническая помощь Греции была оказана в таких областях, как промышленность, сельское хозяйство, финансы, внешняя торговля, государственное управление, морские перевозки. В Турции члены американской миссии помощи сконцентрировали свое внимание в основном на модернизации и строительстве новых дорог и мостов, а также на подготовке местных специалистов для этой сферы¹⁹.

До провозглашения «пункта-4» предоставление технической помощи слаборазвитым странам в своем широком смысле (как обучение и обмен

информацией) было законодательно оформлено двумя основными актами Конгресса. Так, «Акт Фулбрайта», принятый в 1946 г., предполагал использование госдепартаментом местной «мягкой» валюты, полученной в результате продажи излишней собственности правительства США, для осуществления образовательных программ обмена учеными, студентами, профессорами в сферах, непосредственно связанных с экономическим развитием. Исходить при этом предлагалось как из интересов граждан Соединенных Штатов, так и граждан стран, подписавших соответствующие соглашения с американской администрацией²⁰.

«Закон Смита–Мунда» («Smith-Mundt Act»), одобренный законодателями в январе 1948 г., был предназначен для «расширения взаимопонимания между народом Соединенных Штатов и народами других стран» посредством предоставления информационным услуг, включавших обучение производственным технологиям и обмен в сфере образования. Закон предусматривал прямое выделение Конгрессом денег для предоставления такой технической помощи на регулярной основе. Это законодательство считалось непосредственной «предтечей» «пункта-4»²¹.

«Закон о помощи Китаю», принятый тогда же в 1948 г., среди многообразных и многочисленных инструментов по сдерживанию коммунизма в этой стране предусматривал достаточно массивное применение технической помощи. Для этого предполагалось создание в Китае так называемой Совместной комиссии по сельскому возрождению (JCRR – Joint Commission on Rural Reconstruction). Основной задачей JCRR было развитие способности режима Чан Кайши сопротивляться распространению влияния КПК в стране через привлечение на его сторону симпатий китайских крестьян²².

В основу деятельности комиссии была положена методика, разработанная ее руководителем доктором Джеймсом Йеном. Последний на основе своего огромного практического опыта работы в сельских районах Китая пришел к выводу, что вывести китайскую деревню из состояния стагнации можно только синхронными усилиями в нескольких взаимосвязанных сферах. Начав свои исследования в начале 1920-х гг. с программ ликвидации безграмотности среди крестьян, он вскоре понял, что эти усилия должны были быть дополнены мероприятиями в сферах помощи сельскохозяйственному производству (по типу американской «agricultural extension service» – службы содействия развитию сельского хозяйства), здравоохранения и совершенствования системы местного самоуправления.

В рамках «Закона о помощи Китаю» JCRR получала огромные средства – 27,5 млн долл., или 10 % от всего объема помощи режиму Чан Кайши. Несмотря на то что программа JCRR не смогла достичь своей основной цели (в основном из-за того, что генералиссимус очень поздно решился

на применение этих достаточно радикальных по китайским представлениям мер), тем не менее комиссия накопила огромный опыт в плане использования комплексных программ технической помощи для борьбы с традиционализмом и экономической отсталостью в сельском секторе Китая. Многие американские наблюдатели и эксперты утверждали, что именно этот опыт сформировал основу «новой азиатской политики» США, которая, в конечном итоге, материализовалась в программе «пункта-4»²³.

Другим «краеугольным камнем» «пункта-4» стал опыт, приобретенный американскими специалистами в первые послевоенные годы в Индии. Классическим примером здесь явился экспериментальный проект в округе Этава (штат Уттар-Прадеш). Этот проект осуществлялся по инициативе и под руководством американца Альберта Мейера и активно поддерживался премьер-министром страны Дж. Неру. Используя методику Джеймса Йена и разработки американских специалистов по теории «общинного развития», Мейер добился прекрасных результатов. Одновременно в Индии аналогичные проекты осуществлялись в Нилокхери, Фаридабаде и Мадрасе²⁴. С самого начала все они контролировались и направлялись специалистами из американского департамента сельского хозяйства – Хоросом Холмсом, Карлом Тэйлором, Дугласом Энсмингером, Клиффордом Уилсоном²⁵.

Как видно из вышеприведенного обзора, появлению «пункта-4» предшествовала длительная история правительственных и негосударственных программ технической помощи. Несмотря на то что уроки из этого опыта «извлекались селективно» и «не были целиком учтены при составлении доктрины внешней помощи»²⁶, тем не менее, без этого опыта была бы невозможна сама постановка вопроса о применении технической помощи в масштабах всего региона слаборазвитых стран, т. е. о «пункте-4».

Примечания

- 1 Шенин С. Ю. Истоки современной американской концепции внешней помощи // США – экономика, политика, идеология. М., 1992. № 11. С. 57–64.
- 2 Staley E. The Future of Underdeveloped Countries. N. Y., 1954. P. 27.
- 3 Rostow W. W. Eisenhower, Kennedy, and Foreign Aid. Austin, 1985. P. 75–76; U.S. Congress. Committee on Foreign Relations (Senate). Development of Technical Assistance Programs. Background Information and Documents. Washington, 1954. P. 1.
- 4 Ibid. P. 2.
- 5 До 1910 г. данная структура существовала как Бюро американских республик. См.: Bemis S. The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1945. P. 319–320.
- 6 Bemis S. Op. cit.
- 7 Department of State. Building the Peace. The «Point Four» Program. Washington, 1949. P. 4.

- ⁸ *Hutcheson H.* Government and Capital in Point Four // Foreign Policy Reports. Vol. 25, № 6 (June 1, 1949); *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. Baltimore ; L., 1996. P. 35–36; *Glick P.* The Administration of Technical Assistance. Growth in the Americas. Chicago, 1957. P. 6–14.
- ⁹ *Glick P.* The Administration of Technical Assistance. P. 14–15; *Bemis S.* Op. cit. P. 328.
- ¹⁰ Тридцатидвухлетнему Нельсону Рокфеллеру пришлось долго убеждать Ф. Рузвельта, что он может возглавить это агентство. Рокфеллер, контролировавший «Креол Петролиум» и «Стэндартойл оф Нью Джерси», особенно опасался усиления влияния в Латинской Америке стран фашистского блока. См.: *Perkins J.* Geopolitics and the Green Revolution. Wheat, Genes, and the Cold War. N. Y., Oxford, 1997. P. 148.
- ¹¹ *Bemis S.* Op. cit. P. 330.
- ¹² *Ibid.* P. 369.
- ¹³ *Rosenthal M.* Where is the Money Coming From // The Public Affairs Institute. Bold New Program Series. 1950. № 8. P. 38–39.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 38.
- ¹⁵ Цит. по: *Bemis S.* Op. cit. P. 392n.
- ¹⁶ Здесь, правда, необходимо упомянуть о группах экспертов департамента сельского хозяйства, посланных в 1937 г. в Грецию, Египет, Сирию, Саудовскую Аравию, Ливан, Ирак, Либию, Китай и Филиппины для осуществления отдельных демонстрационных проектов. См.: *Hutcheson H.* Op. cit. P. 74.
- ¹⁷ *Rosenthal M.* Op. cit. P. 39.
- ¹⁸ Department of State. World Economic Progress through Cooperative Technical Assistance. State Department Publication № 3454 (April, 1949). P. 11–12.
- ¹⁹ Department of State. Point Four. State Department Publication № 3437 (February, 1949). P. 6.
- ²⁰ Department of State. Point Four. State Department Publication № 3719 (January, 1950). P. 132.
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Шенин С.* Генезис новой азиатской политики США : опыт реформирования в Китае // США – экономика, политика, идеология. М., 1993. № 5. С. 51–58.
- ²³ Подробнее о деятельности JCRR см.: *Шенин С.* Генезис новой азиатской политики США : опыт реформирования в Китае // США – экономика, политика, идеология. М., 1993. № 5. С. 51–58.
- ²⁴ *Dube S. C.* India's Changing Villages. Human Factor in Community Development. N. Y., 1958. P. 8–11; *Шенин С. Ю.* Истоки современной американской концепции внешней помощи. P. 57–64.
- ²⁵ *Mayer A.* Pilot Project. India. Berkeley, 1958. P. 32.
- ²⁶ *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. P. 48.

УДК 94(420+47+57)

ИРАНСКАЯ «ЗАВЯЗКА». ПЕРЕЧИТЫВАЯ НАСЛЕДИЕ И. М. МАЙСКОГО

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье на основе воспоминаний, дневников и переписки советского посла И. М. Майского рассматривается его вовлеченность в формирование общей позиции СССР и Великобритании по Ирану летом 1941 года.

Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The Iranian «Plot». Re-reading I. M. Maisky Heritage

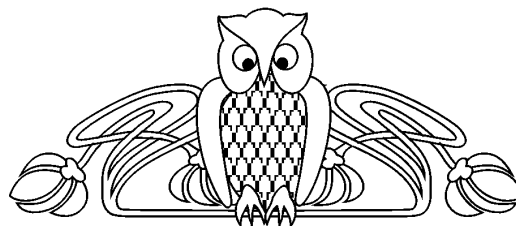
Yu. G. Golub

In this article, I. M. Maisky's involvement in the elaboration of a joint USSR and Great Britain position concerning Iran in the summer of 1941 is considered, based on his memoirs, diaries and correspondence.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-71-77

В год 70-летия Великой Победы, отдавая дань памяти всем, обеспечившим разгром врага и победоносное завершение войны, нельзя не вспомнить

и советских дипломатов. Они сыграли в достижении Победы важную роль, внося значительный вклад в формирование антигитлеровской коалиции. В этом контексте выделяется деятельность советского посла в Великобритании И. М. Майского¹, особенно с учетом того, что именно британская столица стала в тот период времени центром мировой дипломатической активности. За многие годы работы в Лондоне Майский, будучи личностью идеологически незашоренной, инициативной и энергичной², сумел установить личные контакты со многими британскими политиками, в том числе и с ключевыми фигурами³. Это оказалось весьма востребованным в первые, самые трудные для нашей страны недели и месяцы войны. Тогда руководители двух стран еще только искали пути к взаимопониманию, и совпадение их позиций, прежде всего, относительно Ирана во многом обусловило преодоление былой отчужденности и недоверия⁴.

Освещение этого аспекта деятельности Майского облегчается тем, что за последние годы в

научный оборот было введено немало архивных материалов, вошедших в том числе в очередной том серийной публикации «Документы внешней политики» за 1941 г.⁵ Ряд важных источников содержится и в сборниках, изданных ранее⁶. И конечно, уникальное значение для понимания подоплеки событий в летние месяцы 1941 г., приведших к советско-английской акции в Иране, имеют воспоминания⁷, переписка⁸ и дневники⁹ самого Майского. Они содержат немало оригинальных оценок, интересных наблюдений, тонких зарисовок. Даже то, о чем Майский будучи ключевым участником событий умалчивает или лишь упоминает, тоже само по себе примечательно и заслуживает внимания. Ведь, возможно, как считают некоторые историки, Майский не всегда был вполне искренним в своём дневнике, так как знал о системе постоянного контроля за деятельностью посллов и не исключал, что его записи читал кто-то еще¹⁰. Тем не менее с выходом в свет «Дневника дипломата» Майского отечественные источниковедение и историография пополнились весьма ценным источником по политической и дипломатической истории Второй мировой войны. Это позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать непростой процесс складывания в первые месяцы войны союзнических отношений между СССР и Великобританией и, в частности, согласование их общей позиции по Ирану и вклад в это согласование самого Майского. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Воскресное утро 22 июня 1941 года советский посол в Великобритании Иван Михайлович Майский встретил в загородной тиши лондонского пригорода Бовингдон, в доме Х. Негрина¹¹. В 8 часов утра там раздался телефонный звонок из советского посольства, и взволнованный сотрудник, ссылаясь на английское радио, сообщил послу о нацистском нападении на Советский Союз¹². Спустя полчаса с советским посольством в Лондоне связался секретарь министра иностранных дел А. Идена и пригласил посла на встречу к министру.

В полдень Майский был в Форин офисе. «Иден, – записал в своем дневнике посол, – поднялся с кресла и с приветливым лицом сделал несколько шагов мне навстречу. Он был в простом сереньком костюме, с простым мягким галстуком, и левая рука его была наскоро перевязана какой-то белой тряпочкой. Видимо, он чем-то порезал себе ладонь. Тряпочка держалась плохо, все время соскальзывала, и Иден в ходе беседы то и дело ее поправлял. Вид Идена, его костюм, его галстук и особенно эта белая тряпочка как-то сразу сняли весь налет “историчности” с нашей встречи. Та небольшая доза торжественности, которая была у меня в душе, когда я переступал порог кабинета Идена, сразу испарилась при виде белой тряпочки. Стало как-то просто, обычно, прозаично. И это ощущение еще больше усилилось, когда Иден начал свою беседу с того, что стал меня самым обыкновенным образом расспрашивать о событи-

ях на фронте и о содержании речи т. Молотова. В этом “обыкновенном” тоне была выдержана вся ... встреча с Иденом»¹³.

Выслушав посла, Иден, в свою очередь, сказал, что уже утром беседовал с главой кабинета Черчиллем и на основании этой беседы считает нужным заявить, что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в какой мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не только не ослабеют, но, наоборот, усилятся. Далее он подчеркнул, что британское правительство готово оказать содействие СССР во всем, в чем оно может, и просил лишь указать, что именно нужно. По понятным причинам его собеседник не мог в тот момент ответить, что нужно, но обещал снести с советским правительством и после этого проинформировать министра¹⁴.

В тот же день И. М. Майский направил в Народный комиссариат иностранных дел телеграмму с подробной информацией о состоявшейся беседе¹⁵. Уже вечером под впечатлением прослушанного по радио выступления Черчилля посол позвонил Идену и сообщил о полученной им телеграмме, подтверждавшей готовность советского правительства сотрудничать с Англией и отсутствию у Москвы возражений против приезда британских миссий в СССР¹⁶.

Одновременно Майский условился с собеседником о новой встрече¹⁷. О её содержании И. М. Майский сообщил в Москву 26 июня¹⁸. Как писал посол, в ходе его встречи с Иденом был затронут весьма широкий спектр вопросов, начиная от оценок выступления Черчилля 22 июня и заканчивая ситуацией на Среднем Востоке. «В частности, – сообщал Майский, – Иден мне рассказывал, что после беседы со мной утром 22 июня он имел разговор с Черчиллем, и последний учел сделанные мной замечания, придав еще более решительную форму, чем это имело место первоначально, неприимости британского правительства в вопросе о продолжении войны до полной победы над Гитлером». Обращает на себя внимание, что Майский не упоминает об этой беседе с Иденом ни в опубликованных при жизни воспоминаниях, ни даже в дневнике, не предназначавшемся к публикации, то есть не пытается зафиксировать для истории то, что детально описывает в телеграмме, которая, кстати, до сих пор не опубликована. В контексте же данной статьи существеннее другое в этой встрече, а именно Майский оказался первым советским официальным представителем, которому британский министр в ходе обмена мнениями указал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана и сопредельных с ним стран¹⁹.

Такое предложение не осталось незамеченным в Кремле. В. М. Молотов, принимая 27 июня ввернувшегося в Москву британского посла С. Криппса, обратил внимание собеседника на этот момент встречи Майского и Идена. Примечательно, что произошло уже в ходе второй за

день встречи советского наркома и британского посла, после того как Молотов обсудил со Сталиным результаты предшествовавшей встречи с Криппсом. И резонно предположить, что Молотов коснулся этой проблематики во второй беседе с Криппсом по согласованию с главой советского правительства. В частности, нарком заметил, что Иден в беседе с Майским об отношении к странам Среднего и Ближнего Востока указывал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана, Ирака, Афганистана и, кажется, Турции, то есть вопрос сводился не к узким техническим военным переговорам, а к более широким²⁰. Криппс с этим согласился, заявив, что правительства должны следовать общей политической линии в отношении названных стран. Посол подчеркнул, что в настоящий момент целью как Англии, так и СССР является предотвращение проникновения Германии или кого-либо из ее партнеров по тройственному пакту на Балканы, в страны Среднего, Ближнего и Дальнего Востока. Особенно это важно в отношении Ирана. Молотов согласился с последним замечанием Криппса и заявил, что данный вопрос является актуальным²¹. Как видим, при всем немалом диапазоне важнейших задач устанавливаемого советско-британского сотрудничества проблема германского проникновения в Иран была обозначена в числе первоочередных целей сторон уже в первые дни после нацистского нападения на Советский Союз.

После этого предварительного зондажа на какое-то время Иран перестаёт фигурировать в набирающих интенсивность переговорах советских и британских представителей²². Однако это, как выяснится чуть позже, не означало забвения иранской темы на фоне более значимых вопросов сотрудничества двух стран. Так, в аппарате НКВД СССР (Средне-Восточном отделе) началась работа по подготовке аналитических материалов, касавшихся Ирана. 3 июля обстоятельный документ был подготовлен и направлен руководству наркомата²³.

А уже 8 июля иранская тема вновь возникла. И не просто возникла. Она получила детальное рассмотрение в Кремле на встрече И. В. Сталина с С. Криппсом²⁴. Подробно обсудив сначала перспективы заключения союзного соглашения, неожиданно для посла Сталин заговорил о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, которые, как он заявил, «будут вредить и Англии, и СССР». Сталин поинтересовался точкой зрения посла относительно возможных мер, необходимых для их изгнания из этих стран «сейчас, так как потом это сделать будет трудно»²⁵.

Криппс активно подхватил тему, ответив, что Лондон уже делал иранцам представление в связи с пребыванием в стране немцев. По его мнению, «оба правительства должны сделать шагу или министру иностранных дел Ирана демарш с предложением удалить пятую колонну». При

этом в беседе со Сталиным посол инициировал привлечение И. М. Майского к обсуждению иранской темы. «Если Советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому, – заявил Криппс, – то он со своей стороны информирует Идена по тому же вопросу». Более того, Криппс также обещал снести со своим правительством по вопросу о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане. Сталин отметил, что опасность существует как в Иране, так и в Афганистане и что «советское правительство уделяет внимание этому вопросу, особенно в отношении Ирана, потому что оно опасается за нефтяные промыслы Баку»²⁶.

С. Криппс выполнил обещание и не только оперативно доложил А. Идену о переговорах с советским руководством, но и посоветовал своему министру «побудить советское правительство подкрепить дипломатический демарш концентрацией войск на северной иранской границе» и предложил, чтобы британцы сами обдумали инсценировку подобной военной угрозы вдоль южной иранской границы²⁷.

Затронутая в ходе первой встречи Сталина с Криппсом 8 июля тема Ирана сразу же получила практическую реализацию. Советский посол в Лондоне И. М. Майский получил соответствующее поручение и уже 10 июля сообщил британскому министру иностранных дел Э. Идену, что советское правительство настаивает на принятии срочных мер по «сдерживанию серьезной угрозы для обеих стран», возникшей из-за «проникновения немцев» в Иран. В ходе встречи, как отметил в своем дневнике Майский, сообщая мне о предстоящем подписании союзного договора, Иден был страшно возбужден и взволнован. Он даже пошутил, что у него голова кругом идет от всех этих переговоров и соглашений...²⁸ Правда, поначалу, услышав решительный тон Майского, Иден не исключил, что Москва настроена на проведение некой силовой акции, пытаясь под предлогом немецкого присутствия в Иране достичь своих собственных целей в этой стране. На уточняющий вопрос, идет ли речь о некой военной операции, он услышал ответ посла о том, что советское правительство предлагает предъявить Тегерану совместно составленное требование о депортации немцев из Ирана. Иден сразу же уточнил, что может последовать в случае, если иранцы откажутся депортировать немцев. Майский высказал мнение, что СССР и Великобритания должны будут подойти к решению этого вопроса «с ясной головой», до того как сделают первый шаг и предпримут возможные экономические меры²⁹.

Между тем решительный тон Майского в разговоре с Иденом, как теперь понятно, был неслучаен и вполне объясним, если учесть, что в тот же день в Кремле состоялась новая встреча Сталина с Криппсом. На ней И. В. Сталин вновь затронул тему Ирана. Собеседники практически сразу сошлись в понимании необходимости со-

вместных дипломатических шагов для пресечения немецкой активности в Иране, подкрепленных при необходимости и военными мерами³⁰. Примечательно при этом, что первым речью о возможном применении силы завел посол С. Криппс, что было, в общем-то, неудивительно, учитывая британские планы ввести войска в Северный Иран в случае угрозы немецкого вторжения в этот стратегический регион.

И хотя Майский в разговоре с министром Иденом ограничился указанием лишь на возможные дипломатические демарши и экономическое давление, 11 июля британский кабинет, как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, счел необходимым поручить начальникам штабов рассмотреть вопрос о том, какие действия совместно с СССР в Иране предпочтительны³¹. Пока британские военные прикидывали допустимость и оправданность силовых действий в Иране, советские и британские дипломаты, основываясь на подписанном 12 июля 1941 года советско-английском соглашении «О совместных действиях в войне против Германии», продолжали обсуждения своих шагов в отношении Ирана и их последствий.

Инициатор акции против Ирана британский посол в Москве С. Криппс продолжал настаивать на срочном применении военной силы. 14 июля в своем донесении в Форин офис он утверждал, что в настоящий момент временной фактор особенно важен, так как очевидно, что СССР уже через несколько недель больше не сможет представлять угрозу для Ирана... Не вижу причин для того, – продолжал Криппс, – чтобы одновременно не подкреплять любые требования... военными демонстрациями³².

Тем не менее Иден оставался непреклонным, полагая, что предложения Криппса выходят за рамки британской политики и, возможно, даже за рамки реального положения вещей. Ему явно в большей степени импонировала сдержанность советского посла Майского, оказавшегося в центре дипломатических дискуссий. 14 июля Иден вновь встретился с Майским. Оба собеседника сошлись во мнении, что СССР и Великобритании предпочтительно в полной мере использовать возможности дипломатии и экономического давления на Иран³³. В связи с этим стороны активизировали подготовку дипломатических нот от имени своих стран иранскому правительству³⁴.

В то же время посол Криппс продолжал настаивать на незамедлительных военных действиях в Иране. 17 июля в своей депеше в Лондон он утверждал, что «должно быть применено максимальное экономическое и военное давление, прежде чем возможность будет упущена, а это может произойти в момент наступления немецких войск на Кавказ. Я считаю, что это та возможность, когда нужно применить... незамедлительное максимальное давление и не медлить,... так как нет сомнений в том, что иранцы попытаются сражаться»³⁵.

18 июля 1941 г. Криппс по его просьбе был принят Молотовым. Обсудив вопросы, связанные с деятельностью английской военной миссии, находившейся в Москве, Криппс перешел к немецкому присутствию в Иране, упомянув о «решении сделать совместный демарш». В связи с этим нарком подтвердил, что «как советскому, так и английскому посланнику в Тегеране даны приблизительно одинаковые инструкции». Криппс не удержался и рассказал Молотову о своей телеграмме Идену, в которой рекомендовал последнему, не колеблясь, предпринимать меры, как военного, так и политического, и экономического характера, если просьба не будет выполнена³⁶.

Наконец, 18 июля, спустя неделю, свои предложения подготовили британские военные. Они уклончиво рекомендовали правительству занять твердую позицию³⁷. Такая рекомендация, даже оставленная рядом оговорок, безусловно, способствовала расширению у политиков арсенала мер воздействия на Тегеран и ужесточению позиции Идена. Что он отчетливо продемонстрировал уже утром следующего дня, встретившись с Майским.

Еще до их встречи стало известно, что в Тегеране послы двух держав вручили министру иностранных дел Ирана Д. Амери согласованные ноты. В них содержалось требование выслать из страны немецких граждан³⁸. Иранский министр оказался в весьма затруднительной ситуации. Тем более что британский посол Р. Буллард намекнул, что в случае невыполнения предъявленных требований Лондон может пересмотреть торговые отношения с Ираном. Тем не менее Амери, сославшись на нейтральный статус своей страны, фактически сразу отклонил демарш союзников. Неудовлетворенный ответом министра Буллард незамедлительно проинформировал Лондон о необходимости усиления экономического давления на Иран. В свою очередь, советский посол Смирнов порекомендовал своему правительству отказаться от отправки в Иран немецких товаров, находившихся в транзите в Баку³⁹.

Вот на таком фоне Иден встретился с Майским. Он поделился с послом, что уже практически не надеется на депортацию немцев из Ирана и что придется уповать на военные меры. Министр конфиденциально сообщил собеседнику, что британские военачальники уже занимаются соответствующим планированием. И добавил, что если Москва даст согласие, то правительства обеих стран смогут объединиться для рассмотрения вопроса о возможных совместных военных действиях. Полагая, что вопрос в принципе будет согласован, британский министр поинтересовался у Майского, что может быть сделано Лондоном для того, чтобы снять обеспокоенность Турции возможным появлением русских в Иране⁴⁰. Иными словами, теперь и ранее колебавшийся Иден заговорил об использовании военной силы как единственно оставшемся средстве воздействия на Иран. Майский окончательно убедился: Лондон свой выбор сделал. Военное

планирование, продумывание мер по предупреждению реакции Анкары – не оставляли никаких сомнений на этот счет.

Утренняя субботняя встреча дипломатов завершилась просьбой Майского устроить ему аудиенцию с Черчиллем для вручения личного послания Сталина. Около часу дня Иден позвонил послу и сообщил, что Черчилль примет его в 5 часов дня в своей загородной резиденции Чекерс, где премьер обычно проводил «уик-энд»⁴¹.

Закончив перевод сталинского послания, Майский отправился на встречу. Посольский водитель, ранее не бывавший в Чекерсе, сбился с дороги, и посол прибыл в резиденцию с получасовым опозданием. Пройдя анфиладу темных залов в сопровождении секретаря премьера, Майский очутился в большой светлой комнате. Было многолюдно, шумно и оживленно. Черчилль дружески пожал руку гостю и спустя некоторое время увел его вниз в какую-то большую гостиную. Там Майский и вручил хозяину личное послание Сталина. Премьер стал его читать медленно, внимательно, все время справляясь с географической картой. Было видно, что он доволен – доволен самим фактом получения личного послания – и не старается этого скрыть.

Когда премьер дочитал послание до конца, Майский поинтересовался впечатлением от прочитанного. Черчилль ответил, что пока он может сделать лишь некоторые предварительные замечания. Концепция северного фронта в Норвегии ему понравилась. А вот по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию. Должно быть, чтобы смягчить впечатление от своего отказа, премьер заговорил о воздушном наступлении на Германию с запада. И затем внезапно перешел к Ирану, повторив гостю все то, что утром того же дня говорил Иден, но только в еще более заостренной и решительной форме: «Нельзя позволить шаху устраивать фокусы, – с горячностью заявил премьер. – Персия должна быть с нами! Шах должен выбирать: или – или».

Черчилль прибавил, что в случае упорства шаха он считает необходимой военную оккупацию Персии англо-советскими силами. При этом он намекнул, что персидская операция, наряду с Норвегией, тоже может явиться своего рода «вторым фронтом»⁴².

Это, конечно, было очевидным преувеличением. Понятно, что военная акция в Иране при всей ее военно-политической значимости никак не могла повлиять на ситуацию на советско-германском фронте. Правда, в случае успеха она существенно усиливала позиции союзников на Среднем Востоке и гарантировала еще один коридор для поставок в СССР.

И хотя собеседники еще довольно долго обсуждали другие вопросы, фактически именно это и стало главным позитивным итогом встречи советского посла с британским премьером.

Таким образом, 19 июля – день, в течение которого И. М. Майский, встретившись сначала с

британским министром иностранных дел, а затем и с самим премьер-министром, смог получить четкое представление о сформировавшейся позиции Великобритании по Ирану. Лондон недвусмысленно высказался за военную оккупацию этой страны англо-советскими силами. И первым из советских официальных лиц узнал об этом посол Майский.

В тот же день информация об этом поступила в Москву. И. М. Майский сообщил в Наркомат иностранных дел о своей беседе с У. Черчиллем, в том числе о том, что британский премьер подчеркнул необходимость применения к Ирану всех мер вплоть до совместной военной оккупации страны⁴³.

На следующий день, 20 июля, С. Криппс встретился с Молотовым, уже знавшим из депеши Майского о британской позиции по Ирану. Криппс попросил Молотова сообщить Майскому те формы действия, которые советское правительство со своей стороны предполагает предпринять в отношении Ирана. Молотов пообещал пока прямо не обозначать позицию советского правительства. Это побудило Криппса, уже проявившего себя как наиболее активного приверженца силовых действий, поддержать «тему». Он подчеркнул, что было бы весьма важно, если бы Москва приняла предложение английского правительства относительно военного или экономического давления на Иран. Конкретизируя свою мысль, посол коснулся советско-иранского договора 1921 года, создававшего правовую основу для ввода советских войск в Иран в случае появления в этой стране немецких войск. Ответ наркома на эту ремарку, хотя и был весьма дипломатичен («советское правительство считает советско-иранский договор весьма важным фактором в современной обстановке»), не оставлял сомнений в позиции Кремля. А уж когда Молотов поинтересовался, имеются ли у английского правительства военные силы на юге Ирана, которые могли бы оказать давление на Иран в случае возникновения серьезной опасности военного характера, все стало окончательно понятно. Поэтому Криппс поспешил ответить, что «ему лично кажется возможным использовать некоторое количество английских сил для военного давления и на юге Ирана»⁴⁴.

Завершая иранскую тему, Криппс также добавил, что, по его мнению, будет очень удобным вести переговоры об Иране в Лондоне. Для этого советское правительство должно уполномочить Майского принимать необходимые решения. Молотов согласился и заявил, что он поставит об этом в известность Майского⁴⁵. Понятно, что это делало фигуру Майского ключевой в обсуждении сторонами вопроса о военной акции в Иране. В течение последующих нескольких недель все необходимые детали были обговорены, и 25 августа 1941 года войска союзников вступили на территорию этой страны⁴⁶.

Рассматривая вовлеченность И. М. Майского в решение иранской проблемы, нельзя не отдать

должное его дипломатическому мастерству. В сложнейших условиях неудачного для СССР начала войны, когда советские войска терпели поражение и отступали, посол сумел поставить себя так, что с ним считались и Черчилль, и Иден, и другие государственные деятели Великобритании. При этом переговорные позиции Майского усложнялись тем, что Лондон, традиционно руководствуясь исключительно своими интересами, уклонялся от обсуждения практических действий по открытию второго фронта, что создавало определенное напряжение между сторонами. Вот почему их согласие на проведение совместной военной акции в Иране, достигнутое при активном участии посла Ивана Михайловича Майского (а финальные переговоры об этом проходили именно в Лондоне и их успех – его немалая личная заслуга), стало одним из первых реальных шагов в создании антигитлеровской коалиции.

Примечания

¹ Иван Михайлович Майский (19.01.1884–3.09.1975) – советский дипломат, историк и публицист, личность яркая, неоднозначная, с непростой судьбой. Настоящие имя и фамилия – Ян Ляховецкий. Родился в семье военного врача, выходца из польской крестьянской семьи, впоследствии доктора медицины. Учился в гимназиях в Череповце и Омске, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета; окончил Мюнхенский университет. В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик.
В период революции 1905–1907 годов – член Саратовского Совета рабочих депутатов. В начале января 1906 г. арестован и отправлен в тобольскую ссылку. В 1908 г. эмигрировал в Германию, а в 1912 г. переехал в Англию. Вернулся в Россию в мае 1917. Работал членом коллегии министерства труда Временного правительства. Летом 1918 г. был министром труда в Самарском правительстве КОМУЧа. За работу в эсеровском правительстве КОМУЧа был выведен из меньшевистского ЦК и исключён из РСДРП. Формально назначенный министром труда в колчаковском правительстве, фактически, Майский провёл период Гражданской войны в научной экспедиции в Монголии. В феврале 1921 г. принят в РКП(б). Был назначен председателем только что образованного Сибирского госплана. С 1922 г. на дипломатической работе. Был заведующим отделом печати Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Из характеристики, данной ЦК ВКП(б) в 1926 г. Майскому: «Хорошо знает английский язык. Имеет кое-какие связи в Англии по старой своей меньшевистской деятельности. Он там жил в свое время. Эта связь является его плюсом и в то же время его минусом». В 1929–1932 гг. полпред в Финляндии. В 1932–1943 гг. полпред, затем посол в Великобритании. Во время визита в Москву в 1942 г. Черчилль в разговоре со Сталиным отметил Майского как хорошего дипломата. Сталин согласился, но добавил, что «он слишком болтлив и не умеет держать язык за зубами». Некоторые британские историки отмечают,

что Майский вёл себя в Лондоне весьма раскованно, и что этим он отнюдь не обеспечивал интересы СССР. В 1943–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, участвовал в Ялтинской конференции. Был председателем Международной репарационной комиссии. С ноября 1946 г. – академик Академии наук СССР. В феврале 1953 г. арестован и обвинен по ст. 58 УК РСФСР. Освобожден в 1955 г. и восстановлен в партии. В 1960 г. реабилитирован. Автор многочисленных трудов по истории и воспоминаний. URL: <http://www.livelib.ru/author/147949> (дата обращения: 03.02.2015).

² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 278.

³ См.: Соколов В. В. И. М. Майский между И. В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 18–32.

⁴ См.: Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь – июль 1941 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 30–40.

⁵ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 (далее – ДВП). Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 2 т. 1941–1945. Т. 1. М., 1983.

⁷ Майский И. М. Воспоминания советского посла : в 2 кн. М., 1964; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М., 1971; Майский И. М. Люди. События. Факты. М., 1973; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. 2-е изд. М., 1987.

⁸ Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. М., 2005. Кн. 2 ; Майский И. М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. 1916–1975 : в 2 кн. М., 2011–2012. Кн. 2.

⁹ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. М., 2006–2009. Кн. 2.

¹⁰ Печатнов В. О. Посол СССР в Великобритании И. М. Майский (по страницам его дневниковых записей) // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 198.

¹¹ Бовингдон – селение недалеко от Лондона, где снимал дом бывший глава испанского республиканского правительства Х. Негрин. По его приглашению И. М. Майский с супругой проводил у него уик-энды.

¹² Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. 2-е изд. С. 562.

¹³ Майский И. М. Дневник дипломата : в 2 кн. Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. М., 2009. С. 5–6.

¹⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 2 т. Т. 1. С. 45–47.

¹⁵ ДВП. Т. XXIV. С. 9–12.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 6.

¹⁸ Ржеишевский О. А. Сталин и Черчилль : Встречи. Бесе-

- ды. Дискуссии : Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 14.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 318–320.
- ²⁰ ДВП. Т. XXIV. С. 48.
- ²¹ Там же.
- ²² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 52–56, 63–68. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 203.
- ²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 1–17.
- ²⁴ Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения... С. 36–38.
- ²⁵ ДВП. Т. XXIV. С. 122–123.
- ²⁶ Там же. С. 123.
- ²⁷ The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO) 371/27230/E3707.
- ²⁸ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 12.
- ²⁹ TNA, FO 371/27230/E3707.
- ³⁰ Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения... С. 38; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : в 6 т. Т. 1. С. 80.
- ³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1998 : в 3 т. Т. 3. С. 221.
- ³² TNA, FO 371/27230/E3844; Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 61.
- ³³ Stewart R. A. Op. cit. P. 61.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 28–29.
- ³⁵ TNA, FO 371/27230/E4065; Stewart R. A. Op. cit. P. 62.
- ³⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 168–169.
- ³⁷ Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 221.
- ³⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 156.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 32–33; Stewart R. A. Op. cit. P. 63.
- ⁴⁰ TNA, FO 371/27231/E3995; Stewart R. A. Op. cit. P. 63; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 172.
- ⁴¹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 14.
- ⁴² Там же. С. 14–18.
- ⁴³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 87.
- ⁴⁴ Там же. С. 171.
- ⁴⁵ Там же. С. 172–173; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 76–77.
- ⁴⁶ О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4; Он же. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе – сентябре 1941 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Любин Д. М. Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года : Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005; Оршнев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011; Холдеев Ф. П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журн. 2011. № 9. С. 40.

УДК 94(420).082:303.446.4(410) 191+929

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОРИКИ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА ОБ АНГЛИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1918–1920 ГОДОВ

Е. Г. Блосфельд

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: genhist@mail.ru

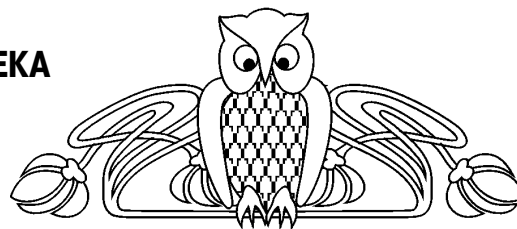
В статье анализируются работы английских историков конца XX века о рабочем движении в Англии 1918–1920 гг. Отмечены некоторые различия тенденций в российской и британской историографии и проблемы рабочего движения.

Ключевые слова: английская историография, английское рабочее движение, Лейбористская партия.

The English Historians of the 1990s on English Labour Movement in 1918–1920

E. G. Blossfeld

This article analyzes the works of the English historians of the end of the XX century concerning the English working class movement of 1918–1920. The author marks some differences of tendencies in

Russian and British historiography and of the working class movement's problems.

Key words: English historiography, English working class movement, Labour party.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-77-80

В английской историографии конца XX в. появился ряд интересных исследований об английском рабочем движении, тогда как наша историография игнорировала и продолжает игнорировать историю рабочего движения. Большинство работ посвящено годам так называемого «революционного» подъема 1918–1920 гг., а также и всей панораме от 1918 г. до окончания Второй мировой войны. Проблематика довольно широка. Это и тема интернационализма английского рабочего класса, отношения к СССР и анализ самого характера английского рабочего движения.

При этом изучение общего явления (в данном случае английского рабочего движения) осуществляется в его локальных проявлениях, в различных районах, что также позволяет лучше выяснить не только различие условий, но и лучше уяснить сущность явления и возможности для всей Англии.

В то же время английская историография отражает сравнительно широкий спектр мнений, что определяет и подходы, и выводы исследователей. При этом надо отметить отсутствие откровенного антикоммунизма, антисоветизма, стремление к объективности, использование в значительной мере марксистской методологии исследования¹.

Большинство историков, исследуя период подъема рабочего движения 1918–1923 гг., обоснованно считают, что революционная ситуация в Англии отсутствовала, а также исходят из базового мнения, что Октябрьская революция, равно как и выступления рабочих в тот период, знаменовали собой не начало новой эпохи, а конец старой. И именно поэтому во всех странах Европы (в меньшей степени в Италии), где капитализм или демократия были достаточно развиты, нигде (кроме Германии, Венгрии и России) не развалилась власть².

Подчеркивая, что революционный подъем и его неудачи зависели от многих причин, К. Ригли отмечает, что наибольшие уроки из выступлений рабочих 1918–1920 гг., как показали события 30-х годов, извлекли его враги³.

Крис Ригли и Джон Фостер доказывают, что рабочее движение в Англии заставило сильно поволноваться правящие классы и что ситуация в Англии не была аналогичной ситуации в Германии и в Европе в целом, либералы и Ллойд Джорж не собирались церемониться с рабочим движением. В случае необходимости Ллойд Джорж готов был выполнить роль Носке в Германии. Эти авторы, а также Дж. Кроунин в своем специальном исследовании о месте рабочего класса в британском обществе настаивают на том, что именно рабочие заставили Ллойда Джоржа прекратить интервенцию в Россию и отказаться от помощи «белой» Польши, что это не было его собственной инициативой.

В то же время К. Ригли и Д. Фостер считают, что главные причины и мотивы рабочего движения в Англии лежали в недовольстве Первой мировой войной и ее последствиями. Признавая уроки Октябрьской революции для английских рабочих в том, что она показала, как можно забастовку превратить в революционное действие и как рабочие могут взять власть, эти историки полагают, что суть кризиса лежала именно в войне, а само движение не было следствием Октябрьской революции. Рассматривая английское рабочее движение в этот период и отмечая его неоднородность на всех уровнях, они совершенно обоснованно считают, что в целом речь шла о «революции» в конституционных рамках. К. Ригли и Д. Фостер убеждены и доказывают, что не радикалы из Со-

циалистической рабочей партии, Независимой рабочей партии и даже не движение шоп-стюардов, а выступление так называемого «Тройственного союза», объединения крупнейших профсоюзов промышленных рабочих (железнодорожников, горняков, машиностроителей) заставили Ллойда Джоржа изменить политику. Большую роль в этом сыграло, по их мнению, также движение «Руки прочь от России» с его угрозой «прямых действий», то есть забастовок, поддерживаемое на самом высоком уровне. Вместе с тем, К. Ригли, отмечая неоднородность рабочего движения, квалифицирует совершенно обоснованно позицию лидера союза железнодорожников Д. Томаса как предательскую с точки зрения интересов рабочих.

Характеризуя рабочее движение на Клайде в 1918–1922 гг. с этих же исходных позиций, Д. Фостер считает, что рабочие Клайда действовали революционно. Он показывает, что здесь была очень большая концентрация промышленных рабочих, судостроителей Клайда, которых сильно ударил кризис, здесь сильнее было влияние радикализма, в том числе марксизма, именно здесь сильнее было движение шоп-стюардов, рабочий класс был более организован, чем в других частях Великобритании. В отличие от К. Ригли, который не считает движение шоп-стюардов революционным, Д. Фостер полагает, что они вслед за рабочими России стремились опробовать и власть.

Он расходится в оценке сущности движения со своими предшественниками, такими как Д. Рейд и Н. Маклин, которые исследовали феномен «красного» Клайда в послевоенный период с точки зрения общей политики реформизма в Англии и в Лейбористской партии⁴. Д. Фостер считает, что эти историки должны были рассмотреть статистику забастовочных движений в разных регионах. Д. Фостер полагает, что если бы они соотнесли динамику забастовочного движения на Клайде с другими регионами, то невозможно было бы, как это сделал Д. Рейд, ограничить его 1919 г., так как пик движения пришелся на 1919–1920 гг., а продолжалось оно до 1922 года. Он считает также, что следовало бы соотнести движение с поведением электората. По данным анализа, проведенного Д. Фостером, большинство голосов на выборах получили члены Независимой рабочей партии, Социалистической рабочей партии, сторонники III Интернационала, которых поддерживали судостроители, горняки, машиностроители. Д. Фостер, как несколько ранее и Д. Тэрнер, обращает внимание на различие условий и характера рабочего движения в разных районах Англии.

Дж. Кроунин, специально посвятивший свое исследование роли Лейбористской партии в британском обществе, считает, что, хотя Лейбористская партия сформировалась до Первой мировой войны, именно революционный подъем начала двадцатых годов сделал ее наиболее влиятельной, и сама она явилась результатом роста активности и самосознания рабочего класса. В

этом он расходится с Д. Тэрнером, полагающим, что само возникновение Лейбористской партии явилось лишь результатом раскола Либеральной партии [а почему последняя раскололась – не в результате ли той же активности рабочих? – Е. Б.]. Дж. Кроунин отмечает значительное расхождение между руководством и активистами рабочих, низовыми организациями. В то же время он говорит о поддержке Лейбористской партии рабочими, несмотря на неспособность и нежелание вождей поддержать их надежды.

Отмечая, что Лейбористская партия постепенно стала подобной другим политическим партиям, он говорит о слабости ее теоретической базы. Причину этого он видит в ее рабочем происхождении, в рабочей культуре, которую она представляла⁵. Эта мысль не раз высказывалась в английских исследованиях о Лейбористской партии. Дж. Кроунин, однако, отмечает, что теоретическая слабость не означает слабости организации Лейбористской партии и рабочего движения, организация со временем усиливается, и партия находит все больше рычагов влияния на рабочие массы.

В несколько ином аспекте этот вопрос рассматривается в работе историка С. Бергера, который решил сравнить Лейбористскую партию и Социал-демократическую партию Германии. И в этом вопросе он солидарен с Дж. Кроунином. Работа Ст. Бергера, несколько прямолинейно и даже примитивно построенная (все выводы изложены уже во второй части), в то же время базируется на большом источниковом и историографическом материале и оригинальна по сравнению с господствующей в английской историографии точкой зрения (в нашей историографии значительная часть этих выводов давно вполне утвердилась). В отличие от большинства английских историков автор вовсе не склонен говорить не только о слабости структуры и организации в Лейбористской партии, но и не считает нужным вычленять ее из европейской социал-демократии, противопоставлять немецкой традиции марксизма. Он справедливо отмечает, что так же, как СДПГ вовсе не вся следовала марксизму, так и Лейбористская партия, особенно ее левые течения, не была ему чужда. Он сосредоточился не на особенностях, а на сходстве двух партий и делает это убедительно. Он показывает, что обе партии объединяли в себе разные слои и интересы рабочего класса, отражая разные тенденции самого развития буржуазного общества. Отмечая, так же, как и Дж. Кроунин и отчасти К. Ригли, все больший рост бюрократизма в Лейбористской партии, он показывает разрыв между лидерами и основной массой, но указывает в то же время на их взаимоподдержку. Ст. Бергер при этом обращает внимание на гордость многих лидеров (Э. Бевин) рабочим происхождением и рабочим прошлым, а также понимание ими зависимости своего авторитета от поддержки рабочих, а не Асторов и других представителей высших классов.

Предметом сравнительного исследования С. Бергера является, прежде всего, структура и функции самой Лейбористской партии, а не массовое рабочее движение. Сравнительный метод при анализе Лейбористской партии и английского рабочего движения использован в статье В. Силвермэна⁶, рассматривающего их как часть мировой социал-демократии и мирового рабочего движения. Автор подчеркивает интернационализм английских рабочих, отмечая, что в этом отношении они выгодно отличались от американского рабочего движения. К сожалению, он не останавливается на выяснении социально-экономических и политических причин этого различия.

В. Силвермэн подчеркивает народную и одновременно классовую основу этого интернационализма английских рабочих, в основе которого лежало отношение к СССР как к государству рабочих. Он говорит, что даже советско-нацистский пакт, хотя и поколебал, не изменил этого отношения. В то же время В. Силвермэн отмечает, что английские рабочие, отравленные имперскими предрассудками, в целом негативно относились к «третьему» миру и его представителям.

Тема интернациональных связей рассматривается и в статье С. Уайта⁷. Он исследует взаимоотношения английского рабочего движения с Советской Россией в 20-е годы. Основным сюжетом является рассмотрение обстоятельств, впечатлений и результатов поездки первой лейбористско-профсоюзной делегации в Советскую Россию. Он отмечает, что советская пресса сформировала большой интерес в обществе к этой встрече, но лишь с точки зрения демонстрации опыта советского строительства, а не с точки зрения возможности изучения английского опыта. Он показывает, что английская делегация негативно восприняла и советский опыт, и советских лидеров. Автор говорит, что даже радикально и сочувственно настроенные к Советской России люди типа Р. Уильямса и Б. Рассела приехали в Англию совершенно разочарованные и перешли на сторону социал-реформизма. К сожалению, автор не приводит суждения других членов делегации, например, видного лево-лейбористского деятеля А. Пэрселла, впечатления которого были вовсе не идентичны названным. Оценки же Э. Сноуден подверглись критике со стороны левых в профсоюзах и Лейбористской партии. Автор также не принимает во внимание, что и английские делегаты смотрели на советскую действительность исключительно сквозь призму своего демократического опыта.

Отмечая в целом широту спектра проблематики мнений в исследовании английского рабочего движения межвоенного периода, следует констатировать не упадок, а усиление интереса английских историков к этому предмету и расширение источниковой базы и методики самих исследований. И это, видимо, отражает определенную тенденцию в обществе: не сбрасывание

со счетов рабочего класса и рабочего движения, а возрастание интереса к нему и к его истории, отношение к нему как к важному фактору общественного развития не только в прошлом, но и в новых условиях.

Примечания:

¹ *Wrigley Ch.* Lloyd George and the Challenge of Labour. The Post-War Coalition. 1918–1922. N. Y., 1990; *Wrigley Ch.* The State and the Challenge of Labour on Britain 1917–1920 // Challenges of Labour. Central and Western Europe 1917–1920 / ed. by Ch. Wrigley. L., 1993. P. 262–288; *Foster J.* Working-Class Mobilization the Clyde. 1917–1920 // Ibid. P. 149–175; *Turner D.* Political Change

and the Labour Party. 1900–1918. Cambridge Univ. Press, N.Y., 1990; *Cronin J. E.* Labour and Society in Britain. 1918–1979. N.Y., 1993; *Berger St.* The British Labour Party and the German Social Democrats. 1900–1931. A Comparative Study. Oxford, 1994.

² Challenges of Labour / ed. by Ch. Wrigley. L., 1993. P. 292.

³ Ibid. P. 295.

⁴ Foster J. Op.cit. P. 151–152.

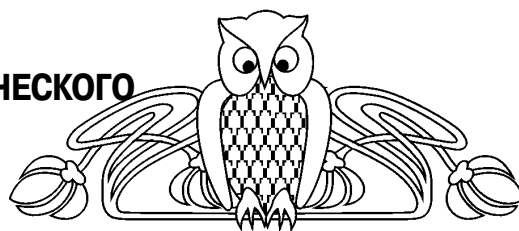
⁵ *Cronin J.* Op. cit. P. 36–39.

⁶ *Silverman V.* Popular Bases of the International Labour Movement in the United States and Britain 1993–1944 // International Review of Social History. 1993. Vol. 38. P. 3.

⁷ *White St.* British Labour in Soviet Russia. 1920 // The English Historical Review. 1994. Vol. CIX, № 432. June. P. 621–640.

УДК 94 (510).093

РЕФОРМИРОВАНИЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Е. С. Красанцов

Саратовский государственный университет
E-mail: krasantcov.evgeny@gmail.com

Key words: People's Republic of China, reforms of the 1970–80s, modernization, fuel-and- energy complex, coal and oil industries.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-80-84

В данной статье исследуются события времен модернизации КНР 70–80-х гг. XX века, ведущей силой которой становится энергетический комплекс Китая. Для лучшего понимания происходивших перемен проводится сравнительный анализ политической системы Мао Цзэдуна и системы Дэн Сяопина, где ключевым отличием становится наметившийся процесс правительственной децентрализации в сфере энергетики. Основное внимание в ходе исследования уделяется реформированию угольной и нефтяной промышленности. Подводится итог проведенных реформ с обозначением наметившихся к тому моменту проблем энергетического сектора КНР.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, реформы 70–80-х гг. XX века, модернизация, топливно-энергетический комплекс, угольная и нефтяная промышленность.

The Reforming of the Fuel-and-energy Complex as the Key Factor of the Chinese Modernization in the Second Half of the 20th Century

E. S. Krasantcov

This paper explores the events of the PRC's modernization of the 1970–80s, the driving force of which was the Chinese energy sector. For better understanding of the unfolding changes the research provides a comparative analysis of the Mao Zedong and Deng Xiaoping political systems with its key difference lying in the established process of governmental decentralization in the energy sector. The study focuses on the reform of the coal and oil industries. The conclusion summarizes the results of the reforms and states the energy sector's issues which China was about to face.

Исторически Китай развивался как аграрное государство с относительно невысокими показателями энергопотребления. Однако уже с середины XX века картина серьезно меняется. Индустриальный фактор с прицелом на тяжелую промышленность начинает играть все более значимую роль. Такой резкий разворот профильного развития был достаточно непросто для Китая. Были поставлены амбициозные цели – догнать и обогнать запад по уровню его развития. В итоге 1960–1970 годы стали известны по названиям основных событий в КНР, а именно «Большой скачок» и «Культурная революция». Заданный правительством Мао Цзэдуна курс должен был вывести Китай в мировые лидеры, что предполагало преобразования во всех отраслях КНР, которые в особой степени затронули бы энергетический комплекс.

Избранный курс проходил под жестким контролем государства. С этой целью была выстроена строго систематизированная иерархия государственных структур, которая в своем первоначальном виде действовала до конца 1970-х годов. Управление топливно-энергетического комплекса осуществлялось за счет трех министерств, представлявших основные сферы энергетической промышленности: угольной, нефтяной и химической. Все министерства были напрямую подотчетны Государственному совету Китая. С течением времени бюрократический аппарат ширился, а

управление энергетическим комплексом все больше выполнялось в рамках Госплана¹.

Развитие трех энергетических сфер проходило по схожему принципу в рамках всей страны. Показательным в данном случае примером является угольная индустрия, которая, как в случае и с другими секторами энергетики, управлялась государством. Предложенная система взаимодействия подразумевала искусственно заниженные государством цены на продаваемый тому же государству уголь. Угольная промышленность в итоге вынуждена была работать себе в убыток и существовала только за счет правительственных субсидий². Из-за отсутствия какой-либо конкурентности и, в конечном счете, бесперспективности выбранного пути экономического развития под предводительством государства энергетический комплекс КНР не мог работать вечно по такой схеме.

Круг замкнулся с уходом из жизни Мао Цзэдуна в 1976 году. Вместе с тем, гонения на противников политики Мао начинают ослабевать, и в 1977 году на китайскую политическую авансцену выходит новый лидер Дэн Сяопин. После долгих лет гонений в том же году Дэн Сяопин восстановил свои государственные посты и вновь занял кресло вице-председателя центрального комитета и председателя центральной военной комиссии. Несмотря на то что Дэн Сяопин никогда не занимал высшего политического поста в КНР, его влияние на происходившие внутри страны процессы было неоспоримым. Все историки и политики мира сходятся во мнении, что Дэн Сяопин был ключевой фигурой Китая того времени, о чем говорят крупнейшие реформы за всю историю КНР, происходившие под его началом.

После затянувшейся изолированности от мирового сообщества для Китая наступает новая эра открытости перед внешним миром, что обуславливало разворот на 180 градусов всей политики КНР. «Сегодняшний мир – это открытый мир... Резюмируя набранный исторический опыт, Китай прошел через продолжительный период стагнации и отсталости, и главная проблема тому – автаркия (закрытая экономика). Опыт показывает, что строительство за закрытыми дверями не может быть успешным. Развитие Китая неразрывно связано с развитием мира»³. Так новоизбранный лидер объяснял необходимость перемен.

Таким образом, меньше чем за три года после ухода Мао в Китай возвращается лидер капиталистической формы экономического развития – американская компания Кока Кола, и организуется встреча Дэн Сяопина с президентом США Картером в 1979 году⁴, что для всего мира становится открытым сигналом обозначившихся и назревавших перемен в Поднебесной.

Однако ввиду скоротечности событий наследие Мао в лице так называемой «банды четырех» под предводительством Цзян Цин – последней жены бывшего вождя – было еще очень сильно, что представляло ошутимую угрозу наметив-

шимся реформам. Тем не менее без самого Мао шансы противников на успех были крайне незначительными. Дэн Сяопин с помощью хитрых политических маневров обзавелся сильной поддержкой влиятельных звеньев коммунистической партии, после чего предпринял самые жесткие меры по нейтрализации антагонистов реформирования Китая.

Избавившись от противников реформ, Дэн Сяопин приступил к реализации задуманных планов. Первым шагом в 1978 году стало признание ошибок предшественника. Не умаляя заслуг Мао, на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва новое правительство пришло к выводу о необходимости исправления совершенных ошибок и изменения курса дальнейшего развития⁵. Принципиальным стал отказ от нетерпимости всего западного и капиталистического, ввиду чего реформы проходили под известным лозунгом Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка – черного или белого. Хороша та кошка, которая умеет ловить мышей»⁶. В то же время основой всех преобразований того времени стала политика четырех модернизаций Дэн Сяопина: агрикультурная, индустриальная, научно-технологическая и оборонная⁷.

В итоге за короткий срок с момента смены власти к 1978 году КНР уже вырвалась в мировые лидеры по производству тканей, заняла второе место по культивированию чая и зерновых, а также третье место по производству мяса, хлопка, бобовых, химических удобрений и угля⁸. Однако официальные власти не планировали останавливаться на достигнутом. На третьем пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 года было принято решение об углублении экономической реформы в городах. В дополнение к этому впервые в истории коммунистического развития Китая была предложена концепция плановой рыночной экономики⁹.

Таким образом, был запущен механизм либерализации предприятий, которым начали предоставлять определенную свободу действий в их управлении. Основной задачей стал постепенный переход таких предприятий на самофинансирование, для чего необходимо было открыть им выход на рынок, обеспечив, тем самым, прибыльность. Крупнейшим успехом в переходе на рельсы рыночной экономики стало открытие четырех свободных экономических зон в городах Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь, Шаньтоу.

В 1992 году Дэн Сяопин огласил планы очередной пятилетки, где призвал правительство еще больше ускорить наметившийся экономический рост. Все политические и научные круги в унисон оправдывали такие действия, объясняя их жизненной необходимостью укрепления статуса КНР в мире и повышения уровня жизни китайских граждан, доказывая им эффективность действий партии с целью ее реабилитации за ошибки прошлых лет. В результате призывы были услышаны, и в 1993 году вместо прогнозируемых регулярных

10 % прирост ВВП составил уже 13 %. Реформы такого масштаба разогнали экономическое развитие Китая до предела, что российский исследователь института Дальнего Востока РАН Л. Гирич обозначил термином «перегрев экономики»¹⁰.

В то же время топливно-энергетический комплекс КНР был основой всего экономического развития Китая, посему «перегрев» экономики невольно сопровождался и «перегревом» энергетики. Усилившаяся индустриализация потребовала создания новых промышленных центров в стране, которые чаще всего образовывались вблизи больших месторождений природных ресурсов. Недостаток рабочей силы в таких центрах, в свою очередь, дал толчок масштабной урбанизации в Китае.

В данных условиях особенно заметным было переселение в новообразованные свободные экономические зоны вдоль прибрежных территорий. Наиболее выдающимся примером того стал город Шэньчжэнь, который за 30 с небольшим лет из небольшой рыбацкой деревушки с несколькими десятками улочек превратился во всемирно известный индустриальный центр Китая. Для понимания масштабов перемен можно привести историческую статистику. В 1980 году население деревни чуть превышало 30 тысяч человек. К 2008 году население выросло более чем в 300 раз, превратив этот крохотный населенный пункт в город мультимиллионник с более чем 10-миллионным населением¹¹.

Таким образом, продолжавшаяся индустриализация страны, рост городского населения и его благосостояния спровоцировали резкий скачок потребления энергии. Периодическая нехватка электроэнергии 70-х годов только усугубилась в начале 80-х, что в глазах правительства представлялось серьезной угрозой на пути стабильного экономического развития. В связи с этим главной проблемой на пути скорейшей индустриализации страны стало развитие ТЭК Китая¹². Стране требовался дополнительный приток энергоресурсов, что подразумевало расширение их добычи. Однако события «Большого скачка» и «Культурной революции» серьезно снизили число высокопрофессионального технического персонала в стране, что в результате вылилось в недостаток технологий и опыта для освоения новых месторождений.

Для исправления ситуации одной из основных задач 6-й пятилетки (1981–1985) было поставлено развитие энергетического сектора, где приоритет отдавался угольной промышленности с расширением числа угольных месторождений¹³. Тем не менее это расширение не означало серьезных перемен, так как ценообразование на уголь все еще оставалось обязанностью государства. Известный китайский ученый Джанг Мингли провел исследование в области угольного ценообразования и выявил, что с момента создания КНР и до 1985 года было лишь четыре случая общенационального повышения цен на уголь, добывавшегося в государственных шахтах. Такие

случаи наблюдались в 1958, 1965, 1979 и 1985 годах. В каждый обозначенный год повышение цены угля не превышало 2–3 юаней за тонну сырья, что, в конечном счете, не могло компенсировать растущих затрат производства¹⁴.

Проблема несправедливого ценообразования была рассмотрена только в следующем, седьмом, пятилетнем плане (1986–1990). В ходе реализации плана центральное правительство провело частичную ценовую реформу, заявив о том, что избыточная часть добытого сырья, превышающая установленную государственную квоту, может продаваться по более высокой цене. В то же время основная часть добытого угля, так же как и прежде, жестко регулировалась с целью замедлить рост цен на электричество и общую инфляцию¹⁵.

Несмотря на благородную мотивацию правительства, такой подход экономической «полупривязи», когда власти уменьшают субсидии, но не дают возможности полноценно выйти на рынок, поставил угольную промышленность в крайне тяжелое положение. На 14-м созыве ЦК КПК в 1992 году в связи с этим было принято окончательное решение создать «социальную рыночную экономику»¹⁶. Таким образом, произошла либерализация цен на основных государственных угольных шахтах, которая относилась ко всему добываемому углю, кроме той части, которая выделялась на нужды сельского хозяйства и на производство электроэнергии. В этой части цена на уголь оставалась на низком уровне¹⁷.

В то же время угольная индустрия была не единственной сферой ТЭК, которая претерпевала серьезные изменения. Нефтяная промышленность также проходила через ряд исторически значимых преобразований. Именно при Дэн Сяопине были образованы три важнейшие государственные нефтяные компании, которые и по сей день определяют направление развития всей индустрии. Так, в 1982 году была создана Китайская национальная морская нефтяная компания (CNOOC). В 1983 году была учреждена Китайская нефтехимическая корпорация (Sinopet). Завершающим звеном стала Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC), преобразованная в 1988 году из министерства нефтяной промышленности с целью проведения разведочных работ и нефтегазовой добычи на материке¹⁸.

Определяющей компонентой шестого и седьмого пятилетних планов (1981–1990) стало расширение добычи нефти и угля для внутреннего потребления и экспорта в соседние страны. В связи с этим 80-е гг. XX века обозначились бурным ростом нефтяной индустрии КНР. Наладив внутренний спрос, Китай начал активно экспортировать энергоресурсы, обеспечив себя столь необходимым для проведения реформ притоком валютных средств¹⁹. В таких условиях для того чтобы избежать губительной, как казалось властям, конкуренции, между государственными компаниями их ответственность была поделена

на основе географического принципа. CNPC были переданы добыча и разведка в основном только на севере и западе страны, а Sinopec на юге и востоке. CNOOC же взяла на себя морские просторы²⁰.

Однако достижению поставленных в двух пятилетних планах целей мог помешать внутренний дефицит технологий и квалифицированного персонала²¹. В связи с этим было принято решение о масштабном привлечении зарубежных компаний. В 1982 году правительство решает официально открыть доступ внешним партнерам к месторождениям Южно-Китайского моря²². Появлялись также совместные предприятия на стадии разведки. CNOOC, к примеру, учредила несколько региональных компаний и более десяти совместных обслуживающих предприятий для оказания поддержки иностранцам, заинтересованным в сфере добычи нефти в Китае²³.

Так, согласно ежегоднику КНР за 1988–1989, за период 80-х годов CNOOC успела подписать 54 контракта и несколько соглашений с зарубежными компаниями о разработке морских месторождений²⁴. Для еще большего расширения сотрудничества правительство КНР выдало разрешение определенным зарубежным компаниям на разведку нефти в десяти юго-восточных провинциях: Аньхой, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Хунань, Цзянсу, Цзянси, Юньнань и Чжэцзян²⁵.

В итоге, набрав необходимый внутренний потенциал, Дэн Сяопин смог на какое-то время обеспечить независимое развитие ТЭК в Китае, которое сводилось к идеологическим принципам политики «самообеспечения» и «самодостаточности». В то же время достичь энергетической независимости Китай смог только благодаря реформе, открытости внешнему миру и ее последовавшим инвестициям извне. Как раз ради этой цели в конце 70-х годов и было объявлено о реализации политики «Инь Цзинь Лай» (引进来)²⁶ – политика привлечения инвестиций извне. Одним из важнейших пунктов объявленного курса являлось привлечение масштабных внешних инвестиций во все сферы жизнедеятельности КНР, включая энергетический сектор²⁷. На конец 80-х годов пришелся пик зарубежных вложений в китайские частные и государственные предприятия, большая часть которых была сосредоточена в промышленном и добывающем секторах²⁸.

Однако и в отношении привлечения инвестиций в ТЭК китайские власти проводили очень аккуратную политику. Топливо-энергетический комплекс представлял для Китая крайне чувствительную сферу, поэтому изменения сюда приходили с умеренной скоростью. Несмотря на то что с каждым годом зарубежные инвестиции все больше находили дорогу в различные отрасли КНР, включая производство электроэнергии²⁹, существовали и закрытые для внешних вливаний зоны. Список запрещенных сфер и по сей день существует в Китае, где даже в большинстве разрешенных категорий иностранным компаниям позволено работать

только в сотрудничестве с китайскими партнерами, что подразумевает обязательность совместных вложений в те или иные проекты³⁰. Это говорит о стратегическом значении, которое власти придают ТЭК в деле всеобщего развития Китая, и в особенности ее экономики.

Подводя итог, необходимо обозначить главные исторические вехи развития топливно-энергетического комплекса КНР к началу 90-х годов XX века. Открывшись международному сообществу, за полтора десятилетия правления Дэн Сяопина Поднебесная совершила огромный скачок в области реформирования своего энергетического комплекса. За короткий временной промежуток китайский ТЭК прошел путь от тотального государственного контроля правительства Мао до либерализации большей части энергетического комплекса Дэн Сяопина. К началу 90-х годов роль государства ограничилась функцией «надсмотрщика» происходящих процессов, которая лишь задавала общее направление развития, не следя за деталями его исполнения. Главной целью наметившихся перемен стало форсирование экономического развития, где энергетический сектор стал самым сердцем происходящих реформ.

Важно отметить, что топливно-энергетический комплекс эпохи Дэн Сяопина еще не отличался большой вариативностью энергетических источников и зависел главным образом от угля и нефти. Небольшие попытки диверсифицировать энергетический баланс того времени касались в основном только углеродных источников, захватывая также гидроэнергетику и локальное использование биомассы в некоторых сельскохозяйственных областях³¹.

Политика концентрации ТЭК на узком ряде углеродных источников энергии обуславливала неминуемое столкновение с проблемами современной эпохи. Сюда можно отнести стабильность энергетического развития, защиту экологии, повышение энергоэффективности, реформирование государственных структур, развитие энергетической инфраструктуры, диверсификацию энергетического баланса. Однако главный вопрос энергетической повестки КНР в современной эпохе остается прежним – сможет ли развитие ТЭК поспевать за развитием экономическим, которое до сегодняшнего дня остается ключевым фактором стабильности Китая?

Примечания

- 1 См.: Чуфрин Г. И. Китай в XXI веке : глобализация интересов безопасности. М. : Наука, 2007. С. 11.
- 2 См.: Rangaswamy Vedavalli. Energy for Development. Twenty-First Century Challenges of Reform and Liberalization in Developing Countries // Anthem Press. 2007. P. 48.
- 3 См.:胡锦涛: 在邓小平同志诞辰100周年纪念大会上的讲话中央政府门户网站, 2009年11月16日. (Ху Цзиньтао : речь на Генеральной Ассамблее по случаю 100-лет-

- него юбилея со дня рождения товарища Дэн Сяопина. Интернет-портал Центрального правительства Китая, 16 нояб., 2009.) URL : http://www.gov.cn/test/2009-11/16/content_1465442_3.htm (дата обращения: 28.07.2013).
- 4 См.: Economic Impact of the Coca-Cola System on China // Peking University, Tsinghua University, University of South Carolina. August, 2000. P. 13–14. URL: <http://mooreschool.sc.edu/UserFiles/moore/Documents/Presentations%20&%20Studies/2000%20Coca%20Cola%20-%20China.pdf> (дата обращения: 27.02.2014).
- 5 См.: 1978年12月18日中共十一届三中全会召开. 人民日报. (18 декабря 1978 года третий пленум 11-го созыва ЦК КПК // Жэньминь Жибао. URL: <http://www.people.com.cn/GB/historic/1218/4327.html> (дата обращения: 07.06.2013).
- 6 См.: 邓小平同志“黑猫白猫论”背后的故事. 中国共产党新闻. (Скрытая история о «теории черной и белой кошек» товарища Дэн Сяопина // Новости коммунистической партии Китая.) URL: <http://src.people.com.cn/GB/85037/8530953.html> (дата обращения: 07.03.2014).
- 7 См.: Тридцать лет спустя. Дэн Сяопин: четыре модернизации, основная – модернизация науки и техники // Гуо Можуо : научная весна : сб. Научные времена. 18 марта. 2008.)
- 8 См.: Муромцева З. Реформа в промышленности КНР: трудный путь // Журн. Обозреватель. 1996. № 8. С. 11.
- 9 См.: Гельбрас В. Г. Цена экономических успехов Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 26.
- 10 См.: Гирич Л. Китай : темпы роста и перегрев экономики // Журн. Обозреватель. 1993. № 4. С. 8.
- 11 См.: 辉煌30年: 改革开放成就令世人瞩目的“深圳速度”. 中央政府门户网站, 2008年11月25日. (Блестящие 30 лет : достижения реформы открыли удивили весь мир своей «Шэньчжэньской скоростью» // Интернет-портал Центрального правительства Китая. 25 ноября. 2008.) URL : http://www.gov.cn/jrzg/2008-11/25/content_1159347.htm (дата обращения: 24.06.2013).
- 12 См.: Kent Morrison. Domestic Politics and Industrialization in China : The Foreign Trade Factor // University of California Press. Jstor. July. 1978. P. 694.
- 13 См.: 关于第六个五年计划的报告. 中央政府门户网站, 2008年03月11日. (Отчет о шестой пятилетке // Интернет-портал Центрального правительства Китая, 11 марта, 2008.) URL: http://www.gov.cn/jrzg/2008-11/25/content_1159347.htm (дата обращения : 28.06.2013).
- 14 См.: 张明理, 当代中国的煤炭工业. 中国社会科学出版社, 1989. (Джанг Мингли. Угольная индустрия в современном Китае. Изд-во социальных наук Китая, 1989.)
- 15 См.: Peng Wujuan. The Evolution of China's Coal Institutions. Program on Energy and Sustainable Development // Stanford. Working papers series. № 86. August. 2009. P. 9.
- 16 См.: Wu Jinglian. Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform // Thomson Texere. 2005.
- 17 Peng Wujuan. The Evolution of China's Coal Institutions // Program on Energy and Sustainable Development. P. 21.
- 18 См.: Чуфрин Г. И. Указ. соч. С. 114.
- 19 См.: Joyce Roque. China Sector Watch: Energy // China Briefing. March 2. 2009. URL : <http://www.china-briefing.com/news/2009/03/02/china-sector-watch-energy.html> (дата обращения : 05.03.2014).
- 20 См.: Лю Цзиньчжу, Стратегия энергетической безопасности Китая в первой половине 21-го века : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 37–42.
- 21 См.: Loretta D. Rich. American Oil Interests in China // Loyola Marymount University and Loyola Law School. Loyola of Los Angeles Intern. and Comparative Law Review. January 1. 1983. Vol. 6:119. P. 125–126.
- 22 См.: Vaclav Smil. Energy in China's Modernization : Advances and Limitations // M. E. Sharpe. 1988. P. 125.
- 23 См.: Tai Hwan Lee. Politics of Energy Policy in Post-Mao China. Asiatic Research Center, Korea University, 1995. P. 124.
- 24 См.: People's Republic of China Year Book 1988/89. Beijing. Xinhua Publishing House, 1989. P. 291.
- 25 См.: Shirley Zhao. Energy Policy and the Balance between Public and Private Sectors in China and France, 1973–2011. University of California, San Diego, 2013. April. P. 41.
- 26 См.: 1978年, 中国共产党召开了具有重大历史意义的十一届三中全会, 开启了改革开放历史新时期. 华南师范大学增城学院公共课教学部. (1978 год – Китайское коммунистическое правительство открывает третье пленарное заседание исторической важности, а вместе с ним и новую страницу в истории реформ. Южно-Китайский педагогический университет. Колледж Ценг Чхенг. Департамент общественного образования.) URL: <http://ggkjpkc.scnuzc.cn/ask/show.php?id=619> (дата обращения : 06.06.2013).
- 27 См.: 1978–1984年中国经济体制改革思路的演进. 明鏡歷史網. (Эволюция идей китайской экономической реформы 1978–1984 гг. // Историческая сеть Шпигель.) URL: http://www.mingjinglishi.com/2013/07/19781984_24.html (дата обращения: 24.08.2013).
- 28 См.: Голубчиков С. Ю. Перспективы поставок российских энергоносителей в Китай // Энергия : экономика, техника, экология. 2004. № 9. С. 38.
- 29 См.: Daniel H. Rosen, Trevor Houser. China Energy. A Guide for the Perplexed // China Balance Sheet. A Joint Project by the Center for Strategic and International Studies and the Peterson Institute for Intern. Economics. May. 2007. P. 24.
- 30 См.: 外商投资产业指导目录 (2011年修订) 威海市商务局 (Каталог индустриального путеводителя для иностранных инвестиций (поправки 2011 года). Муниципальное бюро торговли города Вэйхай. URL: <http://www.whftcc.gov.cn/tj/%CD%E2%D7%CA%B2%FA%D2%B5%D6%B8%B5%BC%C4%BF%C2%BC2012.pdf> (дата обращения: 07.06.2013).
- 31 См.: Shirley Zhao Energy Policy and the Balance between Public and Private Sectors in China and France, 1973–2011. University of California, San Diego. April. 2013. P. 28.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94.47

КРЕСТЬЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917)

М. В. Оськин

Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула
E-mail: maxozv@yandex.ru

Статья посвящена проблеме взаимодействия крестьянства Центральной России и государственной власти в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Военный период стал благоприятным временем для российской деревни в борьбе за земельный фонд страны. Война, принеся с собой неизбежные тяготы и затруднения, тем не менее, не нанесла сельскому хозяйству России сильного ущерба. Используя разнообразные способы давления на власть, к февралю 1917 г. крестьянство было готово к реализации своих надежд в жизнь, прежде всего в форме «черного передела».

Ключевые слова: крестьянство, деревня, борьба за землю, «черный передел».

The Peasantry of Central Russia during the First World War (1914 – the February of 1917)

M. V. Os'kin

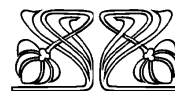
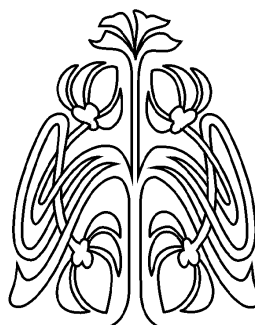
The article is devoted to the interaction of the peasantry of Central Russia and the government during the First World War (1914–1918). The military period was favorable for the Russian village in its struggle for the country's land fund. The war, bringing forth inevitable hardships and difficulties, did not, however, damage the Russian agriculture severely. Using different ways of putting pressure on the government, by the February of 1917 the peasantry was ready for the implementation of their hopes, especially in the form of the «black partition».

Key words: peasants, village, struggle for land, «black partition».

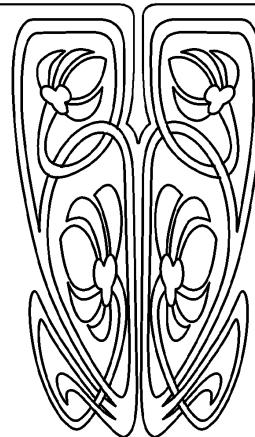
DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-85-90

Вступление Российской империи в Первую мировую войну вызвало внутри страны взрыв патриотизма. Мобилизации 1914 г. – первой половины 1915 г. проходили спокойно. Основными стабилизирующими факторами сельского социума были «хорошие урожаи 1914 и 1915 гг., выдача солдаткам казенного пайка, организация общественной помощи семьям, потерявшим кормильцев, рост цен на сельскохозяйственную продукцию»¹.

Деревня реагировала на войну в целом соответственно итогам разворачивавшихся боев и их последствиям, так как это оценивалось прессой и известиями с фронта от родных. Так, в период галицийских побед 1914 г. министерство внутренних дел получало оптимистичные отчеты о том, что «успехи русских войск вызывают среди всего населения энтузиазм». Это явление стало особенно неподдельным после взятия русскими войсками Львова, что было широко разрекламировано в прессе. Население внутри империи и, в частности, в российской деревне напряженно следило за ходом военных событий, надеясь на скорую и победоносную развязку². Тем не менее с объявлением военных действий крестьянство России получает мощный катализатор в виде претензий деревни на весь земельный фонд страны. Губернии земледельческих регионов активно включились в борьбу за землю, протекавшую поэтапным воздействием от соответствующей психологической обработки умов до открытого захвата земли в 1917 г. Не-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сомненна прообщинная направленность данного процесса при антисобственнической, осторожной позиции «давления» крестьянства на верховную власть с целью разрешения аграрного вопроса в свою пользу и на своих собственных условиях по окончании войны.

Разнообразие приемов этой борьбы, которая пока еще не могла стать открытой, и степень обоснования претензий на землю, невзирая на явные промежуточные успехи столыпинской аграрной реформы, свидетельствуют по-прежнему о преобладающем в деревне приоритете идеи так называемого «черного передела», то есть слияния всего земельного фонда в один-единственный массив, подлежащий равному и справедливому переделу между тружениками на земле. Распространение слухов об уничтожении по распоряжению лично императора дворянского землевладения началось сразу же после открытия военных действий, массовых мобилизаций и широкомасштабных боев на западных границах Российской империи. Крестьянство практически сразу осознало весь размер и размах начавшейся войны; основание на земельные претензии было заложено лейтмотивом защиты Отечества всеми крестьянами страны.

Крестьянство, несомненно, было готово на немалые жертвы ради победы. Например, в 1914 г. многие сельские общества Воронежской губернии изъявили желание отдать фронту хлеб из хлебозапасных магазинов со значительной скидкой или даже бесплатно³. При этом готовность к самопожертвованию сохранялась довольно долго. Так, в 1916 г. крестьяне Курского уезда пожертвовали 16 тыс. рублей – «посильную лепту крестьян на нужды войны», как было сказано в адресе на имя императора⁴. Однако будучи не прочь помочь армии, крестьяне явно не желали давать хлеб городу или соседним губерниям. Очевидно, такой настрой мотивировался тем, что в армии служили сыновья хлебопроизводителей, а кроме того, войска «защищали Отечество», подчиняясь воле царя. Поэтому в конце 1916 г. с обострением продовольственного кризиса местные власти производящих регионов иногда просили разрешения подвозить хлеб в такие пункты сосредоточения, откуда было возможно вывезти продовольствие незаметно для населения⁵.

За годы войны деревня сконцентрировала в своем общественном сознании «законность» захвата и передела, их моральное оправдание в глазах всего социума. Известные максимы «векового права» крестьянства на всю землю типа «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий», «Земля сотворена для всех, на ней живущих» и др.⁶ были дополнены мотивом «жертвенности» деревни в мировой войне и необходимости передачи ей за это всей земли «в награду». Крестьянство, требуя земельного надела за свою кровь, тем не менее, имело довольно неясное представление о том, откуда взять эту самую «наградную» землю. И если деревня в принципе

знала лишь один «резервуар» – частновладельческая земля, то армия привнесла еще и надежды на прирезки из земель немецких колонистов в России, галицийских территорий, иного завоеванного пространства⁷. По стране циркулировала информация о передаче «немецкой земли» (не только иностранцев граждан, но в том числе и русских подданных немецкого происхождения) именно крестьянству⁸. Например, в Воронежской губернии проживало немало немецких колонистов, и губернские власти в 1915 г. постоянно получали сообщения из различных волостей о «подозрительных аэропланах» над поселениями колонистов. А в одном из сел после того как немец-колонист за пропаганду успехов германского оружия был арестован на две недели, а русский крестьянин, возглавивший выступление против землеустроительных работ, – на три, начались волнения, перед которыми власть была вынуждена пойти на уступки. В итоге, воронежский губернатор доносил в МВД, что «с каждым днем неприязнь к немцам обостряется»⁹. Исходя из этого, настоятельное требование о прекращении на местах противозаконной агитации об отобрании земель удельного ведомства, монастырей, церкви, помещиков, «немцев», МВД, было предъявлено к губернаторам уже в декабре 1914 г. При этом текущие события военного времени рассматривались как последний, завершающий вклад крестьян в «справедливость» удовлетворения вековой надежды – обретения всего земельного фонда тружениками на земле.

Община отказывала помещикам в историческом праве на землю. Поэтому, обосновав «законность» своих прав во времени, было необходимо переместить владельческую собственность и в пространстве. Слухи в деревне первоначально нацеливались на некое более или менее благоприятное для всех решение: царь наделит крестьян помещичьей землей, а помещики получат землю в Сибири. Правовая «незаконность» владения земель помещиками подлежала усугублению в умах широких народных масс, дабы убедить власть наградить крестьян. Поэтому по уездам великорусских губерний распространялись слухи о помощи местных землевладельцев противнику. Эта «помощь врагам» со стороны помещиков, по мнению крестьян, могла выражаться в денежном эквиваленте продовольствия, пересылаемого врагу; льготной передаче хлеба и других продуктов; отсутствии должной помощи своей, русской, армии в поставках лошадей, продовольствия и т. п.; передаче противнику каких-либо, но непременно секретных планов¹⁰. Такой подход означал претензию на землю «предателей» со стороны крестьянства.

Молва, как правило, зачисляла в «предатели» всех более-менее крупных местных землевладельцев. Например, князь А. Голицын – помещик Ефремовского уезда Тульской губернии – сообщил своему брату в Петроград уже 8 декабря 1914 г.: «По всему нашему уезду распространяются самые нелепые слухи относительно всех средних и

крупных землевладельцев, без различия сословий, будто они, симпатизируя немцам, продали им свой хлеб и иные припасы, с тою надеждою, что, когда немцы нас заберут, можно будет восстановить крепостное право. Причем говорят, что многих уже арестовали и повесили за это»¹¹.

Сообщение из Тамбовской губернии в январе 1915 г. указывало: «...Между крестьянами Липецкого уезда также распространяются нелепые слухи о том, что будто бы местные землевладельцы Кожины, Трубецкие, Толстые и др. собирают между собой деньги и отсылают их в Германию для завоевания России. Что в случае победы над Россией император Вильгельм отдаст всех крестьян в крепостное право дворянам, оказывавшим ему помощь в завоевании. Если же победит Россия – земля от дворян-помещиков будет отобрана и отдана в надел крестьянам, так как они, главным образом, являются защитниками Родины и победителями врага... в Лебедянском уезде еще с начала войны циркулировали различные слухи о помещичьей земле и войне... отъезд [местного помещика] Кирюшина в Москву объяснен был арестом и высылкой его... в Сибирь». В ежемесячной отчетной справке тамбовского губернатора в МВД о настроениях местного населения от 12 февраля говорилось: «В некоторых уездах распространялись слухи о предстоящем будто бы после войны, по повелению Государя Императора, наделе всех крестьян землей, отобранной у отрубщиков и помещиков, кои собирают якобы между собою деньги для посылки в Германию... крестьяне начинают тяготиться продолжительностью войны и выражают сомнение в благоприятном ее исходе, а также опасение, что некому будет производить полевые работы, и недовольство массовым освобождением военнообязанных рабочих и чинов земской полиции от военной службы»¹².

В донесениях местных властей постоянно упоминалось о том, что отпускные солдаты часто затрагивали земельную проблему – «мы теперь знаем, как взять землю». Крестьяне в шинелях, почувствовав силу и ощутив чувство товарищества в масштабах всей страны, были готовы к насильственному захвату земли в случае неполучения таковой из рук государства при благоприятной ситуации. В этом случае физическое «отсутствие» помещиков и (или) принятие ими стороны неприятеля означало бы, что помещичья земля становится «свободной», то есть подлежащей передаче крестьянству. На фоне пропагандируемого «предательства» и «неумения», слабости верховной власти вообще и гигантского количества слухов негативного характера традиционные формы крестьянского движения со второй половины 1915 г. постепенно, медленно, но верно стали принимать антивоенную направленность.

Таким образом, крестьянство стремилось как к физическому, так и к моральному оправданию своих претензий на частновладельческую землю после войны. Несмотря на кажущийся элемент

легитимности в слухах («отобрать землю у тех, кто не защищает Родину» и (или) «помогает противнику») крестьянским правосознанием закладывался еще один страховочный квазиюридический казус. Признавая в первую очередь устную традицию, а не письменное уведомление, традиционное правосознание стремилось закрепить в общественной психологии неправомерность владения землей со стороны собственников. Тогда, даже после нежелания властей пойти навстречу по окончании войны, можно будет сделать упор на сентенции «Всем известно!», чтобы попытаться настоять на передаче всего земельного фонда общине. Крестьяне утверждали, что помещики с опорой на немецкие штыки желают восстановить крепостное право в России. Антитезой тут же звучало умозаключение, что в случае победы России вся земля дворян перейдет крестьянам.

С начала войны несколько изменились условия аренды в сторону увеличения арендных цен и требования предварительной уплаты арендных сумм. Но и без этого дворяне заметили явное нежелание общинников к арендованию уже в 1914г.: арендовать землю крестьяне не собирались, так как считали ее и без того своей. Источники отмечают такое настроение, как убежденность в том, что «по окончании войны Государь и так отдаст ее крестьянам»¹³. Отказ крестьян от работы на частновладельческой земле подразумевал не только надежду на переход земли в руки села, но и возможность вынужденной распродажи помещиками своих земель крестьянству. Был выдвинут такой любопытный ход, как разговоры о том, что призванные в вооруженные силы землевладельцы несут службу в гораздо менее тяжелых условиях (гвардия, кавалерия), чем крестьяне (пехота). В деревне утверждалось даже, что члены семей, призванных на фронт, могут бесплатно пользоваться помещичьей собственностью. Периодические перебои с продовольственным снабжением также были использованы как лазейка для новых поповлений против помещиков. Крестьяне заявляли, что члены их семей несут лишения на войне, а у них дома нет хлеба и об этом никто не заботится. Отсюда вполне логично вытекал вывод о правовой вынужденности погромов и поджогов купеческих складов и дворянских усадеб. Утверждалось, что именно там якобы было возможно взять средства для помощи бедствующим от дороговизны семьям солдат¹⁴.

В ходе войны всякая грань между землевладельцами в смысле их сословной принадлежности постепенно стиралась; с новой силой развернулся процесс борьбы поземельной общины с мероприятиями столыпинской аграрной реформы. Продолжение реформы в деревне во время войны воспринималось общинным крестьянством как несправедливое и сомнительное деяние, негативное, тем более что проводилось в отсутствие значительной массы крестьян, находившихся на фронте. Ведь выделение и укрепление в собственность на-

дельной земли выводило ее из-под контроля и распоряжения общины. Кроме того, продолжение укрепления земли в собственность во время войны порождало оценки этого мероприятия как стремление выделенцев получить лучшие земли, то есть воспользоваться ситуацией для «обмана» общины. Так, отмечая, что население «вообще раздражено против лиц, купивших земли», начальник Тамбовского губернского жандармского управления указывал, что крестьянство оценивает эти покупки как «спекулятивные сделки», поэтому и ведет борьбу с ними¹⁵.

Верховная власть, сознававшая всю нежелательность нового обострения социальных противоречий в деревне, не могла идти на масштабную конфронтацию в условиях войны. Циркуляры Главного управления землеустройства и земледелия от 22 августа 1914 г., 20 ноября 1914 г. и 29 апреля 1915 г. переводили процесс укрепления земли из явления единоличного, индивидуального характера в исключительно групповое землеустройство. Кроме того, обязательность выдела перестала быть главенствующим типом разрешения землеустроительных работ. Реакция деревни на мероприятия уступок была однозначной: наращивание усилий в борьбе с реформой. Например, тамбовский губернатор сообщал в МВД 6 июня 1915 г., что крестьяне обрели мнимую легитимизацию своим действиям в газетах (в частности, «Русское слово»), поместивших сообщения главы ГУЗиЗ А. В. Кривошеина об отложении мероприятий перехода на хуторское хозяйство до окончания войны. В конечном счете, политика уступок закончилась фактической капитуляцией верховной власти перед деревней, которой «циркуляр № 31 был воспринят как свидетельство слабости власти, как долгожданный легальный повод для удара общины по реформе»¹⁶.

Община в годы войны пыталась вернуть себе позиции, утраченные в 1907–1914 гг. в ходе аграрной реформы. Несомненным достижением этой борьбы стало свертывание процесса земельных укреплений в деревне, на что власть была вынуждена пойти под давлением положения дел на фронтах. Исследователь московского региона справедливо пишет, что это «в условиях войны являлось совершенно обоснованным и неизбежным решением»¹⁷. Ведь лето 1915 г. – пик поражений русской армии на Восточном фронте и отступление по всему фронту.

Влияние армии на деревню неоспоримо, причем в селе информация, приходившая от солдат, подвергалась неизбежной переработке, переосмыслению с одновременной тенденцией наложения на деревенские проблемы. В отношении перехода крестьянству частновладельческой земли местными властями сообщалось, что «крестьяне даже не допускают, чтобы могло случиться иначе, и высказывается только неудовольствие на медлительность правительства в осуществлении

этой меры». Государственными ведомствами отмечалось, что замечается тенденция к солидарности крестьян с фабричными рабочими и солдатами, совпадению степени их претензий к правительству. Указывая, что в целом крестьянство держится спокойно, донесения в соответствующие органы свидетельствовали о расчетах крестьян «своевременно предъявить требования на землю» после войны. Данная тенденция проходила параллельно с учащением преступлений по оскорблению императора¹⁸.

Параллельный рост цен на предметы первой необходимости, усугубляемый антиправительственной позицией, занятой оппозиционными кругами (и соответственно контролируемые ими печатными органами, широко распространяемыми в стране), вызывали ропот в адрес военного министра, премьера и других высших должностных лиц по поводу происходящего на фронте и неподготовленности к войне подобного масштаба. В августе 1915 г. наблюдалось даже недолговременное по своим временным рамкам, но, тем не менее, настораживающее явление усиленного изъятия крестьянами своих вкладов из сберегательных касс¹⁹.

Брусилковский прорыв 1916 г. вызвал новый взрыв патриотизма и бодрого настроения в тылу. МВД отмечало небывалый подъем духа «в связи с летними победами». Но этот энтузиазм не был таким, как в 1914 г. Деревня уже «уставала» от войны. Наиболее тонкие наблюдатели замечали, что «бабы не интересовались, каким будет исход войны, главным для них было – скорейшее заключение мира»²⁰. То есть деревня ждала мира с тем нетерпением, каковое грозило вылиться в самовольное силовое подхлестывание его приближения. Губернские должностные лица с тревогой отмечали, что затягивание мировой войны притупило интерес к событиям на театре военных действий. Телеграфные известия воспринимались с недоверием, а телеграммы «без перемен» истолковывались как ухудшение положения на фронте. Если объективные военно-технические условия, экономические возможности были на стороне Антанты, то субъективизм народной массовой психологии, дополненный разом навалившимися тяготами тыловой жизни в конце 1916 г., как, например, продовольственный кризис или развал транспорта, играли против России.

Характерна некоторая избирательность народной психологии. Так, считая причиной всех военных неудач измену, слухи разделяли военачальников с русскими и немецкими фамилиями: «генерал Эверт на аэроплане улетел к немцам», «генерал Брусиллов взят в плен» и т. д. «Убытие из строя» ведущих полководцев делало дальнейшие боевые действия еще более бессмысленными. Зато речи оппозиционных деятелей встречались с восторгом, как в окопах, так и в тылу, о чем незамедлительно шел обмен письмами между фронтом и селом²¹.

Таким образом, представляется обоснованным вывод отечественных исследователей, что в ходе войны деревня «не видела нужды в активной поддержке государственных военных усилий»²², следствием чего стала постановка на первое место борьбы крестьянства за реализацию своих надежд. При этом, что характерно, готовность села к поддержке государства «испарялась» постепенно, по мере затягивания военных действий.

Сельское хозяйство Российской империи в 1914–1916 гг. как объективная данность во многом не претерпело дезорганизующего влияния войны. Неудовлетворительное положение деревни, отмечаемое современниками, скрывалось, скорее, в человеческом восприятии и преобразовании в сознании существующих объективных условий окружающего мира. Все сравнивалось с критериями мирной жизни. Сельское хозяйство, многое теряя в военное время, одновременно, как могло, приспособлялось к новым условиям, вызванным неожиданными для мирного периода тяготами. Мобилизация ресурсов страны на нужды фронта первым делом легла на плечи российского крестьянства как главного работника и защитника отечества. Но в начале войны власти не скупились на оказание помощи сельскому населению, так как предполагалась скоротечность военного лихолетья и победоносный его исход в самом скором времени, после чего, думалось, Российская империя продолжит начатые в 1906 г. преобразования аграрного сектора российской экономики.

Мобилизация запасных, прошедшая накануне полевой страды, вызвала небывалый всплеск попечительства государства и общества над крестьянством. Помимо государственных «пайковых» выплат по закону 25 июня 1912 г., деньги собирались земствами и благотворительными организациями. Так, циркуляром от 27 июля 1914 г. МВД предложило губернским властям озаботиться организацией помощи семьям призванных. Пока призывы не охватили большей части крестьянского населения и экономика страны окончательно не перешла на военные рельсы власти различных уровней, кооперативы, потребительные и сельскохозяйственные общества и товарищества, «мир», наконец, оказывали весьма действенную помощь семьям солдат. Община, помогая деньгами и продуктами, основной упор делала на «подмогу» трудом, ввиду малой денежности крестьянских бюджетов и вековой традиции этики выживания. Нередко крестьяне считали излишней помощь вследствие перечисления пособий в солдатские семьи, что постепенно вело к росту социальной напряженности в деревне²³.

Разнообразие субъектов помощи позволяло варьировать ее получение, а разные субъекты помощи оказывали различную помощь своим адресатам: земства – денежные ассигнования, бесплатный отпуск сельскохозяйственных машин и орудий; кооперативы – организаторский труд, добровольная помощь рабочей силой;

сельские общества – непосредственный труд в обязательном порядке; соседские «помочи». Часто инициатором оказания поддержки семьям солдат на сельских сходах выступали общие собрания кооператоров²⁴.

1916-й год, поставивший перед страной массу новых проблем, вызвал некоторые опасения за состояние сельского хозяйства. В первую очередь, это была боязнь недосева полей и возможностей уборки урожая. Однако Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г., призванная определить экономико-продовольственные возможности империи в продолжении борьбы, установила, что данных явлений как отчетливо выраженного фактора, могущего влиять на ситуацию внутри страны, не наблюдается. Больше опасение внушало положение дел в частновладельческих хозяйствах, ввиду прогрессирующей нехватки рабочей силы, что должно было по прогнозам особенно сказаться в предстоящем 1917 г., ибо передаваемых в сельское хозяйство военнопленных не хватало. Так, в губерниях Центральной России многие крестьяне, нанявшиеся с осени 1915 г. на полевые работы во владельческие имения, весной требовали изменения условий найма. Неявка крестьян грозила сокращением посевной площади у производителей, дававших более трети товарного хлеба. Поэтому губернаторы требовали от сельской администрации побуждать крестьян к исполнению обязательств при помощи земских начальников. При этом предписывалось сообщать о каждом случае отказа от работ после произведенного дознания самому губернатору²⁵. Крестьянское же хозяйство в целом оценивалось в оптимистическом ключе. Если судить по посевной площади, на грани бедности находилось около 18 % крестьянских хозяйств, что было характерно и для мирного времени, и до ½ были в относительно неблагоприятном, но никак не катастрофическом положении. Такая обстановка для преимущественно аграрной страны, участвующей в мировой схватке, является, по нашему мнению, подлежащей скорее позитивной оценке состояния дел. В целом деревня несколько сократила посевную площадь, отказалась от трудоемких культур и неземледельческих заработков, а фактор аграрного перенаселения Европейской России компенсировал убыль рабочей силы в связи с потребностями фронта.

Неизбежность нового военного года, что стало очевидным уже в сентябре 1916 г., осенние неудачи на фронтах под Ковелем и в Румынии накладывались в сознании крестьянства на прошедшие в печати сведения о предполагаемом наделении земель георгиевских кавалеров. Это вызвало новый виток слухов о всеобщем награждении общины²⁶. Теперь всплеск был, несомненно, еще мощнее, ибо за плечами страны было уже два года войны – неудачной войны, на взгляд общества и народа. Такой взгляд формировался независимо от объективных обстоятельств. Кризис снабжения

зимы 1917 г. стал последней каплей, сломавшей российскую монархию, что позволило русскому крестьянству в ходе развития революционного процесса в России приступить к реализации тех идеологем и целей, что утвердились в массовом сознании во время Первой мировой войны.

Примечания

- ¹ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 98.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 9; Ч. 78. Л. 12.
- ³ Там же. Ч. 14. Л. 15об.
- ⁴ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 665. Л. 1–2.
- ⁵ Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 101. Л. 181–183.
- ⁶ Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний : в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 11, 116.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 11. Л. 1–1об.
- ⁸ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 14. Л. 21; Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М. ; Л., 1965. С. 250.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 14. Л. 6–6об., 11.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 12; Ч. 48. Л. 2–2об.
- ¹¹ Там же. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2013.
- ¹² Там же. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 13об.; Д. 72. Ч. 7. Л. 7.
- ¹³ На крутом переломе. Век XX. М., 1984. С. 296.

УДК 908[286.12]

ГОЛОД И МЕННОНИТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е ГОДЫ

Н. О. Евсеев

Саратовский государственный университет
E-mail: decoloced1111@gmail.com

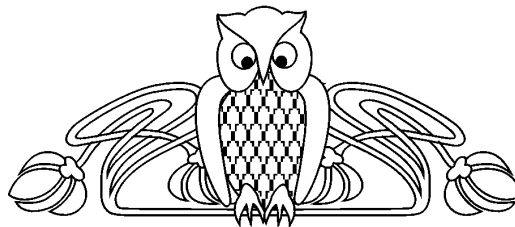
В статье рассматривается жизнь меннонитской деревни Поволжья в начале XX в. через призму первых лет советской власти и голода в Поволжье 1921 г. Данная работа основывается на опубликованных архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах и т. д.
Ключевые слова: Гражданская война в России, голод в Поволжье 1921 г., немцы Поволжья, меннониты, Американская администрация помощи (АРА), Американская меннонитская помощь (АМП), И. И. Дик (1885–1948).

The Famine and the Mennonite Village of the Volga Region in the 1920s

Н. О. Evseev

The article deals with the history of the Mennonite village life in the Volga Region at the beginning of the XX century, as seen through the prism of the first years of the Soviet power and the Volga region fam-

- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 78. Ч. 1. Л. 3об.–4.
- ¹⁵ Там же. Д. 72. Ч. 1. Л. 16; Д. 108. Ч. 14. Л. 14.
- ¹⁶ Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000. С. 394.
- ¹⁷ Ковалев Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004. С. 121.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 7. Л. 8об.–9, 12.
- ¹⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 688. Л. 16.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1916. Д. 108. Ч. 26. Л. 10; Д. 42. Ч. 9. Л. 24об.
- ²¹ Там же. Ч. 30. Л. 12об.–15.
- ²² Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание : превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 62.
- ²³ См. напр.: Трошина Т. И. Социальные мероприятия государства в годы Первой мировой войны и их влияние на состояние крестьянского населения (на примере северных губерний) // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 312–315.
- ²⁴ Война и костромская деревня. Кострома, 1915. С. 4–19, 30; Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 1. С. 456, 462, 466.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 8. Д. 445. Л. 16.
- ²⁶ ГАРФ. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 14.

ine of 1921. This article is based on archival documents and historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs, etc.

Key words: Russian Civil War, Volga region famine of 1921, Volga Germans, Mennonites, American Relief Administration (ARA), American Mennonite Relief (AMR), J. J. Dyck (1885–1948).

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-90-95

Период с конца XIX в. до начала XX в. можно назвать «золотым веком» меннонитских колоний на Волге. К 1914 г. они стали одними из самых процветающих поселений данного региона. Небывалый экономический подъём обеспечивался не только прогрессивными методами ведения хозяйства (товарное, зерновое и животноводческое производство фермерского типа), но и развитой

системой взаимопомощи, социальным страхованием, трудовым упорством и энергией.

В начале XX в. хозяйство меннонитских колоний на Волге носило ярко выраженный капиталистический характер. Уже к 1887 г. у меннонитов, проживавших в Малышинской волости Новоузенского уезда Самарской губернии, 65,8 % хозяйств использовали наёмный труд, когда как у русских и немецких крестьян процент таких хозяйств не превышал 8,4 %¹. Другими особенностями экономики этих колоний были: потомственное наследование земли без права дробления между членами семьи, рациональная система полеводства (пяти- или шестипольный севооборот), высокая техническая оснащённость и достаточное количество рабочего скота.

Первая мировая война оказала влияние на меннонитов Поволжья, хотя боевые действия и ликвидационные законы 1915 г. их почти не затронули. Они активно помогали действующей армии. В начале войны Малышинская волость приняла решение о выделении ежемесячно, вплоть до окончания войны, 500 рублей на военные нужды². У меннонитских колоний сохранялся потенциал развития, урон которому нанесла Гражданская война и политика «военного коммунизма».

Системный кризис, разразившийся в России в 1917–1921 гг. и охвативший страну в результате Первой мировой и Гражданской войны, революций, политической нестабильности, затронул все слои общества. Развитие кризиса и голода в бывших немецких колониях Поволжья имело те же причины, что и в целом по стране: последствия мировой и Гражданской войны, засуха 1920 г. и «военный коммунизм».

Тяжёлый хозяйственный кризис переживали меннонитские колонии на территории немецкой автономии. В 1918 г., когда часть Новоузенского уезда вошла в состав Автономной области немцев Поволжья, Малышинская волость стала Кеппентальским районом, частью Ровенского уезда. Высокие экономические показатели колоний в предреволюционное время способствовали распространению среди русских и немецких крестьян мнения об их общей зажиточности и благосостоянии. Это привело к большому продовольственному и налоговому нажиму в период «военного коммунизма». Местные власти относились к меннонитским селениям как «к очагам кулачества, зажиточного крестьянства и центрам контрреволюции»³.

К маю 1918 г. меннониты Кеппентальского района обладали обширными запасами зерна — около 45 тыс. пудов пшеницы и ржи хранились в общественных зернохранилищах. Узнав об этом, крестьяне соседнего села Воскресенское, угрожая меннонитам расправой, потребовали продать им 6 тыс. пудов зерна. Те немедленно выполнили их требования, опасаясь расправы. После этого слух о том, что у меннонитов остаются запасы, распространился по округе и дошёл до новых

властей. Через несколько дней все зернохранилища меннонитов были опустошены⁴. Под охраной комиссаров продукты доставлялись в Саратов и Покровск. Многие пытались спрятать от комиссаров зерно и продукты. Иоганнес Дик, один из очевидцев событий, врыл в землю металлическую цистерну, которую он доверху засыпал зерном. Другой тайник он сделал в доме в виде секретной комнаты, куда семья спрятала несколько мешков с мукой и оставшиеся продукты⁵.

Одновременно с изъятием излишков проводился передел земли. На каждого члена семьи выделялось от 4 до 6 десятин в зависимости от качества земли и полдесятины пастбища на каждую единицу скота. Остальные угодья входили в земельный фонд, из которого желающие могли брать дополнительные угодья на условиях аренды. Привыкшим владеть большими участками земли для нормального ведения хозяйства меннонитам приходилось брать в аренду из обобществлённого земельного фонда свою же землю. Бывшие бедняки и батраки, получив земельную собственность, не торопились её возделывать. Многие сдали её в аренду бывшим владельцам, получая с этого доход⁶.

Осенью 1918 г. экономический нажим на Кеппентальский район значительно усилился. Большая часть зерна урожая этого года была экспроприирована. Зажиточных крестьян обязали на безвозмездной основе передать часть своего скота тем, кто своего не имел. В результате этой политики к весне 1919 г. посевные площади были сокращены, однако урожай получился хорошим, но и он подвергся продразвёрстке, темпы которой снова увеличились. Те, кто не мог сдать достаточного количества продовольствия, подвергались обыскам. В итоге к февралю 1920 г. в Кеппентальском районе осталось зерно только для посева, на корм скоту и лишь немного на питание⁷.

Когда руководство автономии сообщило о том, что всё зерно уже вывезено, из Москвы в Поволжье была отправлена специальная контрольная комиссия под руководством Калмановского с целью усиления «проднажима», который выражался в полном изъятии всего найденного у крестьян хлеба и увеличении норм продразвёрстки. В феврале 1920 г. члены комиссии Калмановского прибыли в село Лизандерге Кеппентальского района. С помощью продотрядов они производили обыски в домах крестьян и допрашивали их. О методах «работы» комиссии красноречиво свидетельствуют воспоминания Иоганнеса Дика: «... Два или три человека допрашивали меня одновременно. Сколько зерна посеяно? Сколько у меня всего лошадей, коров, свиней, овец и быков? Сколько зерна сдано по развёрстке? Сколько смолото? Сколько рабочих? Сколько у меня их было до революции? Сотни вопросов. Примерно десять человек стояли вокруг меня, кричали, угрожали, размахивая наганами перед лицом. В это же время двое записывали мои ответы. Некоторые вопросы

задавались по десять раз, и если я отвечал по-другому, то следовал крик: “Ага, ты врешь! В прошлый раз ты ответил иначе”. Тогда повторялись обвинения, оскорбления, угрозы, постоянно падали на пол стулья и стучали кулаки по столу. Если я пытался обдумать свой ответ, они кричали на меня: “Отвечай! Отвечай! Ты пытаешься лгать!”. Если я отвечал по-русски, они снова кричали и задавали вопросы по-немецки и требовали ответа на этом языке. Когда я им подчинился, последовал грубый окрик: “Ты обязан говорить по-русски, немецкая собака!”... От этого всего я был на грани помешательства настолько, что захотелось закричать: “Возьмите у меня всё или убейте меня, я уже устал от всего этого”. Но неожиданно их поведение изменилось. Вдруг агроном, довольно приличный человек, которого я знал до этого, вскричал: “Хватит! Прекратим эту пытку! Разве вы не видите, что гражданин Дик добропорядочный и честный человек?”. В тот час эти дьяволы в человеческом облике разразились громким смехом, начали шутить и вести себя так, как будто ничего не произошло»⁸.

Несмотря на то что комиссия не нашла излишков хлеба, в Москву был отправлен отчёт о том, что у меннонитов по-прежнему имеются его запасы. После её отъезда комиссары частично изъяли зерно под посевы и домашний скот. Результатом этой политики большевиков стало значительное сокращение посевных площадей. В 1920 г. посевы в Меннонитском районе составляли всего 20 % от довоенной нормы⁹. У многих не оставалось зерна даже на посев, поэтому они не могли выйти в поле. Заметив это, власти дали приказ об аресте мужчин в возрасте от 14 лет, которые находились дома с 5 часов утра до 8 часов вечера. Крестьян обязали сеять, даже если сеять было нечего: «Каждый должен был находиться в поле. Зерна для посева не хватало, лошади выглядели истощёнными и слабыми. Мужчины просто лежали на земле, а лошади стояли рядом в бездействии»¹⁰. В дальнейшем власти вмешивались в процесс сбора урожая и обмолота зерна, отдавая приказы и надзирая за работой¹¹. В результате политики предыдущих лет и неблагоприятных климатических условий урожай 1920 г. выдался низким. Однако нормы продрозвёрстки снижены не были.

В то время как в деревнях начинали появляться первые признаки голода, к собранным продуктам относились преступно халатно. Часто зерно можно было видеть оставленным лежать на сырой земле или мокнувшим под дождём. Овощи свозили в огромные амбары, где с приходом зимы они замерзали. Однако крестьянам не позволили взять эти испорченные продукты даже на корм домашним животным¹². В противовес голодающему населению некоторые комиссары купались в роскоши. По ночам они устраивали гуляния, на которые приглашали всех местных коммунистов. На этих «собораниях» они ели продукты, отобранные у местного населения, «поглощали литрами

самогона и занимались распутством с женщинами из русских деревень, которые продавали себя ради куска хлеба для себя и своих детей»¹³.

С каждым днём крестьяне сдавали всё меньше и меньше продуктов. Власти приступили к открытым репрессиям. В январе 1921 г. на кладбище Кеппенталья расстреляли Якоба Вибера за то, что в ходе обыска в его доме чекисты обнаружили секретное место, где находились мука, мясо, одежда и многое другое. Перед казнью он сообщил властям (возможно, под пытками) о тех, кто имел тайники в домах¹⁴. Для контроля местного населения власти учредили специальные «тройки» – комиссии из числа жителей деревни. В их обязанность входило проводить обыски у односельчан. Если в течение десяти дней их поиски зерна и продуктов заканчивались безрезультатно, то все их имущество подвергалось конфискации. В состав этих «троек» избирались в основном низшие слои населения, но в их состав включили трёх самых богатых крестьян из каждой деревни. В случае неплатёжеспособности члена «тройки» именно они несли всю ответственность¹⁵.

В начале зимы 1920–1921 гг. на помощь местным коммунистам прислали отряд рабочих из Тулы. В Кеппентальский район были отправлены некто Кулаков и Венев вместе с частями Красной армии. Угрожая населению расстрелом, они потребовали полной сдачи имеющегося зерна. Однако ни угрозы, ни бесконечные обыски домов не принесли желаемого результата. Со всего района было собрано количество зерна, которого едва хватило бы на одну семью. Кроме того, снова подверглись реквизиции оставшиеся продукты питания. Всех крестьян, которые подозревались в сокрытии зерна, занесли в особый список и подвергали ежедневным обыскам¹⁶.

Результатом этой политики стала волна крестьянских восстаний, прокатившихся весной 1921 г. Одно из восстаний под руководством М. Пятакова вспыхнуло в русских селах к югу от Ровного. После захвата Ровненского уезда его отряды стали продвигаться на север к Маркштадту¹⁷. Идя от деревни к деревне, повстанцы, большую часть которых составляли голодающие крестьяне, устраивали расправы над коммунистами и делили ранее отобранные продукты. 20 марта 1921 г. около 2300 восставших заняли Лизандерге. Иоганнес Дик писал: «В лохмотьях и обносках, полуголодные, почти не имеющие огнестрельного оружия, вооружённые вилами или заострёнными палками, они въехали в деревню на тощих лошадях. Картина полная страданий и безнадежности»¹⁸. Повстанцы распустили местные советы, а председатель Иоганнес Пеннер перешёл на их сторону. Некоторые члены бывшего правления вошли в состав сформированного восставшими «Совета восставших голодающих крестьян». Повстанцы открыли настоящую охоту на коммунистов. Через несколько дней в Медемтале Кулаков и Венев были арестованы и расстреляны. Их тела

мстители сбросили в старый колодец. Остальные коммунисты, которые сбежали из Кеппентальского района, смогли достичь ближайшей колонии Ней-Лауб, где с ними расправились с изощрённой жестокостью¹⁹. Несмотря на временные успехи, восстание с самых первых дней было обречено на провал. Голодные крестьяне, порой вооружённые вилами и топорами, не могли долго противостоять хорошо оснащённым частям Красной армии, которые в начале мая 1921 г. заняли Кеппентальский район. С 12 по 19 мая 1921 г. в Кеппентале работал Ревтрибунал, перед которым предстали около 100 человек. По его итогам за участие в восстании 23 человека были приговорены к расстрелу, из них 11 являлись меннонитами²⁰.

После подавления восстания М. Пятакова меннонитские колонии пребывали в печальном хозяйственном состоянии – посевная площадь по району составила 9 % от довоенного уровня. Сократилось число домашнего скота до 23 %, а лошадей – 11 % от уровня 1913 г.²¹ Уже в июне 1921 г. стало понятно, что продовольственной катастрофы не избежать.

В АО НП первые случаи голодной смерти были зарегистрированы уже в январе 1921 г. Массовая смертность от голода продолжалась до мая 1922 г. и составила 27 % от численности населения. Пик голодного времени пришёлся на весну 1922 г., когда голодало почти всё население автономии – 96,8 %²². В отличие от остальной территории автономии Кеппентальский район пережил это время относительно благополучно. Об этом говорит уже тот факт, что массовая смертность от голода не была зафиксирована зимой – осенью 1921 г. в меннонитских колониях²³.

Весь 1921 г. население Кеппентальского района пыталось активно противостоять бедствию. Летом 1921 меннониты Поволжья отправили экспедицию на Кубань для закупки домашнего скота и еды. Результатом этой поездки стал договор с меннонитской колонией Великокняжеская. После продолжительной дискуссии они согласились принять у себя 100–200 голодающих и обязались передать 200–300 голов породистого скота к декабрю 1921 г. В качестве компенсации прибывшие с Волги обязывались работать, а также передать треть своего домашнего скота в качестве платы за еду. Несмотря на невыгодные условия договора, многие меннониты готовы были переселиться на время в Великокняжескую. В итоге на Кубань переселились 130 человек и 250 голов скота²⁴.

Способом поддержания жизнедеятельности стала продажа сельскохозяйственного инвентаря, главным образом моторов, за еду. Осенью 1921 г. в Кеппентальский район приезжали русские крестьяне из западных областей Саратовской губернии, пострадавшей от голода в гораздо меньшей степени, для продажи зерна в обмен на лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. За один мотор мощностью 18 л.с., стоивший до революции 1300 рублей, платили от 100 до 150 пудов ржи²⁵.

Положение в меннонитских колониях стало угрожающим в начале сентября 1921 г. Пшеничная мука полностью исчезла. Её заменила ржаная, смешанная с отрубями, картофелем, тыквой и даже с травой, из которой выпекался хлеб. Из тыквы и воды меннониты делали «тыквенный суп». От систематического недоедания люди слабели и опухали. В селениях были зафиксированы случаи заболевания сыпным тифом. Настроение населения было подавленным. В ноябре 1921 г. сильно нуждающихся меннонитов насчитывалось «не более 170 душ» (около 10 % района)²⁶. В том же месяце И. Дик сообщил родственникам в Америке, что большинство семей имеет продовольствие только на 2–3 месяца²⁷.

В ноябре 1921 г. в Москву прибыл Альвин Миллер, директор благотворительной организации – Американская меннонитская помощь (АМП), для ведения переговоров с Советским правительством о разрешении работать в России параллельно с АРА. В середине декабря 1921 г. И. Дик и И. Пеннер прибыли в Москву к нему с просьбой распространить действие организации на их район. Вскоре Миллер назначил И. Дика главой местного комитета АМП и выдал чек на сумму 300 долларов США, на которые можно было получить продукты на складе АРА в Саратове²⁸.

25 декабря 1921 г. старейшина Петер Винс торжественно объявил на рождественской службе в Кеппентале, что «первая партия продуктов от наших братьев и сестёр из Америки должна прийти совсем скоро, и эти подарки будут приходиться регулярно начиная с этого месяца»²⁹. Наконец, 27 декабря 1921 г. в Кеппентальский район прибыли 10 саней продовольствия из Саратова. Иоганн Дик вспоминал об этом дне: «Все прибывшее продовольствие занесли в огромное зернохранилище, где мы разделили его по деревням по числу жителей. Мы получили: муку, бобы, рис, какао, сахар, сгущенное молоко и растительные жиры. Всё было превосходного качества. После стольких лет трудностей и лишений, когда большевики постоянно грабили и лишали средств к существованию, все эти продукты казались нам чуть ли не предметами роскоши. Многие, многие человеческие жизни были спасены благодаря этим продуктам!». В Москву в представительство АМП ушла телеграмма следующего содержания: «Продукты распределены 31 декабря. Отчёт следует письмом»³⁰.

За каждую поставку продуктов Альвин Миллер требовал отчёта от И. Дика. Например, в телеграмме от 22 января 1922 г. он предупреждает комитет АМП в Кеппентале: «Продукты должны быть только употребляемым для раздачи голодающим и ни в коем случае израсходованы иначе»³¹. От Комитета постоянно требовали «вести точный отчёт», «извещать» или «телеграфировать при получении продуктов»³². Иоганн Дик вспоминал в дальнейшем: «Нам приходилось строго отчитываться за всё как перед г-ом Миллером в Москве,

так и перед АРА в Саратове. Но люди из АРА проявляли себя более деловыми, чем Миллер, который, казалось, имел мало опыта для ведения подобных дел. Было гораздо проще работать с американцами из АРА, чем с Миллером, который всякий раз демонстрировал свои мелочные педантичные замашки, что осложняло нашу совместную работу»³³.

Насколько эффективной была помощь АМП? В отличие от АРА, которая до апреля 1922 г. выдавала помощь исключительно детям, помощь от АМП распространялось и на взрослое население района. Как свидетельствуют данные источников, механизм получения продуктов был следующим. Из Москвы поступал денежный перевод на имя И. И. Дика. Например, в мае 1922 г. сумма составила 2900 долларов США³⁴. На эти деньги из саратовского склада АРА выкупались продукты и затем доставлялись в район. Здесь продовольствие делилось между девятью деревнями района на пайки. Зимой 1922 г. АМП разрешила включить в раздачу одно меннонитское село – Ней-Варенбург³⁵.

Если в декабре 1921 г. помощью АМП воспользовались только 36 % населения района, в январе – 56 %, с февраля по апрель 1922 г. – 72 %, то в мае и в июне 1922 г. продуктами меннонитской организации питалось уже 97 % и 91 % жителей района соответственно³⁶. Благодаря урожаю 1922 г. Кеппентальский район смог противостоять бедствию до сентября 1923 г. Наиболее сильная вспышка голода произошла весной 1924 г., когда продовольствие АМП получали 34 % населения. В дальнейшем голод то усиливался, то утихал. Всё это подтверждает тезис А. А. Германа о том, что голод не ограничивался двумя годами – 1921 г. и 1922 г., а начавшись в конце 1920 г., периодически усиливаясь и ослабляясь, существовал вплоть до 1925 г.³⁷

Количество полученного продовольствия каждый месяц было разным. Наибольшее количество продуктовых пайков было получено в мае 1921 г. – 63100³⁸. В 1924 г. в состав пайков входили такие продукты, как сахар, какао, мука, рис, жиры, крупы и молоко. В декабре 1921 г., в январе, мае – июне 1922 г. продовольствие распределялось по принципу равенства. В самые тяжёлые голодные месяцы – с февраля по апрель – большую помощь получили наиболее нуждавшиеся в ней³⁹. В 1923–1924 гг. помощь в основном получали испытывающие нужду: дети, больные, ученики и учителя школы. В апреле – мае 1924 г. 400 человек, не попавшие в вышеперечисленные категории, получали помощь на платной основе⁴⁰.

Оказание помощи АМП не ограничивалось только продовольствием. В конце мая 1922 г. организация отправила в Кеппенталь целый вагон одежды, белья и крупы общим весом 139 пудов 38 фунтов. Одежда и бельё, правда, были ношенными, только некоторые вещи являлись совершенно новыми. В течение лета имущество поделили между 9 меннонитскими селениями и Ней-Варенбургом⁴¹.

АМП предоставляла меннонитам денежную и агротехническую помощь. С января по июнь 1925 г. на деньги организации была восстановлена школа, закупились лекарства и продукты. Всего же за полгода АМП выделил помощь в размере 353 руб. 50 коп.⁴² Агротехническая помощь оказывалась в виде предоставления в пользование сельскохозяйственного инвентаря. Например, в мае 1922 г. АМП предложила Кеппентальскому району 5 тракторов на условиях замещения от 20 до 50 % их стоимости⁴³.

Помощь меннонитам Поволжья оказала Американская администрация помощи (АРА). В основном эта организация обеспечивала питание детей. С апреля 1922 г. АРА распространила своё действие и на взрослых, начав выдавать взрослому населению сухие кукурузные пайки⁴⁴. В декабре 1921 г. в столовых АРА получали питание 55 %, а в январе АРА обеспечивала уже 67 % детей. С апреля по июнь 1921 г. АРА на 100% снабжала меннонитский район продовольствием.

Другим видом помощи стали индивидуальные посылки из США и Канады от родственников и знакомых. Всего за период с января 1921 по июнь 1922 г. в Кеппентале получено 337 посылок из Америки и Канады⁴⁵. И. Дик вспоминал: «Несмотря на то, что этих посылок было немного, они доставляли мне много работы. Получение каждой фиксировалось, получатели уведомлялись, содержимое взвешивалось и отдавалось под роспись, а расписка в получении направлялась в Москву»⁴⁶.

Нельзя обойти вниманием и характер государственной помощи. Вспоминая события 1922 г., И. И. Дик писал в автобиографии: «Когда пришло время сева, едва у кого имелись семена. Правительство распространяло их в небольшом количестве, но они были такого плохого качества, представляли собой мешанину разных сортов, яровая и озимая пшеницы часто перемешивались друг с другом. Количество семян было не на много больше, чем мы посеяли в 1921 г. Но больше всего ощущался недостаток лошадей: многие погибли во время голода, а выжившие оставались ещё очень слабыми. Из моих 20 лошадей осталось только шесть. А так как они были очень слабыми, чтобы противостоять болезням, четыре лошади погибли одна за другой ещё до конца сева»⁴⁷. В апреле 1923 г. помощь оказала Областная комиссия по ликвидации последствий голода, предоставив семена ржи⁴⁸. Немсельхозсоюз передал в Кеппентальский район двух лошадей⁴⁹.

Таким образом, роль иностранных благотворительных организаций оказалась решающей для оказания помощи Меннонитскому району. Многие советские историки доказывали, что помощь иностранцев хоть и была значительной, но не преобладающей ни в одном из районов АО НП. Приведённые выше данные убедительно доказывают обратное. Помощь АМП и АРА распространялась на 97 % и 100 % населения района. Благодаря этой помощи Меннонитский район

избежал массовой гибели населения. Во многом благодаря этой помощи процесс восстановления хозяйства здесь проходил значительно быстрее, чем в других районах Кукуевского кантона. Например, в сентябре 1924 г. число дворов без скота составляло всего 8 % от всей численности⁵⁰. К 1926 г. можно говорить о полном восстановлении хозяйственного потенциала меннонитских колоний на Волге.

Примечания

- ¹ См.: *Ипатов А. Н.* Меннониты : вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978. С. 88.
- ² *Дёнингхаус В.* Революция, Реформа и Война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 174.
- ³ *Назарова Т. П.* Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг. (гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции). Волгоград, 2013. С. 61.
- ⁴ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt : a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. Winnipeg, 1995. P. 55.
- ⁵ Ibid. P. 54.
- ⁶ Ibid. P. 56.
- ⁷ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck // A Pilgrim People. Winnipeg, 1994. Vol. II. P. 56.
- ⁸ Ibid. P. 56–57.
- ⁹ Ibid. P. 60.
- ¹⁰ Ibid. P. 57.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 58–59.
- ¹³ Ibid. P. 60.
- ¹⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 63.
- ¹⁵ Ibid. P. 63.
- ¹⁶ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 59.
- ¹⁷ *Герман А. А.* Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941) : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 2004. С. 82–94.
- ¹⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64.
- ¹⁹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64–65.
- ²⁰ *Letkemann P.* Mennonites in the Soviet Inferno. 1917–1956 // Preservings. 1998. № 13. P. 10.
- ²¹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 67; *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64
- ²² *Винс О. В.* Смертность населения АО НП от голода в 1921–1922 гг. // Культура российских немцев в Поволжском регионе. Саратов, 1993. Вып. 1. История, теория, культура. С. 64.
- ²³ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 72–73.
- ²⁵ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 424. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.
- ²⁷ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 75; ГАРФ. Ф. 424. Д. 8. Л. 89.
- ²⁹ Ibid. P. 76.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 70.
- ³¹ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³² Там же. Л. 12, 61, 71.
- ³³ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³⁶ Там же. Д. 41. Л. 22–28.
- ³⁷ *Герман А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 94.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 12–21.
- ⁴² Там же. Л. 1–7.
- ⁴³ Там же. Д. 8. Л. 30.
- ⁴⁴ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ⁴⁶ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Д. 487. Л. 20.
- ⁴⁹ Там же. Д. 209а. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Д. 925. Л. 46.

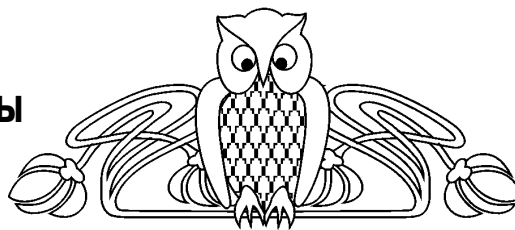
УДК [94+2](470.44)(09)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 1930-е ГОДЫ

Ж. В. Яковлева

Саратовский государственный университет
E-mail: jgv1972@yandex.ru

В статье исследуется религиозная жизнь многоконфессионального населения Саратовского края в 1930-е гг. Антицерковная политика государства проводилась еще с 1917 г., однако в начале 1930-х гг. она резко активизировалась, сопровождалась

массовыми беззакониями и репрессиями. Разгромив церковь к середине 1930-х гг., большевицкая власть не смогла уничтожить религиозную жизнь, которая продолжалась полулегально и нелегально, несмотря на гонения и репрессии.

Ключевые слова: религиозная жизнь, Саратовское Поволжье, антирелигиозная кампания, закрытие церквей, православие, лютеранство, католицизм, ислам, иудаизм, церковные секты.

Religious Life in the Saratov Volga Region in the 1930s

J. V. Iakovleva

The paper investigates the multi-faith religious life of the population of the Saratov region in the 1930s. Anti-church policy of the state has carried out since 1917, but in the early 1930s. sharply intensified, accompanied by mass lawlessness and repression. Defeating the church to the middle of the 1930s., The Bolshevik government was not able to destroy the religious life, which lasted semi-legally and illegally, in spite of persecution and repression.

Key words: religious life, Saratov Volga region, anti-religious campaign, closing of churches, Orthodoxy, Lutheranism, Catholicism, Islam, Judaism, religious sects.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-95-100

Исторически сложилось так, что Саратовское Поволжье к началу XX в. представляло собой уникальный конгломерат многих народов, религий и культур. Это был регион с развитой этноконфессиональной структурой населения. Самой крупной конфессией являлось православие, за ним по численности верующих шли лютеранство, католицизм, ислам, меннонитство, иудаизм. У каждой из этих религий в Саратовском Поволжье имелись еще свои более мелкие ответвления. Саратов был епархиальным центром двух конфессий – православной и католической. Уникальным для региона было межконфессиональное согласие и высокая толерантность во взаимоотношениях верующих, что отмечается во многих дореволюционных изданиях, посвященных Саратову и Саратовскому Поволжью¹.

С приходом к власти большевиков в стране начались гонения на церковь и верующих. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стал отправной точкой этих гонений². Идеология Советского социалистического государства не могла ужиться с религиозной идеологией, так как религия опровергала основы марксистского мировоззрения. Поэтому искоренить религию означало уничтожить главного идеологического противника – это стало одной из главных государственных задач. Жестокий натиск на церковь в годы Гражданской войны сменился относительным затишьем в годы нэпа. Однако в конце 1920-х гг. советское руководство взяло курс на «развернутое наступление социализма по всему фронту», что означало принудительную форсированную социалистическую модернизацию не только экономики, но и всех других сфер жизни населения. Ее составной частью стала новая агрессивная кампания против религии и церкви, которая получила активное развитие и в Саратовском Поволжье и была на-

правлена против всех без исключения религиозных конфессий.

В циркулярном письме ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», утвержденном ЦК ВКП (б) 24 января 1929 г. и подписанном секретарем ЦК Л. М. Кагановичем, открыто заявлялось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»³. Отсюда ставилась очень жесткая задача – развернуть мощную антирелигиозную пропаганду, добиваясь изоляции церкви и устранения ее влияния на массы.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», которое резко ухудшило положение церкви в Советском государстве, поставило ее в полную зависимость от власти и ее прихотей⁴. Религиозные объединения были лишены права «юридического лица», потому перестали быть субъектами права, не могли обращаться в суд за защитой своих прав. *Разрешительный* порядок создания религиозных объединений означал, что религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после принятия решения об их регистрации. Такой порядок создания религиозных объединений предоставлял властям возможности, с одной стороны, под надуманными предлогами отказывать в регистрации создаваемого религиозного общества или затягивать ее на неопределенно долгий срок, а с другой стороны, в административном порядке ликвидировать действующие религиозные общества. В том и в другом случае действия властей не могли быть обжалованы в судебном порядке.

Религиозные объединения были лишены права осуществлять благотворительную деятельность. Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

Согласно логике советских властей в СССР трудоспособные граждане должны были самостоятельно зарабатывать на жизнь, а нетрудоспособных обеспечивало государство. В этой системе (теоретически) не было обездоленных. Религиозная благотворительность рассматривалась как косвенное материальное стимулирование распространения религии, как некий «инструмент вербовки» новых верующих, недопустимый в социалистической стране. Подходящий налог,

которым облагались служители религиозных культов, мог достигать 81% – наравне с налогообложением частных коммерческих предприятий. Церковь многие годы ходатайствовала о снижении налогообложения духовенства, приравнивании его к налогообложению доходов с частной практики врачей, педагогов, адвокатов (ставка налога до 69 %). Представители советской власти не соглашались на такой вариант, полагая, что это было бы равносильно признанию деятельности священнослужителей общественно полезной (в то время как, с точки зрения марксистских догм, служители культов получают доходы от эксплуатации религиозных предрассудков)⁵.

В Конституции РСФСР 1918 г. гарантировалась «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды». Однако в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР в статью 4 Конституции РСФСР были внесены поправки, заменившие свободу религиозной пропаганды на свободу религиозных исповеданий. При этом право антирелигиозной пропаганды сохранялось⁶.

Постановление «О религиозных объединениях» стало основой для развернувшейся в конце 1920 – начале 1930-х гг. беспрецедентной кампании по ликвидации церковных общин, отъему храмов у верующих и передачи их на нужды государства, либо варварскому уничтожению.

Кампания широко проводилась и в Саратовском Поволжье. Если до 1917 г. на территории Саратовской области в границах 1938 г. действовало 1056 церквей, монастырей, мечетей и молельных домов, то в 1938 г. осталось всего около 60 действующих церквей⁷. За это же время в Республике немцев Поволжья было закрыто около 200 церквей⁸. Таким образом, на территории Саратовского Поволжья было закрыто почти 1200 храмов и других культовых учреждений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена.

В Саратове за эти годы были закрыты и разрушены свыше 80 монастырей, храмов, часовен, молельных домов и других культовых учреждений, в том числе разрушены три красивейших храма в центре города, определявшие его индивидуальную неповторимость: православный кафедральный собор Св. Александра Невского, католический кафедральный собор Св. Клементия, евангелически-лютеранская церковь Св. Марии.

Аналогичный характер носила антирелигиозная кампания и в сельской местности. Так, в Ивантеевском районе из существовавших ранее 20 церквей и молитвенных домов все были отобраны у верующих. 15 из них переоборудовали под культурные учреждения (клубы, детские сады, ясли), под сыпку зерна, остальные 5 церквей просто не работали, из них 2 официально не закрытые не действовали за неимением служителей культов, они были репрессированы в ходе коллективизации⁹.

В Алтайском районе ранее было 5 церквей, из которых 4 переоборудовали под хозяйственные

нужды, пятую разрушили и использовали как источник строительных материалов¹⁰. В Пугачевском районе было 33 церкви и молельных дома, из них 8 было переоборудовано под клубы и ясли, 7 сломано на стройматериалы, большинство оставшихся также не действовали¹¹. В Малосердобинском районе было закрыто 9 церквей из 9, из них 4 сломаны¹². В других округах и районах Саратовского Поволжья, входившего тогда в Нижневолжский край, ситуация была примерно такой же.

Формально для принятия исполкомом Совета решения о закрытии церкви необходимо было собрать определенное количество подписей местных жителей, либо это решение принималось, например, на общем собрании колхозников. В условиях оголтелого насилия и угроз собрать подписи или провести решение на собрании было не столь уж и сложным делом. Обстановка вседозволенности приводила порой к вопиющим фактам.

1-й съезд колхозников АССР немцев Поволжья¹³ (8–11 декабря 1929 г.) в специальном постановлении «О наступлении на религию» провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения ликвидацию религии и закрытие всех церквей. Началось «соревнование» между сельсоветами за быстрое закрытие храмов, причём закрытие церковных сооружений демонстративно приурочивали к каким-либо религиозным праздникам¹⁴.

В начале 1930 г. в той же Немреспублике широкую скандальную огласку получило так называемое «дело Кампгаузена». Председатель Маркштадтского¹⁵ кантонального Союза воинствующих безбожников Л. Кампгаузен под угрозой расстрела, под дулом пистолета заставил патера и церковный совет маркштадтской католической церкви подписать заявление о передаче храма государству на «культурные нужды». За такие действия Главсуд АССР НП приговорил руководителя маркштадтских «безбожников» к двум с половиной годам лишения свободы. Однако Верховный Суд РСФСР заменил это наказание на условное. Нарком юстиции РСФСР также взял Л. Кампгаузена под защиту, заявив, что, «понимая своеобразно директивы партии и советской власти, Кампгаузен, стремясь к выполнению их на все 100 процентов и не имея достаточной поддержки и помощи со стороны более ответственных лиц, наделал ряд “головотяпских поступков”, но таких, в которых нет ни корысти, ни личной заинтересованности...»¹⁶ Данный пример как нельзя ярко характеризует реальную заинтересованность представителей власти в разгроме церкви, ради чего можно было закрыть глаза и на откровенные преступления.

В ряде мест насильственное закрытие церквей вызывало массовый протест граждан и их выступления. Особенно непримиримы к закрытию своих церквей были католики и лютеране. В декабре 1929 г. – январе 1930 г. проходили массовые выступления верующих более чем в 30 католических селах правобережья Волги, южнее Саратова, его на-

чали женщины, пытавшиеся не допустить закрытия церкви и ареста своих пасторов. 5–6 июня 1930 г. тысячи горожан Маркштадта вышли на улицы города, протестуя против закрытия лютеранской церкви. Для подавления этих выступлений использовались военные. Десятки участников протеста были репрессированы¹⁷.

Ситуация в немецких селах встревожила даже центральные органы ВКП(б). Заведующий информационно-статистическим сектором ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков потребовал от руководства АССР НП немедленно сообщить все подробности «контрреволюционной ситуации» в республике. Ему был дан подробный разъясняющий ответ, позволяющий сегодня очень четко и конкретно представить содержание и характер протестных выступлений¹⁸.

Протесты граждан против принудительного закрытия церквей имели место и в других местах. Так, ячейкой Союза воинствующих безбожников маслозавода «Профинтерн» в Николаевке была организована антирелигиозная лекция, на которую было собрано около полутора тысяч человек. Во время этой лекции верующие устроили протест против закрытия Преображенской церкви. «Церковь не отдадим, если вам нужен клуб – стройте», – кричали собравшиеся. Лекция была сорвана, толпа не расходилась в течение 3 часов¹⁹.

Голод 1932–1933 гг., имевший тяжелейшие последствия в виде массовой гибели людей, помог власти «добить» церковь. Все религиозные конфессии в Саратовском Поволжье вынуждены были действовать в нелегальных и полунелегальных условиях. Тем не менее религиозная жизнь, особенно в селах, не замирала. Спецорганы фиксировали такие факты и докладывали о них по команде.

В 1934 г. в Ртищевском районе два «попа», «занимались починкой обуви и вели контрреволюционную агитацию». В Романовском районе «поп» Мартынов занимался фотографией и починкой часов. Делал он это бесплатно, но одновременно вел «антисоветскую агитацию»²⁰.

В марте 1935 г. бюро обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья с помощью органов НКВД обнаружило «беспримерный факт политической слепоты и попустительства ряда руководящих работников Энгельсского горсовета, горно и прокуратуры», позволивших «разлагающую контрреволюционную деятельность церковников в 3-й советской школе». Суть дела состояла в том, что после того как бывшее монастырское помещение передали под школу, в двух подвальных комнатках с отдельным входом осталось жить несколько старушек-монахинь, которые тайком по просьбе верующих совершали обряды крещения, венчания, продавали крестики, просвирки и т. п. «Виновные» в происшедшем руководители горно и городской прокуратуры были сняты с работы и исключены из партии, монахини – арестованы, а по всей Немреспублике вновь на некоторое

время развернулась истеричная антирелигиозная кампания²¹.

Одним из методов антирелигиозной пропаганды были антирелигиозные кампании в преддверие религиозных праздников. Власть боялась, что в канун религиозных праздников возможно возрастание активности верующих, что приведет к срыву в производстве, к срыву завершения года, срыву выборов в Советы и другим ненужным последствиям. В целях противодействия предусматривался ряд мероприятий: лекции на антирелигиозные темы, беседы и лекции по естественно-научным вопросам, агитация, иногда крайне агрессивная, против веры и церкви.

Так, например, в плане проведения антирелигиозной кампании, направленной против осенних иудейских праздников, в 1935 г. предусматривалось провести ряд мероприятий: доклады на Саратовской швейной фабрике и Саратовском заводе «Комбайн» «о значении еврейских праздников и их классовой сущности», антирелигиозный вечер с докладом и постановкой пьесы «Каин и Артем». К кампании были привлечены газета «Коммунист» и сделан антирелигиозный доклад по радио с саратовского радиоузла²².

Интересный случай произошёл в католическом селе Мариенталь²³ на Рождество в ночь с 24 на 25 декабря 1935 г. По решению Мариентальского кантона должны были проводиться антирелигиозные беседы. Однако они нигде не состоялись. В то же время, по информации НКВД, во многих сёлах, в том числе и в кантональном центре, «вечером собрались группы молодёжи, изображая “младенца Христа”, ходили по домам, раздавая детям рождественские подарки, пели религиозные песни». Вручая детям подарки, некоторые из «божественных младенцев» задавали детям вопросы вроде того, что был задан мальчику Лео Юнкеру: молится ли он за своего отца, осуждённого на 10 лет, чтобы тот выжил и поскорее вернулся из заключения?²⁴

Конституция СССР 1936 г. увеличила разрыв в правах между верующими и атеистами: в ст. 124 провозглашалось: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», то есть право исповедания религии (которое включает свидетельствование о своей вере) было заменено на право совершения религиозных обрядов²⁵. Конституция стала своеобразным толчком к активизации религиозных чувств верующих. Начало расширяться движение за открытие церквей, их ремонт и реставрацию. Свидетельства об этом можно найти практически в каждой докладной записке Облоргбюро СВБ. Требования исходили от церковных советов, которые существовали при бездействующих молитвенных зданиях.

В докладной записке на имя постоянной комиссии культов при Президиуме ЦИК СССР

об обследовании состояния антирелигиозной работы и деятельности религиозных организаций Саратовского края (1936 г.) сообщается, что антирелигиозные организации благодаря бездействию районных организаций в вопросах антирелигиозного воспитания, бездействию со стороны партийных, комсомольских и общественных организаций вызывают рецидивы религиозности. Во многих районах наблюдается религиозное движение за открытие церквей, в районах ходят слухи, которые распространяют церковники, что «сосланные попы вернутся в свои церкви»²⁶.

В селе Дергачи верующие предпринимали попытки открыть православную церковь, которая была закрыта по постановлению общего собрания колхозников, и эта попытка, естественно, не увенчалась успехом²⁷.

А вот в селе Малый Узень Питерского района было две неработающие церкви, но не оформленные юридически, священнослужитель был арестован органами НКВД, а церкви использовались под хранение зерна. В дальнейшем после вывоза зерна из церкви к председателю сельского совета пришла делегация от верующих. Они заявили о желании отремонтировать церковь на свои деньги, найти священника для проведения религиозных мероприятий и предоставили список желающих посещать церковь в количестве 1500 человек. На такие заявления председателю сельского совета Афанасьеву противопоставить было нечего. В результате «церковники победили», говорилось в докладной записке по обследованию Питерского района за 1938 г.²⁸

В сентябре 1937 г. в селе Беттингер²⁹ церковный староста Кремер провёл регистрацию верующих. В результате в его списке оказалось 793 человека. Как только об этом стало известно партийным и советским органам, Кремер был немедленно арестован, а в колхозе проведена «чистка» и «изоляция чуждых элементов»³⁰.

Несмотря на запреты и принимаемые со стороны властей административные, а порой и уголовные меры, активную антирелигиозную пропаганду верующие в предвоенное десятилетие продолжали исповедовать свою религию, соблюдать обряды и праздники. Накануне и в дни Пасхи наблюдались очереди в городские бани и на трамвай, следующие до церкви. На рынке раскупалась вся молочная продукция. В дни религиозных (православных, католических или лютеранских, мусульманских и иудейских) праздников фиксировались массовые прогулы и невыходы на работу, падала производительность труда на предприятиях города. Церковь продолжали посещать люди разных возрастных категорий, в том числе молодежь: «Несмотря на значительные успехи в деле проведения антирелигиозного и интернационального воспитания... почти повсеместно имеет место посещение... церквей и мечетей»³¹. Религиозные подвижники продолжали крестить детей, венчать молодоженов, совершать другие

церковные обряды, во многих семьях имелись иконы.

Репрессивная антицерковная политика Советского государства в 1930-е гг. нанесла огромный урон всем религиозным конфессиям, существовавшим в Саратовском Поволжье. Были отобраны и уничтожены сотни церквей, репрессированы многие священнослужители и верующие, религиозная жизнь приобрела полулегальный и нелегальный характер. Однако варварский «кавалерийский наскок» государства на религию и церковь, на верующих в полной мере реализовать не удалось. Даже в сложнейших условиях антицерковного террора религиозная жизнь продолжалась, приобретая новые формы, помогавшие выжить в трудные времена.

Примечания

- ¹ См., например: Иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Н. Новгород, 1898; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. Саратов, 1906; Саратов в кармане: путеводитель. Саратов, 1910 и др.
- ² Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 г. URL:// <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-normy/n7n.htm> (дата обращения: 07.01.2015).
- ³ О мерах по усилению антирелигиозной работы: циркулярное письмо ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2. См. также: URL:// <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- ⁴ О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL:// <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787> (дата обращения: 07.01.2015).
- ⁵ См.: Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М., 2013. С. 44–46.
- ⁶ Конституция РСФСР 1918 г. URL: См. <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- ⁷ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
- ⁸ Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 362.
- ⁹ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.
- ¹⁰ Там же. Л. 50.
- ¹¹ Там же. Д. 33. Л. 1.
- ¹² Там же. Л. 10.
- ¹³ В 1928–1933 гг. АССР немцев Поволжья входила в состав Нижневолжского края, в 1934–1936 гг. – в состав Саратовского края. С 1937 г. – перешла в подчинение высшим органам власти РСФСР.
- ¹⁴ См.: Герман А. А. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге 1918–1941 гг. Саратов, 2004. С. 304.
- ¹⁵ Марксштадт (до 1919 г. – Екатериненштадт) – ныне г. Маркс Саратовской области.

- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1573. Л. 35–36.
¹⁷ Там же. Д. 1575. Л. 81, 82, 84, 184–190; Д. 1673. Л. 54.
¹⁸ См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 186–190.
¹⁹ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 103–103об.
²⁰ Там же. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
²¹ См.: Герман А. А. Большевистская власть и немецкая автономия на Волге. С. 305.
²² ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
²³ Ныне с. Советское Саратовской области.
²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3055к. Л. 3–4.
²⁵ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1974. С. 47.
²⁶ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 8 и др.
²⁷ Там же. Д. 33. Л. 45.
²⁸ Там же. Л. 66–67.
²⁹ Ныне с. Воротаевка Марковского района Саратовской области.
³⁰ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3076. Л. 52.
³¹ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 325. Л. 32.

УДК 94(470.44/.47)[1953/1985]

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1953–1985 ГОДЫ (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются основные направления реализации жилищной политики в Нижнем Поволжье в 1953–1985 гг. в период хрущевских и брежневских реформ советского общества. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источников, периодической печати.

Ключевые слова: барак, высотка, домоуправление, жилищная кооперация, жилищное строительство, жилая площадь, жилищный вопрос, квартира, квартиросъемщик, коммунальная квартира.

The Housing Policy of the Soviet State in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region)

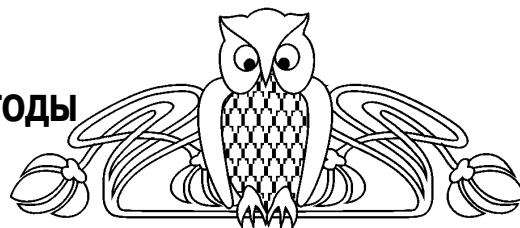
A. A. Gumenyuk

In this article, the main directions of the housing policy in the Lower Volga region in 1953–1985, in the period of Khrushchev's and Brezhnev's reforms, are analyzed. The article is based on the data from the archives and periodical press.

Key words: barack, high-riser, house management, housing cooperation, housing construction, living space, housing problem, flat, house-holder, communal flat.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-100-106

Жилищный вопрос являлся важным компонентом социального развития не только современного Российского, но и Советского государства. Однако вплоть до середины XX в. к его решению законодательство подходило с классовых позиций. Такая модель социального развития позволила большевикам отстоять завоевания Октября в годы Гражданской войны, в стихии рынка эры нэпа, осуществить модернизацию социальной сферы «по-сталински». Однако лишь незначительная часть населения страны смогла действительно улучшить свои жилищные условия. Только воен-

ное лихолетье и вызванные им восстановительные процессы вынудили власть имущих начать проявлять заботу о тех, кто на самом деле нуждался в этом. Тем самым в 1941–1952 гг. был инициирован процесс выделения социального компонента в самостоятельное направление внутренней политики государства. Окончательно эта трансформация завершилась в период «хрущевской оттепели» и последовавшие за ней годы. В результате был выработан комплекс мероприятий, позволявший обеспечивать жилой площадью не только элитарные категории населения, но и широкие массы трудящихся. Опыт решения жилищной проблемы в 1953–1985 гг., несомненно, сохраняет свою актуальность и в современных реалиях российского социума, малоимущие категории которого несомненно нуждаются в существенной поддержке государства. Для этого представляется необходимым обратиться к региональному аспекту проблемы, поскольку использование именно провинциального материала делает возможным воссоздать истинную картину основных вех жилищного строительства исследуемого отрезка времени.

К настоящему моменту уже появились провинциальные исследования по этому вопросу¹, этот аспект также затрагивается в обобщающих работах по истории отдельных областей, республик Нижнего Поволжья². С их учетом и широкой источниковой базы в данной работе будут проанализированы пути решения жилищной проблемы в период первых (1953–1964 гг.) и вторых (1964–1985 гг.) реформ советской системы на материалах Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей и Калмыцкой АССР. Рассмотрим первый из обозначенных этапов.

В начале 1950-х гг. жилищный вопрос в регионе стоял очень остро. Незначительные средства, выделяемые на жилищное строительство, не осваивались³. Темпы возведения домов замедлялись,

снижалось качество их отделки, порождая многочисленное недовольство населения⁴. Поэтому существовавший жилой фонд был существенно переуплотнен, как, например, дом, принадлежащий тресту «Астраханстрой», где даже в комнатах для одиночек проживали семьи, состоящие из пяти–шести человек⁵. В целом на одного жителя Астраханской области приходилось всего два–три квадратных метра полезной площади жилья⁶. Однако наиболее плачевная ситуация с обеспечением населения жилой площадью на Нижней Волге сложилась в Саратовской области, откуда в 1953 г. в приемную Президиума Верховного Совета РСФСР поступило 1987 писем с жалобами по жилищным и трудовым вопросам. От населения других областей рассматриваемого региона было получено несколько меньше таких писем: от жителей Сталинградской области – 1230 и Астраханской области – 1047. В то же время если принимать во внимание ситуацию с жилищным вопросом только в городах, то наиболее плачевной она была в Сталинграде, откуда поступило в 1953 г. 1328 заявлений, а из Саратова только 1176⁷.

Кризисное состояние с обеспечением населения жильем заставило новое советское руководство во главе с Н. С. Хрущевым буквально в первые месяцы после смены власти выступить с рядом законодательных инициатив в данном вопросе. К ним относятся постановления Совета Министров СССР «Об организации торговли стандартными домами» (19 сентября 1953 г.)⁸; «О серьезных недостатках в жилищном и культурно-бытовом строительстве» (15 мая 1954 г.)⁹; «Вопросы организации союзно-республиканского Министерства городского и сельского строительства СССР» (20 августа 1954 г.)¹⁰; «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» (24 августа 1955 г.)¹¹. Делегаты июльского 1955 г. пленума ЦК КПСС в своем постановлении также указывали на необходимость обеспечения «...безусловного выполнения установленного плана жилищного строительства ...»¹² Некоторую отдачу от принятого пакета законов население Нижнего Поволжья ощутило уже к середине 1950-х гг., о чем можно судить по динамике жалоб по жилищным вопросам, поступавшим в эти годы в Президиум Верховного Совета РСФСР. Так, если от населения Астраханской области в 1955 г. было получено 379 жалоб, то в 1955 г. лишь 17; из Сталинградской области соответственно 279 и 54; Саратовской – 476 и 39¹³. В то же время планы жилищного строительства не выполнялись, в частности в Саратове и Сталинграде, где по-прежнему были большие очереди на получение жилья¹⁴. Объяснялось это низкими темпами производства сборных железобетонных конструкций и деталей, особенно в Саратове¹⁵, где в 1956 г. на одного проживающего приходилось меньше жилплощади, чем в других областных центрах на Нижней Волге¹⁶. Не намного лучше было положение и в сильно разрушенном 1941–1945 гг. Сталинграде, жители которого проживали порой

в комнатках от трех до шести метров¹⁷. По этому поводу в центральные органы власти поступало немало жалоб от сталинградцев. Так, например, в конце 1956 г. на имя К. Е. Ворошилова от одной из жительниц этого города было получено письмо такого содержания: «Спасите 4-х детей, живем мы в бывшем блиндаже, нас уже затапливало и отказывала пожарная машина, а сейчас грозит обвал, и моих детей может придавить. Терпим мы давно, но есть всему предел. Жизнь детей поставлена под угрозу. Детям не только нельзя учить уроки, но они все время болеют. Наступившая зима готовит еще страшнее мучения. Помогите матери 4-х детей и спасите их. Дайте нам какое-нибудь жилище»¹⁸. Именно поэтому населению этой области государством стало выделяться больше средств в ходе дальнейшего развития жилищного строительства в стране.

Новый импульс этому строительству придали два постановления Совмина СССР и ЦК КПСС. Первое – «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» – было датировано 4 ноября 1955 г. и настоятельно рекомендовало использовать индустриальные методы строительства (применение сборных конструкций, эффективных строительных материалов, передовых технологий строительного производства). Это по мысли правительства должно было не только ускорить темпы жилищного строительства, но и снизить его себестоимость¹⁹. Второй документ именовался «О развитии жилищного строительства в СССР» (31 июля 1957 г.). В нем жилищное строительство было признано важнейшим направлением политики государства, определена наиболее целесообразная этажность домов (четыре–пять этажей), признано необходимым отказаться от внешней помпезности зданий (башенные надстройки, многочисленные колоннады и портики и т. д.) и сосредоточить внимание на реальном улучшении жилищных условий населения. Тем самым был дан старт первому в истории страны массовому жилищному строительству²⁰.

Выполняя постановления центра, руководство областей и республик Поволжья осуществило значительное расширение производства местных строительных материалов. В Саратове в 1955 г. начал функционировать завод сборного железобетона, были образованы две строительные монтажные конторы и комбинат подсобных предприятий. В итоге в этой области выпуск железобетонных изделий к середине 1960-х гг. возрос в 2,8 раза²¹. Уже на следующий год после преобразования Калмыцкой автономной области в АССР на базе мелких строительных подразделений был создан трест «Калмыкстрой»²², в 1962 г. вступил в строй завод железобетонных изделий мощностью 20 тыс. кубометров железобетона в год. В результате в 1962–1963 гг. производство железобетона выросло в 2,4 раза²³. Созданный в Астрахани в 1957 г. завод стандартного домостроения к концу этого десятилетия ежемесячно производил от

55 до 60 многоквартирных двухкомнатных домов, имевших каркасную конструкцию²⁴. С конца 1950-х гг. завершилось создание мощной базы современной строительной индустрии и в Сталинграде. К началу осени 1960 г. в городе почти все дома сооружались по типовым проектам²⁵. За этот год было построено 34 тыс. кв. м жилой площади из крупнопанельных и крупноблочных строительных конструкций²⁶. По применению железобетона Сталинградская область заняла первое место в стране: на каждый миллион рублей строительно-монтажных работ железобетона приходилось больше, чем в среднем по РСФСР²⁷.

В жилищное строительство стало вкладываться больше средств, которые, как правило, использовались в полном объеме²⁸. Так, для семей калмыков, возвращавшихся на территорию автономии в Элисте и районах, только в 1958 г. на эти цели было выделено 9 млн руб., за счет которых предусматривалось ввести в эксплуатацию 6500 кв. м жилой площади²⁹. Выделялись государством и кредиты под индивидуальное жилищное строительство. Например, в 1955 г. рабочие и служащие предприятий Астраханской области построили на государственные ссуды 470 домов, общая полезная площадь которых свыше 18 тыс. кв. м³⁰. Не последнюю роль в жилищном строительстве играли жилищно-строительные кооперативы. В Саратове они возникли уже в 1959 г., а к 1964 г. только в городе насчитывалось уже 97 кооперативов общей площадью квартир более 200 тыс. кв. м³¹. Менее интенсивно развивалось кооперативное жилищное строительство в Волгограде. Хотя к началу 1962 г. ЖСК имелись во всех районах города, тем не менее, их жилая площадь за 1962–1963 гг. выросла лишь на 78 тыс. кв. м³².

В результате в городах Нижнего Поволжья стали расти новые микрорайоны жилых комплексов. По темпам прироста жилой площади на Нижней Волге лидирующие позиции занимал Сталинград, где на 1 января 1956 г. средняя обеспеченность жилой площадью одного человека составляла 5,18 кв. м, а в Саратове – лишь 4,94. За 1956–1957 гг. в Сталинграде было введено в действие 243,57 кв. м жилой площади, а в Саратове – 161,49³³. Достаточные высокие темпы ввода жилой площади в эксплуатацию сохранялись в Волгограде и в последующем. За 1959–1960 гг. жилой фонд города вырос на 600 тыс. кв. м, около 100 тыс. горожан получили благоустроенные квартиры³⁴. Если в 1961 г. было введено в эксплуатацию 261 тыс. кв. м жилья (исключая жилые дома, построенные в индивидуальном секторе), то в 1963 г. – 285 тыс. кв. м. За 1957–1962 гг. новую квартиру получил каждый пятый житель города, ежегодно в новые квартиры въезжали более 40 тыс. человек³⁵. Возросли объемы жилищного строительства и в других частях Нижнего Поволжья. В Калмыцкой АССР только за 1958 г. было введено в строй около 100 тыс. кв. м жилой площади, или в три раза больше, чем в 1956 г.³⁶

В Астраханской области такое количество жилой площади было построено в 1951–1955 гг., а за 1955–1959 гг. темпы жилищного строительства выросли еще в два раза³⁷. Это были тысячи типовых многоэтажек, так называемых «хрущевок», принявших огромную массу новоселов в новые, хотя и малометражные, но изолированные и вполне благоустроенные квартиры. Каждая такая квартира предназначалась для одной семьи. В них коридоры, ванны, кухни (площадь кухни колебалась от 4,5 до 5,5 кв. м) были сокращены до физиологического минимума, потолки максимально опущены (их высота колебалась от 2,50 м до 2,20 м), лестничные пролеты сужены, мусоропроводы, лифты ликвидированы как «удорожающие» факторы. Самые большие квартиры – трехкомнатные – не превышали 45 кв. м жилой площади. На одного человека выделялось по девять квадратных метров³⁸. Тем не менее именно эти неудобные дома с маленькими комнатами намного снизили остроту жилищного вопроса, позволили людям перебираться из «коммунарок» и домов барачного типа в отдельные квартиры. Особенно это было актуально в Сталинграде, практически полностью разрушенном в годы Великой Отечественной войны. Так, только за 1951–1955 гг. из подвалов, землянок и других помещений, временно приспособленных под жилье, переехали в благоустроенные дома свыше 4500 семей³⁹. К 1962 г. восстановление города завершилось, и составлявшая в 1957–1959 гг. 50–80% одноэтажная индивидуальная застройка постепенно стала уступать место типовым «хрущевкам»⁴⁰.

Улучшились жилищные условия сельских жителей Нижнего Поволжья. Так, в Астраханской области только за 1951–1955 гг. за счет колхозных средств и личных сбережений трудящихся при помощи государственного кредита было построено и введено в эксплуатацию 130,5 тыс. кв. м жилья⁴¹. Строительство жилья на селе продолжалось и в последующем⁴². Значительные размеры приобрело строительство жилья в селах Калмыкии. Только в год образования АССР новоселье отпраздновали 1565 калмыцких семей⁴³. Если в Сталинградской области в целом по всем населенным пунктам в 1956 г. вводилось в эксплуатацию 155 тыс. кв. м жилой площади, то в 1959 г. – уже 300–320 тыс. кв. м⁴⁴. В 1963 г. в целом по области было построено уже 565 тыс. кв. м общей площади жилых домов⁴⁵. В Саратовской области с 1953 г. по 1963 г. в колхозах и совхозах было построено 3,8 млн кв. м жилья⁴⁶. В убранстве домов стали преобладать элементы городского интерьера: кресла, письменные и круглые столы, буфеты, трюмо, ковры, картины, стиральные машины, телевизоры, радиоприемники. Стены домов либо оклеивались обоями, либо штукатурились, либо покрывались краской, как и полы.

Несмотря на большой объем строительства, обеспеченность жильем на селе была низкой, что негативно отражалось на укомплектовании

хозяйств квалифицированными работниками⁴⁷. Возвращавшиеся в родные края калмыки жаловались на проявления бюрократизма при оформлении ссуд на приобретение строительных материалов⁴⁸, а также на факты нарушений при выдаче комплектов для сборных домов, когда одни детали были в избытке, а другие в недостатке⁴⁹. В городах в жилищном вопросе также не все было благополучно. Одной из проблемных областей Нижней Волги в этом отношении являлась Астраханская область, жилой фонд областного центра (1360 кв. м) был значительно меньше Саратова (2280 кв. м) и Сталинграда (2230 кв. м)⁵⁰. На это обратил свое внимание даже Н. С. Хрущев во время своего посещения Астрахани в 1960 г.⁵¹ Действительно, 90% жилого фонда в этом городе было размещено в одноэтажных домах, 70% жилья было возведено еще в 1917 г. и было сильно изношено. Сборный железобетон практически не применялся, поскольку в городе имелось всего несколько мелких заводов и полигонов сборного железобетона общей мощностью 64,0 тыс. куб. м в год⁵². По этой причине качество жилищного строительства было низким, на что неоднократно жаловались жители областного центра⁵³.

Позитивные перемены в жилищной политике стали наблюдаться со второй половины 1960-х гг. В постановлениях ЦК КПСС и Совмина СССР «Об этажности жилых домов, строящихся в городах и поселках» (12 августа 1965 г.) и «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» (28 мая 1969 г.) было заявлено об изменении ориентиров политики в сфере обеспечения населения жильем. На смену уже не отвечавшим требованиям эстетики в градостроительстве и представлениям людей о культуре быта пятиэтажкам должны были прийти девятиэтажные дома⁵⁴. Планировка квартир в них была весьма оригинальна: на каждом этаже с площадки на лестничной клетке дверь вела в своеобразный вестибюль, общий для трех квартир. В этом помещении можно было оставлять громоздкие вещи постоянного пользования. Жильцы таких домов получили все удобства: горячую воду, мусоропровод, лифт. Именно со второй половины 1960-х гг. лифты постепенно переставали становиться редкостью. Проектирование новых домов производилось с учетом природных особенностей, что, например, было актуальным для Калмыцкой АССР⁵⁵. Благодаря применению новых отделочных материалов, стал улучшаться внешний вид жилых домов, их внутренняя отделка⁵⁶. Действительно, масштабы жилищного строительства в регионе значительно выросли, тем более что население городов начиная с начала 1960-х гг. настаивало на увеличении строительства жилых домов⁵⁷. Так, в Калмыцкой АССР в целом жилой фонд за 1966–1970 гг. вырос на 573 тыс. кв. м⁵⁸. В Астрахани в 1965–1968 гг. ежегодно вводилось в строй около 100 тыс. кв. м жилой площади⁵⁹. К концу VIII пятилетки в области было введено в строй 1,4 млн кв. м⁶⁰. Обеспеченность

одного жителя области жильем превысила показатели 1959 г. на шесть–семь квадратных метров⁶¹.

Более высокими темпами шел прирост жилья в Саратовской и Волгоградской областях. За это «золотое» пятилетие жители каждой из этих областей получили более 5 млн кв. м общей площади жилых домов, причем в Волгоградской области даже несколько больше, чем в Саратовской⁶². Лидирующие позиции Волгоградская область удерживала и на протяжении последующих пятнадцати лет, в том числе в сельском жилищном строительстве. Только за 1965–1975 гг. средняя обеспеченность жильем одного сельского жителя этой области возросла на 3,2 кв. м и была выше, чем в соседних областях Нижнего Поволжья⁶³. Улучшения в обеспечении волжан жильем подтверждает и анализ содержания писем, поступавших во власть. Так, первый секретарь Центрального райкома КПСС, выступая на XIII пленуме Волгоградского обкома КПСС (19 декабря 1978 г.), в частности, отметил: «...меры, предпринятые партией и советским правительством по повышению жизненного уровня, материального благосостояния, заметно сказались на изменении характера поступающих писем. Если раньше преобладало количество заявлений о предоставлении жилья, то теперь большинство писем – об улучшении жилищных условий»⁶⁴.

Тем не менее темпы жилищного строительства все же отставали от потребностей населения в новом жилье. Количество семей увеличивалось, они дробились, тремя поколениями под одной крышей больше жить никто не хотел. Большинство семей считало отдельную квартиру со всеми удобствами обязательным жилищным стандартом. Обычным порядком первой квартиры ожидали в очереди 5–7 лет, улучшения жилищных условий 10–15 лет, и битва за жилье растягивалась на долгие годы. Многие градообразующие предприятия легкой, пищевой и других отраслей промышленности практически не вели жилищного строительства, как, например, в Волгоградской и Астраханской областях⁶⁵. В Саратове уже в первой половине 1968 г. в представлении квартир нуждались 41 тыс. семей рабочих. Неполучение ими квартир в течение обещанных руководством заводов двух-трех лет вынуждало их увольняться. Так, в третьем квартале 1968 г. по этой причине уволилось 322 человека, или 12,5%⁶⁶. В Калмыцкой АССР плохо решались вопросы первоочередного предоставления квартир молодым семьям, имеющим детей, а также многодетным семьям⁶⁷. Мало помогали в этом отношении жилищно-бытовые комиссии фабрично-заводских и местных комитетов профсоюзов, призванные оказывать помощь молодым рабочим и служащим в улучшении жилищных условий, а также в приобретении строительных материалов, выделении земельных участков, кредитов. Жилищные кооперативы составляли ничтожное меньшинство. В сентябре 1983 г. один из саратовцев писал по этому поводу:

«Вот уже много лет резко сокращено строительство жилых домов кооперативным способом. Я считаю это большая ошибка, так как государство на этом много теряет. У населения деньги есть, и строить кооперативным способом желающих очень много»⁶⁸. Исключение составляли лишь хозяйственные руководители и советско-партийная верхушка, которые квартирами обеспечивались всегда, приехав на новое место работы, в очередях не стояли, размеры и качество жилья определяла только их должность. Это было прямым нарушением статьи 44 Конституции 1977 г., где говорилось о справедливом распределении жилья под общественным контролем⁶⁹. Именно этого и добивались рядовые коммунисты, обсуждая жилищный вопрос на партсобраниях еще в ходе обсуждения проекта этой Конституции. Некоторые из них предлагали даже исключить вышеупомянутую статью, носящую в условиях неспособности государства обеспечить всех граждан жильем за два-три года больше пропагандистский характер⁷⁰. Замечания и предложения по поводу дальнейшего совершенствования порядка распределения и эксплуатации жилой площади поступали в адрес органов власти в последующие годы⁷¹. Поэтому дефицит квартир становился все острее и к концу рассматриваемого периода превратился в хронический, как в национальном, так и личном масштабе.

Страдало и качество возводимого жилья. В поступающей в областные газеты Нижнего Поволжья почте можно было встретить жалобы населения на то, что «отдельные» дома сдавались с недоделками⁷². Во многом это было следствием низкого качества строительно-монтажных работ, нарушения технических условий. Так, в Калмыкии в 1971–1975 гг. государственной комиссией было принято с оценкой «хорошо» всего 48% объектов жилищно-гражданского строительства и ни одного с оценкой «отлично»⁷³. В Волгограде в первом полугодии 1978 г. из принятых государственными комиссиями в эксплуатацию 79 жилых домов и объектов культурно-бытового назначения значительные недостатки имели 23 объекта на общую сумму 1 млн 175 тыс. руб.⁷⁴ Это подтверждают и слова секретаря парткома домостроительного комбината Астрахани на XIX городской партийной конференции (13 декабря 1983 г.): «Работа домостроителей вызывает много справедливых нареканий. Особенно хромает у нас качество ...»⁷⁵ Причины такого положения вещей кроются в наличии на предприятиях строительной отрасли большого количества малоквалифицированной рабочей силы по своему социальному составу вчерашних колхозников, мигрировавших в города в поисках лучших условий жизни. Многие недоделки таких «горе-строителей» приходилось исправлять самим жильцам, которые вынуждены были буквально сразу же после заселения приниматься за подклейку обоев, подгонку провисших

дверей и другие ремонтные работы. Так действовали, в частности, жители новостроек на востоке Волгограда (поселок Спартаковка)⁷⁶.

На селе жилищное строительство также «пробуксовывало», поскольку потенциал сельских строительных организаций использовался не полностью. Среди нижеволжских областей индустриальное домостроение на селе наибольшее распространение получило только в Саратовской области. В Астраханской и Волгоградской областях дома строили преимущественно из кирпича. Однако и в Саратовской области возможности сельской индустрии использовались лишь на 80%⁷⁷. Вплоть до середины 1970-х гг. слабой была индустриальная база сельского строительства также в Калмыкии⁷⁸. В связи с этим колхозы и совхозы строили новые дома собственными силами так называемым хозспособом, но его применение не могло решить всех проблем, так как сельхозпредприятия не всегда располагали необходимыми для этого средствами. Например, в 1981–1985 гг. в Калмыцкой АССР на одно хозяйство строилось только лишь семь квартир⁷⁹. Поэтому планы жилищного строительства в отдельных частях изучаемого региона не всегда выполнялись⁸⁰. На это влияла и широко распространенная практика отнесения строительства жилья и других социальных объектов на второй после ввода строй предприятий план⁸¹. Тогда к концу рассматриваемого периода на селе имела место некомплексная, некачественная и невыразительная в архитектурном отношении застройка населенных пунктов. По данным переписи 1970 г., в таких «неперспективных» селах Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей проживало 69471 человек⁸². В них всякое жилищное и культурно-бытовое строительство прекращалось, что являлось одной из причин их вымирания. В Саратовской области с 1965 по 1976 г. число сельских населенных пунктов сократилось на 1221, а к концу 1970-х гг. еще на 733. В Астраханской области всего за эти десять лет с административной карты области исчезло примерно 70% сел, их число сократилось с 2286 до 681⁸³.

Приведенные выше наблюдения служат неоспоримым доказательством того, что к 1985 г. в решении жилищной проблемы были достигнуты значительные результаты. К концу «хрущевской эры» большое количество людей было переселено из коммуналок и домов барачного типа в пятиэтажные хрущевки, а со второй половины этого десятилетия – в более благоустроенные «брежневские» высотки. Не одна тысяча семей получила квартиру со всеми удобствами и в сельской местности. Это было несомненным достижением социальной политики руководства Нижнего Поволжья и всей страны. Особенно востребованными эти меры были для населения разрушенного почти до основания в годы Великой Отечественной войны Волгограда, а также

образованной в 1957 г. Калмыцкой автономии. Но из-за неприоритетного финансирования всей социальной сферы (основные капиталовложения направлялись в оборонную и тяжелую промышленность) советско-партийными органами не уделялось должного внимания развитию ЖКХ, выделению кредитов застройщикам, получению земельных участков под жилье. Страдало и качество возводимых новых домов. Но все это не может умалить огромной работы, осуществленной в стране и регионе в 1953–1985 гг. по строительству бесплатного жилья. Сама постановка задачи и ее решение были социальным приоритетом и несомненным крупным успехом советской социальной политики. Возводимые тогда дома и ныне составляют основу жилого фонда многих городов Нижнего Поволжья.

Примечания

- ¹ См.: *Козырев М. Ф.* Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию сельского строительства за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1989; *Гуменюк А. А.* Жилищное строительство в Саратовской области в 1953–1985 гг.: свет и тени проблемы // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2005. Вып. II. С. 157–167; *Гуменюк А. А.* Жилищно-коммунальное строительство в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья) // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 4. С. 83–93; *Перцев В. А.* Государственная политика в социальной сфере и материальное положение населения РСФСР. Вторая половина 1950-х – 1980-е годы. (На материалах областей Центрального Черноземья): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Воронеж, 2013.
- ² См.: 50 лет под знаменем Октября. Элиста, 1967; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970; Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985; Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград, 1985; История Астраханского края. Астрахань, 2000.
- ³ См., например, Волга. 1953. 11. 12. Л. 3.
- ⁴ См., например, Сталинградская правда. 1953. 3 нояб. Л. 3; 28 нояб. Л. 3.
- ⁵ Волга. 1953. 21 окт. Л. 3.
- ⁶ История Астраханского края. С. 835.
- ⁷ См.: ГАРФ. Ф. А-385, оп. 25, д. 149, л. 16–18.
- ⁸ См.: РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 26, л. 124–124 об.
- ⁹ Там же. Д. 17, л. 139–139 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 5, л. 28–31 об. В развитие этого постановления 24 августа 1954 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР «Об образовании союзно-республиканского Министерства городского и сельского строительства СССР» (РГАНИ. Л. 2).
- ¹¹ Там же. Д. 30, л. 79 об.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955 гг. М., 1985. С. 528.
- ¹³ См.: ГАРФ. Ф. А-385, оп. 25, д. 150, л. 19, 19 об., д. 151, л. 34, 34 об.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 18, л. 61.
- ¹⁵ ГАНИСО. Ф. 5491, оп. 4-а, д. 2, л. 93–94.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. А-314, оп. 3, д. 1389, л. 8.
- ¹⁷ Сталинградская правда. 1956. 14 янв. Л. 3.
- ¹⁸ РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 18, л. 71.
- ¹⁹ Там же. Л. 41.
- ²⁰ Там же. Д. 19, л. 2–23.
- ²¹ *Гуменюк А. А.* Жилищное строительство в Саратовской области в 1953–1985 гг.: свет и тени проблемы. С. 159.
- ²² *Городовиков Б. Б.* Под руководством партии Ленина // 50 лет под знаменем Октября. Элиста, 1967. С. 35; Советская Калмыкия. 1957. 11 авг. Л. 3.
- ²³ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 363.
- ²⁴ Волга. 1959. 5 янв. Л. 3.
- ²⁵ См.: Молодой ленинец. 1956. 11 марта. Л. 4; Сталинградская правда. 1956. 6 янв. Л. 1; Советская Калмыкия. 1959. 12 дек. Л. 3; РГАНИ. Ф. 13, оп. 1, д. 786, л. 1–2.
- ²⁶ РГАНИ. Ф. 13, оп. 1, д. 786, л. 22.
- ²⁷ Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. С. 435.
- ²⁸ См., например, Советская Калмыкия. 1957. 15 нояб. Л. 3.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. А-259, оп. 42, д. 1959, л. 27.
- ³⁰ Волга. 1956. 8 февр. Л. 1.
- ³¹ *Гуменюк А. А.* Жилищно-коммунальное строительство в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья). С. 85.
- ³² См.: Волгоградская правда. 1962. 7 февр. Л. 3. 25 дек. Л. 2. 1964. 22 янв. Л. 2.
- ³³ РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 18, л. 87; ГАНИСО. Ф. 138, оп. 14, д. 99, л. 44, 98.
- ³⁴ Советская Калмыкия. 1961. 14 окт. Л. 3; РГАНИ. Ф. 13, оп. 1, д. 786, л. 2.
- ³⁵ См.: Волгоградская правда. 1962. 2 февр. Л. 1. 18 нояб. Л. 3. 1964. 22 янв. Л. 2.
- ³⁶ *Городовиков Б. Б.* Указ. соч. С. 35.
- ³⁷ См.: Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. С. 477, 498.
- ³⁸ *Гуменюк А. А.* Жилищно-коммунальное строительство в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья). С. 86.
- ³⁹ Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. С. 416.
- ⁴⁰ См.: Волга. 1962. 18 нояб. Л. 3; РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 21, л. 76.
- ⁴¹ Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. С. 498.
- ⁴² См.: Волга. 1956. 28 нояб. Л. 1. 1962. 19 дек. Л. 3. 1983. 7 окт. Л. 4.
- ⁴³ Советская Калмыкия. 1957. 13 нояб. Л. 3.
- ⁴⁴ Сталинградская Правда. 1959. 26 дек. Л. 2.
- ⁴⁵ Волгоградская правда. 1964. 22 янв. Л. 2.
- ⁴⁶ Коммунист. 1964. 13 сент. Л. 1.
- ⁴⁷ См.: Волга. 1956. 12 янв. Л. 3; Советская Калмыкия. 1957. 17 сент. Л. 1; Пленум ЦК КПСС (10–18 янв. 1961 г.). Стенографический отчет. М., 1961. С. 312; Коммунист. 1962. 20 окт. Л. 3.
- ⁴⁸ Советская Калмыкия. 1957. 14 сент. Л. 3.
- ⁴⁹ Советская Калмыкия. 1957. 24 сент. Л. 3. 26 сент. Л. 3.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. А-314, оп. 3, д. 1389, л. 8.

- ⁵¹ См.: Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. Т. 4. Май 1959 г. – Февраль 1961 г. М., 1963. С. 139–140.
- ⁵² ГАРФ. Ф. А-259, оп. 42, д. 6028, л. 30–31, 85.
- ⁵³ См.: Волга. 1959. 17 дек. Л. 3. 1964. 21 нояб. Л. 2.
- ⁵⁴ См.: РГАНИ. Ф. 3, оп. 31, д. 23, л. 56, 57; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 7. Июль 1968–1969 гг. М., 1970. С. 459–471.
- ⁵⁵ См.: Коммунист. 1966. 25 окт. Л. 4. 1968. 30 янв. Л. 4. 8 февр. Л. 4. 1970. 24 марта. Л. 4; Советская Калмыкия. 1966. 12 марта. Л. 4. 1983. 1 окт. Л. 3.
- ⁵⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594, оп. 17, д. 149, л. 8; Волга. 1983. 12 дек. Л. 2.
- ⁵⁷ См.: Гуменюк А. А. Жилищно-коммунальное строительство в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья). С. 163.
- ⁵⁸ Советская Калмыкия. 1971. 20 февр. Л. 2.
- ⁵⁹ Волга. 1968. 29 июня. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. 1971. 22 янв. Л. 2.
- ⁶¹ История Астраханского края. С. 835.
- ⁶² См.: Волгоградская правда. 1971. 23 янв. Л. 2 ; ГАНИСО. Ф. 594, оп. 11, д. 94, л. 73.
- ⁶³ Подсчитано по: Петрова В. Я. Проблемы сельского быта в деятельности партийных организаций Нижнего Поволжья (1965–1975) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1988. С. 51.
- ⁶⁴ Волгоградская правда. 1978. 20 окт. Л. 2.
- ⁶⁵ См.: Молодой ленинец. 1984. 31 дек. Л. 1; РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 314, л. 11, 12.
- ⁶⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 6164, оп. 8-пр., д. 165, л. 8, 13.
- ⁶⁷ Советская Калмыкия. 1983. 4 марта. Л. 3. 29 окт. Л. 3.
- ⁶⁸ ГАНИСО. Ф. 594, оп. 32, д. 140, л. 131.
- ⁶⁹ См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. М., 1977. С. 17.
- ⁷⁰ Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 164.
- ⁷¹ См., например: Волгоградская правда. 1978. 20 окт. Л. 2.
- ⁷² См.: Комсомолец Каспия. 1968. 13 апр. Л. 3; Коммунист. 1973. 17 янв. Л. 4. Волгоградская правда. 1981. 7 янв. Л. 4.
- ⁷³ Советская Калмыкия. 1976. 7 февр. Л. 2.
- ⁷⁴ Волгоградская правда. 1978. 20 окт. Л. 2.
- ⁷⁵ Волга. 1983. 13 дек. Л. 2.
- ⁷⁶ Волгоградская правда. 1983. 24 нояб. Л. 4.
- ⁷⁷ Козырев М. Ф. Указ. соч. С. 35, 155–156.
- ⁷⁸ Советская Калмыкия. 1976. 23 окт. Л. 3.
- ⁷⁹ Там же. 1986. 25 янв. Л. 2.
- ⁸⁰ Там же. 1983. 16 дек. Л. 1; Волга. 1986. 7 февр. Л. 3.
- ⁸¹ См.: Волгоградская правда. 1981. 11 нояб. Л. 1. Волга. 1983. 18 дек. Л. 3. 20 дек. Л. 2.
- ⁸² Подсчитано по данным: Москвитина Р. А. Партийное руководство культурно-просветительной работой на селе в условиях развитого социализма (на материалах областей Нижнего Поволжья. 1966–1975 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1981. С. 97.
- ⁸³ Гуменюк А. А. Жилищно-коммунальное строительство в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Поволжья). С. 92.

УДК 94(47)

НАСЛЕДИЕ УЕКА – В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ САРАТОВСКОЙ ТАТАРСКОЙ ОБЩИНЫ

К. А. Аблязов

Институт истории Академии наук Республики Татарстан,
Саратовское отделение научного совета по проблемам
татароведения
E-mail: main@narat.ru

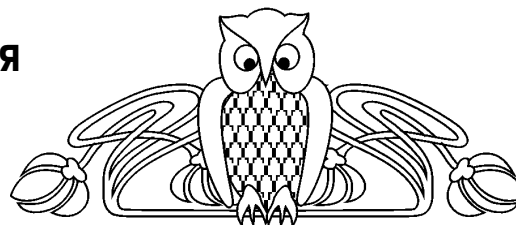
В статье рассматривается научно-организационная деятельность Региональной татарской национально-культурной автономии Саратовской области по спасению богатого историко-культурного наследия одного из важнейших городов Золотой Орды, по вовлечению этого наследия в гуманитарный ресурс будущего Саратова и региона.

Ключевые слова: Уек, Увекское городище, Золотая Орда, Саратов, татарская община.

The Heritage of Ukek – in the Focus of Attention of the Saratov Tatar Community

К. А. Ablyazov

This article presents the scientific and organizational activity of the Regional Tatar National and Cultural Autonomy of the Saratov Region in saving the rich historical and cultural heritage of one of the most important cities of the Golden Horde, and in the involvement of this

heritage in the humanitarian resource of the future of Saratov and the region

Key words: Ukek, Uvek ancient settlement, Golden Horde, Saratov, Tatar community.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-106-109

В последние 20–25 лет расположенное на южной окраине Саратова Увекское городище, сложившееся на месте золотоордынского города XIII–XIV вв. под названием «Укек», неоднократно становилось объектом живого интереса и внимания местной общественности. Это отрадный факт. Он говорит о том, что в историческом сознании наших соотечественников утверждается, хотя и медленно, понимание того, что созданное в 40-е годы XIII в. Бату-ханом государство, известное под названием «Золотая Орда», было,

во-первых, развитым для своего времени государственным образованием, во-вторых, оно явилось одной из исторических форм государственности, сыгравшей немаловажную роль в процессе формирования многонационального Российского государства.

В этом благородном деле восстановления искусственно прерванной некогда «связи времён» участвовали многие наши земляки-саратовцы, люди разных национальностей, профессий, общественного положения и т. д. Среди этих людей мы с особой теплотой и благодарностью вспоминаем имя крупного учёного-археолога Валерия Григорьевича Миронова. Именно он, будучи председателем Саратовского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, выступил на рубеже 1980–1990-х гг. с предложением об обеспечении государственной охраны Увекского городища и о возобновлении исследований на этом всемирно известном историко-археологическом объекте. Среди множества лиц и организаций, к которым Валерий Григорьевич обращался за поддержкой, оказалось и созданное в мае 1989 г. Саратовское татарское общественное культурно-просветительское объединение (СТОКПО) «Идель» (председатель совета объединения Ф. А. Рашитов). Здесь он нашёл полное понимание и поддержку. Началось сулившее много добрых результатов сотрудничество, которое, к сожалению, было прервано преждевременной смертью В. Г. Миронова.

Однако посеянные им и его коллегами семена не пропали, они вскоре стали давать плоды. Коллеги, ученики В. Г. Миронова (В. М. Малов, К. В. Моржерин и др.) понемногу стали подбираться к ещё сохранившимся сокровищам городища. В областном музее краеведения была создана экспозиция, посвящённая Укеку. Большую и весьма плодотворную работу на поселениях, окруживших Укек (Хмелёвка и др.), провёл археолог из Казанского университета Л. Ф. Недашковский.

Татарская общественность с большим интересом следила за этими добрыми начинаниями по мере своих возможностей помогала инициаторам и энтузиастам. Это и понятно, ибо хорошо известно, что Золотая Орда была, по сути, татарским государством, тем сосудом, в котором формировалась и сложилась татарская народность. В Уставе СТОКПО «Идель» в качестве одной из основных задач постулировались «изучение и пропаганда исторического прошлого татарского народа, в особенности истории расселения и жизни татар в Саратовском крае»¹.

В ноябре 1993 г. по инициативе Совета объединения «Идель» в помещении Саратовского областного музея краеведения (СОМК) была проведена межрегиональная научно-практическая конференция, приуроченная к 750-летию основания Золотой Орды. В работе конференции, наряду с саратовцами, приняли участие учёные Казанского университета: доктора исторических

наук А. Г. Мухамадиев и И. Р. Тагиров, археолог Л. Ф. Недашковский. Высокий статус и значение данного мероприятия определялись по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, один из казанских гостей, профессор Индус Ризакович Тагиров, на состоявшемся годом ранее I Всемирном конгрессе татар был избран на высокий пост председателя исполкома ВКТ. Во-вторых, это была, по сути, первая в постсоветской России научная конференция, посвящённая истории Золотой Орды. Понятно, что на данной конференции вопросы сохранения и изучения Увекского городища занимали центральное место.

Примерно в это же время доцентом В. Г. Мироновым при содействии научных сотрудников СОМК были выявлены и систематизированы рукописи разных авторов по Укеку и Увекскому городищу из так называемого «архива Кроткова». Эти рукописи, часть которых ранее нигде не публиковалась, часть извлечена из ставших библиографической редкостью публикаций, охватывали примерно 100-летний период наблюдений и исследований, с 1820 по 1920-е годы начиная с академика Х. Френа и кончая профессором П. С. Рыковым. Было решено издать этот уникальный материал на средства объединения «Идель». К сожалению, осуществить тогда данный проект не удалось в силу разных причин, среди которых отсутствие финансирования занимало главное место.

Тем не менее интерес к Укеку не угас. О нём много рассказывалось на уроках учащимся открытой в 1995 г. Национальной татарской гимназии. В учебный план гимназии был введён специальный курс «История татарского народа». Постоянно проводились экскурсии учащихся в музей краеведения с целью ознакомления с экспозицией, посвящённой Укеку. В самой татарской общине появились люди из формирующегося предпринимательского слоя, живо интересующиеся историей родного края, искренне болеющие за сохранение культурно-исторического наследия. В числе таких людей можно назвать К. А. Аблязова, Р. А. Абубекерова, Э. А. Ганеева, М. Ш. Сулейманова, М. Ф. Фаизова, Ф. З. Хамидуллина и др.

Поиски реальных путей и способов решения названных задач привели к мысли поставить на Увекском городище памятный знак, посвящённый Укеку. Идея нашла воплощение в апреле 1997 г., когда на склоне горы Каланча в торжественной обстановке председатель Кабинета министров Республики Татарстан Ф. Х. Мухаметшин, приехавший в Саратов по приглашению губернатора Д. Ф. Аяцкова во главе правительственной делегации, и представители местной татарской общественности открыли стелу с соответствующей надписью. Эта акция имела большое общественно-политическое значение, вызвала новый всплеск интереса к Укеку. По инициативе татарской автономии и Саратовской губернской торгово-промышленной палаты в 2000 г. была создана рабочая группа для изучения культурно-

туристического потенциала Увекского городища, проводились круглые столы². В Саратовском техническом университете негосударственным фондом «Средневековые города Поволжья» и татарской общественностью при участии Саратовской губернской торгово-промышленной палаты был проведён конкурс студенческих работ «Средневековый город Укек»³. В то же время в национальной татарской гимназии (НТГ) создаётся учебный кабинет по истории и культуре татар Саратовского Поволжья. Укекская тема занимает в экспозиции кабинета достойное место.

Всё эти начинания и дела, безусловно, нужные и продуктивные, но разрозненные, нуждались в координации и курировании. Эту функцию взяла на себя созданная в 1999 г. Региональная татарская национально-культурная автономия (РТНКА) Саратовской области (председатель совета Камилль Алимович Аблязов).

Под эгидой РТНКА в 2001 г. были начаты разведочно-археологические исследования на Алексеевском и Увекском городищах⁴. В связи с приближающейся «круглой» датой – 750-летием со дня посещения посланником французского короля Гильомом де Рубруком «нового посёлка на Этилии» (1253 г.) – было решено провести несколько научных конференций по Укеку. Первая из них, созданная по инициативе Совета РТНКА Саратовской области, поддержанная Правительством области и Саратовской ГТПП, состоялась в марте 2002 г. в помещении губернской торгово-промышленной палаты. В работе конференции приняли участие несколько десятков учёных из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Балашова, Волгограда, Саратова. В резолюции, принятой по завершении конференции, недвусмысленно и чётко констатируется: «Представленные на конференции научные материалы указывают на огромную роль золотоордынского Укека вместе с его округой в становлении городской конгломерации «Большой Саратов» на протяжении ряда столетий. В этой связи выявляется актуальность рассмотрения истории Саратова как длительного и единого естественно-исторического процесса становления и совершенствования городской цивилизации с учётом вклада различных этносов – тюрко-татар, славян и угро-финнов – в данный процесс»⁵.

Конференция 2002 г. явилась, по сути, первым в истории крупным научным форумом, посвящённым Укеку. В следующем 2003 г. состоялась вторая научно-практическая конференция по археологии и истории золотоордынского города. Она определила в качестве временного отрезка процесса возникновения Укека примерно десятилетний период между 1253 и 1262 гг. Последний, как известно, является датой посещения города «Укак» отцом и дядей автора «Книги Марко Поло».

В том же 2003 г. по инициативе РТНКА Саратовской области было открыто Саратовское отделение Научного совета по проблемам

татароведения при Институте истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Приказ об открытии Отделения подписал директор Института истории Р. С. Хакимов. Руководителем Отделения назначен профессор Ф. А. Рашитов. Отделение взяло на себя работу по организации и координации татароведческих исследований в Саратовском крае.

Укек был достойно представлен на международной научной конференции «Великий Волжский путь (2000–2002 гг.)», приуроченной к 1000-летию Казани. В Саратове состоялось одно из заседаний конференции, были заслушаны доклады местных историков-краеведов. Среди них – доклад доктора истор. наук, профессора Ф. А. Рашитова «Золотоордынский город Укек на Великом Волжском пути»⁶.

В апреле 2006 г. Отделением под эгидой РТНКА Саратовской области была проведена третья конференция по Укеку на тему: «Средневековый Укек в историко-культурном пространстве региона». В работе этой межрегиональной конференции приняли участие и выступили с докладами ведущие археологи Казани – член-корреспондент АН РТ доктор исторических наук Ф. Ш. Хузин и кандидат исторических наук А. Г. Ситдилов, а также саратовские учёные Н. М. Малов, Ф. А. Рашитов, Р. А. Сингатулин, А. В. Балановский и др.

Предпринятые национально-культурной автономией и научной общественностью усилия по «оживлению» Укека вызвали положительную реакцию не только в России, но и со стороны международных организаций.

Так, в 2004 г. в Саратове побывали эксперты ЮНЕСКО с целью изучения возможности придания Увекскому городищу статуса охраняемого объекта всемирного наследия, а в 2005 г. для участия в рамочной программе Европейского Союза в области цифрового культурного наследия был подготовлен проект «Виртуальный Укек», представленный в итальянском городе Флоренция⁷. К сожалению, эти действия не имели продолжения и последствий. Местное сообщество не проявило в этом вопросе должной настойчивости. Тем не менее археологические изыскания на городище с 2001 г. не были прерваны и продолжают по настоящее время. В 2013 г. РТНКА Саратовской области инициировала археологические исследования на городище «Увек» в связи с проведением монтажных работ по организации web-мониторинга на всей территории археологического памятника. Планируется, что к концу 2015 г. web-камеры, размещённые на территории Увекского городища, будут находиться в свободном интернет-доступе.

Историко-культурное наследие Укека оказалось настолько богатым, что в начале XXI в., несмотря на нанесённый природными и человеческими факторами урон, оно продолжает существовать⁸. Культурно-символический потенциал татарского города средневековья может быть в

значительной степени восстановлен, с дальнейшим использованием его в прокладке стратегии региона. В результате Укек может и должен стать одним из главных культурно-исторических символов региона⁹. В этом плане он несколько не уступает другим символам, таким, например, как здание Консерватории, Художественный музей имени А. Н. Радищева, Парк Победы на Соколовой горе и др. Местному сообществу следует принять все меры к тому, чтобы восстановить культурно-историческое наследие Укека¹⁰, повысить его роль в качестве одного из гуманитарных ресурсов будущего Саратова и региона.

Примечания

- ¹ Рашитов Ф. А. «Сары-тау» по-татарски : К 20-летию объединения «Идель». Саратов, 2009. С. 187.
- ² Сингатулин Р. А. Проекты музейных комплексов для Увекского городища (исторический обзор) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). М., 2014. № 5, т. 1. С. 458–464.
- ³ Сингатулин Р. А. О проекте Саратовского технического университета «Особенности реконструкции поселка «Увек»» // Международный научно-исследовательский журн. Екатеринбург, 2014. № 3–1 (22). С. 99–102.
- ⁴ Plotnikov P. C., Singatulin R. A., Ramsaev A. P., Dremov I. I. Application of the method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeological tracks and rests of constructions in urbanist's conditions // Fourth Intern. Symposium Turkish-German Joint Geodetic Days. Berlin : Grunding, 2001. P. 339–345.
- ⁵ Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 марта 2002 г.). Саратов, 2003. 92 с.
- ⁶ Великий Волжский путь : История формирования и развитие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. отв. ред. Р. Р. Хайрутдинов / АН Республики Татарстан ; Институт истории; КазанГУ. Казань, 2002. 396 с.
- ⁷ Singatulin R. A., Rashitov F. A. The Project Virtual UKEK // EVA 2005 Florence Electronic Imaging & the Visual Arts. URL : <http://vasari.co.uk/eva/florence2005> (дата обращения : 15.03.2010).
- ⁸ Аблязов К. А. Укек (Увек) – 750 лет (1262–2012 гг.). Саратов, 2011. 44 с.
- ⁹ Рашитов Ф. А. Укек – Саратов на Великом Волжском пути // Поволжский торгово-экономический журн. 2007. № 1. С. 15–17.
- ¹⁰ Рашитов Ф. А. Возвращение Укека // Волга-XXI. 2012. № 9–10. С. 235–239.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Осторожно, родина России! Рецензия на книгу: Сингаевский В. Н. Новгород, Псков, Пушгоры. Путеводитель. М. ; СПб., 2009. 224 с.

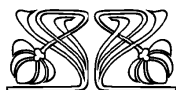
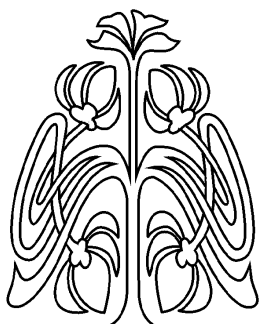
Эту книгу мы впервые увидели в руках у туриста в псковском Мирожском монастыре. Бросилось в глаза яркое, современное оформление издания, внешне напоминающее популярные в мире путеводители издательства «Дорлинг Киндерсли». С удовлетворением отметили, что и у нас появились путеводители, которые позволяют не только прочитать описание памятников, но и увидеть их почти в объемном изображении, путеводители, которые ведут любознательного путешественника шаг за шагом по городским достопримечательностям, выделяя главное, содержат полезную для путешественника практическую информацию. Появилось желание поближе познакомиться с книгой, в которой речь идет о замечательных русских городах Великом Новгороде и Пскове, которые сегодня называют родиной России, о священной для каждого соотечественника земле Пушкиногорья.

Приятно держать в руках желанную книгу, обещающую максимум полезной и интересной исторической, культурной, географической информации, дающую дельные советы о транспортной и туристической инфраструктуре: как добраться, где остановиться, где поесть, что купить. На красочной обложке некоторое недоумение вызывает название, которого нет на карте нашей страны – «Пушгоры». Конечно, жители известного псковского райцентра Пушкинские Горы в бытовом общении сокращают название своего посёлка. Однако трудно представить на обложке путеводителя панибратское «Питер» вместо Петербурга или «Нижний» вместо Нижнего Новгорода. Знакомство с разделом «Содержание» вызывает уже почти раздражение: под изображением дома поэта в Михайловском нелепая надпись: «Дом-музей им. (так!) А. С. Пушкина. Пушгоры». И это в книге, над которой трудились три столичных издательства: «Полигон» (Санкт-Петербург), «Астрель», «АСТ» (Москва), у которой кроме автора обозначены два редактора, корректор и «ответственный за выпуск».

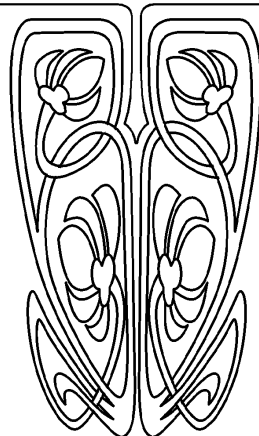
Текст книги, действительно, содержит разнообразную и в целом полезную информацию, неплохо продуманы рубрики, исторические описания, претендующие на достоверность, отделены от легенд и преданий. Сравнительно небольшая по объему книга максимально насыщена фактическим материалом и богато иллюстрирована.

Однако вчитываясь в текст путеводителя, приходишь к печальному заключению: В. Н. Сингаевский имеет смутное представление об истории русской средневековой архитектуры и искусства. Пытаясь объяснить общие правила построения православных храмов, автор впадает в рассуждения об «архитектурных стилях православной России», которые могут ввести в заблуждение неискушенного читателя. Вот некоторые примеры «странных» определений: «Неф – продольная часть храма, отделенная от соседнего аркадой или лопаткой на поверхности стены»; «Лопатка – плоский вертикальный уступ в стене»... Световой барабан с легкостью превращается в «светлый барабан», сюжет Спас в Силах – в Деисус, а икона «Деисусный чин и молящиеся новгородцы» – просто в «Молящихся новгородцев». Впрочем, в дальнейшем автор избегает давать характеристику архитектурно-художественных особенностей памятников, ограничиваясь сведениями о времени строительства и перестроек. Во всяком случае, в книге не находится сколько-нибудь вразумительной характеристики специфики новгородского и псковского зодчества, а равно и иконописи.

Может быть, автор, не являясь специалистом в искусствоведении, силён в истории? Увы, знакомство с разделами «Основные вехи истории» («Страницы истории») скорее свидетельствует об обратном.

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Сама подборка исторических фактов выглядит случайной, а количество ошибок и неточностей слишком велико.

Заявления о том, что Новгород – самый древний русский город, а Ярослав Мудрый в 1019 г. даровал Новгороду независимость от Киева и наделил правами вольного города, еще можно расценить как «вольности» автора-популяризатора, однако хорошо известно, что древнейшая датированная русская книга Остромирово Евангелие написана не в 1067, а в 1056–1057 гг. (с. 12), суздальцы осаждали Новгород не в 1169, а в 1170 г. (с. 13, ср. с. 24), а епископом в Новгороде в это время был не Илия, а Иоанн (с. 56), притом сам князь Андрей Боголюбский не «напал на Новгород»: войско возглавлял его сын Мстислав. Заказчик знаменитой церкви Спаса на Нередице князь Ярослав Владимирович не был отцом Александра Невского (с. 80). В 1234 г. войска Ливонского ордена не подходили к Старой Руссе и тем более не захватывали её (с. 90). В битве на реке Шелони московское войско возглавлял не Дмитрий, а Даниил Дмитриевич Холмский (с. 15). Ивану Грозному «донесли» об «измене» новгородцев явно не в 1570 г. (с. 29), ибо он отправился в опричный поход на Новгород в начале зимы 1569/1570 г. Некорректным является выражение «шведско-польская оккупация Новгорода» (с. 25, 70) применительно к Смутному времени и т. д.

Информация по истории Пскова тоже не всегда корректна. Повесть временных лет не содержит упоминания о Пскове под 862 годом (с. 106). Осада Стефаном Баторием Пскова в 1581 г. относилась не к началу, а к концу Ливонской войны (с. 109). Автор явно не в ладах с хронологией Ливонской войны: на одной странице (с. 133) продолжительность осады Пскова Стефаном Баторием трижды (!) указывается по-разному: девять месяцев, шесть месяцев, 30 недель. Чему должен верить читатель? Пожар в Пскове, приведший к разрушению стен, произошел 15 мая 1609 г., а не в 1607 году (с. 119). Шведский полководец Ивер Горн (так в русских источниках называют Эверта Горна) не мог быть пленен под Псковом 15 августа 1615 (с. 145), ибо был убит за полмесяца до этого. Шведский король Густав Адольф на с. 145 назван Густавом II, а на с. 182 – Карлом Густовом. Трудно догадаться, что речь идет об одном и том же монархе. О какой «подготовке» к Северной войне в 1701 г. можно говорить (с. 114), если война началась в 1700 г.?

В путеводителе слишком много противоречивых указаний, способных дезориентировать путешественника. Сначала автор утверждает, что новгородское вече «бурлило» у стен Софийского собора (с. 22), а затем указывает, что вечевая площадь находилась на Ярославовом дворище, «между Никольским собором и церковью Параскевы Пятницы» (последнее уточнение едва ли верно).

В описании главной святыни Новгорода Софийского собора помещены изображения царских врат и мозаики (Григорий Нисский) из Софийского собора в Киеве (с. 22–23). Здесь же старая фотография церкви Входа в Иерусалим выдается за изображение Софийского собора.

Новые сюрпризы ожидают читателя при описании музейных собраний Новгорода. Сначала указано, что собрание картин русских художников XVIII–XX вв. находится в здании Присутственных мест (с. 30), а через десять страниц «уточняется», что это собрание с 2001 г. размещается в бывшем здании Дворянского собрания на Софийской площади. Автор известной картины «Открытие памятника “Тысячелетие России” в Новгороде в 1862 году» на с. 16 назван Б. П. Виллевалде, а на с. 30 – П. Б. Виллевалди. Новгородский Зверин монастырь на с. 31 превратился в «Звериный монастырь». Местоположение так называемого двора Марфы Посадницы указано на углу Московской и улицы Большевиков (с. 59), но улицы с таким названием в современном Новгороде не существует. На с. 93 текст оборван на полуслове, и читатель напрасно будет искать продолжение.

Внимательный читатель едва ли поймет справа или слева от Крома протекает река Пскова (с. 105), а далее обязательно столкнется с трудностями при изучении плана Окольного города в Пскове, помещенного на с. 124–125. Церковь Успения Богородицы с Полонища указана здесь под двумя разными номерами и оба раза не на своём месте! Утверждение о том, что церковь Василия на Горке «представляет собой единственный сохранившийся памятник культовой архитектуры Пскова начала XV века» (с. 127), давно оспорено специалистами, а современный вид палат Подзноевых не соответствует описанию и фотографии, приведенным в путеводителе (с. 139). Когда же хрестоматийная фотография псковского Крома помещается в разделе «Окраины Пскова» с подписью «Снеогорский монастырь» (с. 157), у уважающего себя читателя не может не возникнуть вопроса: был ли когда-нибудь автор путеводителя в Пскове и Новгороде, видел ли описываемые памятники? А на следующей странице вид Снеогорского монастыря опять не соответствует действительности, как и в третий раз на с. 162. Автор явно не был и в Порховской крепости, ориентация башен которой перепутана (с. 183). Прекрасные музеи Новгородчины: Кончанское-Суворовское, дом музей Г. И. Успенского в Сябренницах, музей Северо-Западного фронта в Старой Руссе в путеводителе даже не названы.

Да и стоит ли господину Сингаевскому ехать в Новгородскую и Псковскую глубинку? Обратившись к Интернету, где рекламируется дюжина книг В. Н. Сингаевского, нетрудно узнать, что он тяготеет к описанию мировых шедевров архитектуры и живописи. На его счету многочисленные путеводители по Эрмитажу, Лувру, Прадо, му-

зеям Ватикана, по Москве, Санкт-Петербургу, Киеву, Сочи и т. д. Однако после знакомства с путеводителем по Новгороду и Пскову уже не возникает желания читать другие книги этого автора.

Критикуя издание Сингаевского за явные недостатки, все-таки нельзя не признать, что оно несет полезную информацию. Оно претендует на звание путеводителя нового поколения. Реклама на последней странице выделяет «специально изготовленные трехмерные изображения важнейших памятников». Действительно, Детинец, Ярославово Дворище, Юрьев монастырь в Новгороде неплохо прорисованы, хотя рисунки не достигают уровня иллюстраций в путеводителях «Дорлинг Киндерсли». Псковские памятники уже не заслужили качественной прорисовки, а попытка представить объемное изображение Псково-Печерского монастыря просто безобразна. В отличие от серьезных путеводителей в рецензируемом издании отсутствует указатель.

Изучая новый путеводитель, невольно сравниваем его с прежними книгами о старых русских городах. Они не были такими яркими и богато иллюстрированными, в них не содержалось сведений о транспорте, магазинах и ресторанах. Однако они писались специалистами, влюбленными в свое дело знатоками: Юрием Павловичем Спегальским, Михаилом Константиновичем Каргером, Николаем Николаевичем Ворониным, Георгием Карловичем Вагнером и др. Это были профессионалы с большой буквы. Именно профессионализма недостает новому изданию В. Н. Сингаевского. Уникальные для нашей страны памятники Северо-Запада заслуживают более осторожного и внимательного отношения и тщательного профессионального описания.

С. А. Мезин,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Соединенное Королевство и Европейский Союз в начале XXI столетия. Рецензия на книгу: Андреева Т. Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона – Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.) / отв. ред. : Н. К. Арбатова, К. П. Зуева. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 190 с.

Сфера научных интересов автора – интеграционная политика современной правящей элиты Великобритании и Франции¹. Именно этой, безусловно, востребованной и актуальной в современной России теме была посвящена первая книга Т. Н. Андреевой, опубликованная ровно десятилетие назад². Отметим, что особенно продуктивным на книжные публикации оказался для столичного историка-международника минув-

ший год. В этом перечне – тематические главы в академической серии трудов, посвящённых анализу новейшей политической стратегии Европейского Союза³, а также выход в свет новой монографии.

Как известно, участие Великобритании в интеграционных процессах, захвативших Европу, складывалось непросто. В немалой степени этому способствовала специфика предшествующего развития Великобритании как страны имперской и не вполне европейской – «земли за Ла-Маншем». Не случайно, наибольшую трудность для исследователей всегда вызывало постижение феномена британского изоляционизма. Влияние данного фактора на внешнюю политику Лондона подталкивало британцев в сторону осуществления крайне эгоистичного курса сотрудничества, который позволял не обременять себя внешними обязательствами, в том числе по отношению к союзникам. Подобные настроения укрепляли британцев в осознании собственной исключительности, а также в правомерности принятия самокорыстных экономических и политических решений. Лишь глобальные метаморфозы новейшей эпохи, окончательно разрушившие имперские амбиции Великобритании, заставили переоценить некогда ведущую, статусную роль этой страны. Под давлением объективных обстоятельств – их природа также требует системного научного анализа – политическая элита Великобритании постепенно включилась в процессы договорного переустройства европейского континента⁴. Следует признать, что наибольший вклад в формирование современных принципов партнёрских связей Великобритании с Европой внесла Консервативная партия, чьи правительства находились у власти в самые трудные, кризисные годы конца XX столетия. С учётом данного обстоятельства проникновение в глубинную суть «европейского курса» М. Тэтчер и Д. Мейджора, нацеленного в сторону корректировки наднациональных тенденций интеграции в Европе, необходимо для более точного понимания специфики отношений Великобритании и ЕС, сложившихся в начале XXI столетия. Как показали события последнего, весьма беспокойного десятилетия, такая стратегия полностью доказала свою обоснованность и целесообразность. В наши дни Великобритания при безусловном доминировании в Европе стратегии, а также экономических позиций Германии и Франции, сохраняет заметную и во многом определяющую роль в социально-экономической и политической жизни Европейского Союза. Британские позиции, несмотря на их жёсткость, по-прежнему учитываются Брюсселем во многих областях развития данной влиятельной международной организации⁵. В частности, речь идёт о разработке социального законодательства, экономической и валютно-финансовой политики, политики безопасности, а также в определении

общего континентального внешнеполитического курса Европейского Союза.

Изначально свойственные Великобритании «оппозиционность» и «неуступчивость» в рамках интеграционного курса, что, собственно, и явилось предметом интереса Т. Н. Андреевой, вновь проявили себя в последние годы. Таким образом, выявление и осмысление специфики участия Великобритании в строительстве единой Европы является, по-прежнему, важной научной задачей. Во всяком случае, многогранная и сложная палитра взаимоотношений Лондона со странами Европы привлекает внимание многочисленных специалистов и, прежде всего, английских⁶. Как справедливо отметила Т. Н. Андреева, в последние годы данная тема не менее активно исследуется российскими специалистами⁷.

Рецензируемая монография посвящена сложнейшим переменчивым коллизиям европейской политики, проводимой находящимся ныне у власти в Соединенном Королевстве коалиционным правительством. Кабинет был сформирован в мае 2010 г. по итогам очередных парламентских выборов и возглавляется консерватором Дэвидом Кэмероном. Его заместителем стал лидер британских либеральных демократов Николас Клегг⁸. Уже на первых страницах своего исследования Т. Н. Андреева подчёркивает, что в центре её внимания – системный конфликт, который развивается в отношениях современного Лондона с ведущими странами Европейского Союза (Германия, Франция), а также с разветвлённым бюрократическим аппаратом, контролирующим континентальные интеграционные процессы. Заявленному таким образом сюжету полностью подчинена структура исследования (в книге 6 глав).

Автор начинает свой анализ с развёрнутой характеристики целей и стратегии действий коалиционного правительства Великобритании в Европе. Весьма убедительно, опираясь на данные, содержащиеся в разнообразных правительственных документах, Т. Н. Андреева доказывает неизбежность пересмотра «интеграционного курса» Лондона по причине начала долгового кризиса в Греции и в некоторых других странах еврозоны (Ирландия, Португалия, затем Италия, Испания). Справедливо отмечено, что данный поворот в британской политике был также во многом предопределён действиями руководства ЕС. В целях нейтрализации финансового кризиса и в интересах последующего противодействия его негативным последствиям Европейская Комиссия, её глава Жозе Мануэль Баррозу, опираясь на поддержку Берлина и Парижа, заявили о введении «специальных» механизмов финансовой стабилизации и контроля, которые были нацелены в обход стратегических позиций Великобритании, на усиление процессов европейской федерализации. Однако, как поясняет автор, решающим обстоятельством, заставившим коалиционное правительство Великобритании пересмотреть заявленные

ранее финансовые обязательства в рамках помощи «проблемным» странам еврозоны, всё-таки стала колоссальная сумма её собственного долга (более 800 млрд ф. ст.), вызвавшая внутренний экономический спад и долговой кризис⁹. В книге удачно представлен и подробно прокомментирован весь спектр дипломатических и политических усилий, предпринятых Д. Кэмероном как главой британского правительства в целях урегулирования возникших затруднений. При этом автор уделил не меньшее внимание внутрибританской программе экономического восстановления, которая получила одобрение влиятельных континентальных партнёров, в частности Франции. Все эти действия, как показано в монографии, позволили правительству Великобритании в самые сжатые сроки избавиться от дорогостоящего наследия лейбористов в сфере финансовых обязательств перед Европейским Союзом.

На страницах исследования Т. Н. Андреевой подробно рассмотрена крайне болезненная для официального Лондона тема отношения поданных Соединенного Королевства к вопросу о членстве в Европейском Союзе. Осветив её предысторию, автор в дальнейшем вполне оправданно сосредоточилась на характеристике позиций участников правящей коалиции – консерваторов и либеральных демократов – существенно разошедшихся во мнениях при оценке ситуации в этой области. Так, либеральные демократы, в отличие от своих политических союзников, которым было не чуждо желание, как можно быстрее «порвать» отношения с евробюрократами из Брюсселя, изначально выступали за более тесные контакты с ЕС, вплоть до присоединения к еврозоне. В конечном итоге, заинтересованные стороны пришли к компромиссу, который предусматривал проведение в будущем обязательных общенациональных референдумов по каждому из случаев передачи суверенных полномочий Лондона в пользу Брюсселя («Билль о Европейском Союзе»). Можно согласиться с итоговим выводом автора о том, что в начальные месяцы деятельности коалиционного кабинета идея выхода Великобритании из ЕС была недостаточно популярной в обществе, а потому не рассматривалась всерьёз его лидерами¹⁰.

Не менее содержательны и оригинальны последующие разделы монографии Т. Н. Андреевой. К примеру, её вторая глава посвящена поиску собственной интеграционной стратегии правительства Д. Кэмерона – Н. Клегга, пришедшего на завершающие месяцы 2011 г. В этот период небезуспешно Лондон, как показывает автор, активно и последовательно осуществлял «жесткий» курс, нацеленный на получение очередных уступок со стороны Европейского Союза. При этом, ссылаясь на собственные экономические трудности, британцы всячески уклонялись от дополнительного финансового участия в общеевропейских антикризисных программах, но продолжали

рассматривать еврозону в качестве крупнейшего торгового партнёра. Подобные явно «корыстные» расчёты и практические действия, как показано в монографии, не встретили понимания в Европе. Более того, влиятельные континентальные политики предприняли попытки прямого давления на Великобританию. В частности, в книге представлены явно недружественные действия со стороны французского президента Н. Саркози, который в ситуации возникших разногласий, выступил с предложением не допускать участия британской делегации на саммитах еврозоны. Столкнувшись с внешним и достаточно мощным противодействием, лидеры Великобритании были вынуждены смягчить свою обструкционистскую позицию. Впрочем, идти на уступки их вынуждали опасения, что Соединенное Королевство также рискует погрузиться в длительную рецессию, если не будет урегулирован – с сильным участием Лондона – затянувшийся кризис еврозоны. В столь сложной геоэкономической игре особую роль, отмеченную в монографии, сыграло правительство Германии во главе с А. Меркель. Неуступчивый и прагматичный немецкий канцлер, пользуясь недовольством и позицией Великобритании, пыталась помешать укреплению французского влияния в ЕС, а заодно заручиться одобрением собственного антикризисного плана.

Детальное рассмотрение эволюции британской политики по отношению к заявленным европейскими лидерами новым принципам евростроительства – ещё один, крайне важный раздел исследования Т. Н. Андреевой. Анализируя британские правительственные документы, автор приходит к выводу, что в течение 2012 г. кабинет Д. Кэмерона – Н. Клегга сосредоточился на разработке новых тактических принципов, нацеленных на корректировку дальнейшего участия страны в процессах евроинтеграции. Необходимость такого выбора была обусловлена продолжающимся кризисом еврозоны и желанием лидеров ЕС приступить к процессу её модернизации на основе заключения нового европейского договора, что, в свою очередь, требовало внесения серьёзных поправок в прежнюю систему базовых соглашений. В этой ситуации – детально, по неделям, «расписанной» в монографии – правительство и правящая элита Великобритании пытались, прежде всего, не допустить запуска сценария федеративного переустройства Европы. В конечном счёте, правительство Д. Кэмерона – Н. Клегга сумело добиться от Брюсселя главного: сосредоточения на консолидированных действиях по формированию единого европейского рынка и банковского союза, предусматривавших сохранение традиционных британских предпочтений в этих сферах. Важно отметить, что крайне сложные внешнеполитические решения были приняты Лондоном в условиях внутренних политических разногласий. В частности, Т. Н. Андреева акцентирует внимание читателей на развернувшейся кампании критики

действий Дэвида Кэмерона – главного проводника нового «европейского курса» Великобритании – со стороны широкой политической оппозиции с участием либеральных демократов, лейбористов и консерваторов-евроскептиков¹¹.

Завершающие главы монографии посвящены детальной характеристике результатов интеграционной политики британского коалиционного правительства. По мнению автора, избранный курс и попытка его реализации привели к неоднозначным, противоречивым итогам. С одной стороны, Великобритания продолжала вполне успешно сопротивляться бюрократическому давлению Брюсселя, который в союзе с Берлином и Парижем не оставлял попыток ускорить продвижение Европы в сторону федерализации. В этой ситуации, несмотря на углубившуюся конфронтацию, Лондон, по-прежнему, сохраняя частичное влияние в руководящих структурах ЕС. Более того, как показано в монографии, правительство Великобритании сумело добиться некоторых позитивных результатов в развитии своих, во многом осложнившихся, финансово-экономических контактов с Европой. Так, на середине своих полномочий, в 2013 году, коалиционный кабинет приобрёл для своей страны существенные системные льготы на территории ЕС и настоял на сокращении раздутого европейского бюджета. Однако недостаточно последовательная европейская политика правительства Д. Кэмерона – Н. Клегга, как полагает автор, существенным образом осложнила ситуацию в самой Великобритании. В результате недовольство простых британцев, продиктованное развитием внутреннего экономического и социального кризиса, привело к выдвиганию на политическую сцену новой, крайне правой силы – Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК). Как отмечает Т. Н. Андреева, к началу 2014 г. в Великобритании «установилась четырёхпартийная избирательная система»¹², устойчивое функционирование которой было подтверждено статистикой муниципальных и общеевропейских избирательных кампаний. В этой связи можно согласиться с той оценкой автора, что ПНСК, одержавшая важную победу в ходе выборов в Европарламент (май 2014 г.), представляет в наши дни серьёзную угрозу лидирующим позициям старейших политических партий Великобритании.

Подводя черту в оценке результатов исследования, следует особо выделить содержащуюся в заключении констатацию «существенного поражения» правительственного курса Великобритании на «европейском направлении»¹³. Такая оценка, по мнению автора, подтверждается практикой неучастия страны в саммитах еврозоны, в работе Еврогруппы и ЕЦБ, а также негативным по отношению к ЕС настроением значительной части современного британского электората. Продолжая логику рассуждений Т. Н. Андреевой, можно спрогнозировать близкую и, возможно,

достаточно радикальную модернизацию «европейского курса» Лондона. В каком направлении – сближения или окончательного разрыва – будет развиваться новая политическая линия? Ответ на этот вопрос пока неясен. Однако, вне всяких сомнений, стратегические решения в рамках неизбежно обновлённого «европейского курса» будут приняты теми политическими лидерами Великобритании, которые возглавят страну по итогам предстоящих парламентских выборов.

В целом можно констатировать, что автором монографии предпринята вполне уверенная, по-настоящему профессиональная попытка составить собственную, при этом вполне объективную картину противоречий, по-прежнему разделяющих Великобританию и Европейский Союз. Все оценки и выводы работы опираются на солидный круг источников, в списке которых официальные документы британского правительства, материалы прессы, а также заявления и речи ведущих политиков Великобритании, ведущих европейских государств. Вместе с тем, несмотря на обилие цитат и ссылок, в книге, на наш взгляд, явно не хватает «классического» раздела – Приложения. Именно здесь автор мог бы разместить, в интересах читателя, полные тексты, хотя бы некоторых, самых важных документов. Столь же ценными для полноты аналитического исследования, обычно, становятся опубликованные в приложениях таблицы, графики, диаграммы, с подбором статистических данных, в области финансов, торговли, промышленности.

К числу других, достаточно условных, «слабостей» содержательной монографии Т. Н. Андреевой можно отнести её излишне «специальный» характер. По этой причине при чтении текста сразу же возникает ощущение дисбаланса между авторским стремлением представить суду читателей по-настоящему качественную, аналитическую работу, и – продекларированной здесь же (в анонсе) целью «увлечь» широкую аудиторию. Напомним, по словам самого автора, книга рассчитана на исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкий круг заинтересованных читателей¹⁴. Исходя из вышесказанного, на страницах рецензируемой монографии, помимо приложений, весьма кстати, оказались бы ретроспективные комментарии, биографические фрагменты и другие «живые» тематические подробности, которые, действительно, могут заинтересовать и привлечь массового читателя.

Примечания

¹ Андреева Татьяна Николаевна – выпускница МГИМО (1996), кандидат исторических наук (2001), старший научный сотрудник Сектора политических проблем европейской интеграции, сотрудник Отдела европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ФГБУН ИМЭМО РАН).

² См.: Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е гг.). М.: Компания Спутник-плюс, 2005. Данное монографическое исследование удачно дополнило кандидатскую диссертацию автора – см.: Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

³ См.: Отношения Евросоюз – Россия и Украинский кризис / отв. ред. Н. К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 82–102; Россия во внешнеполитической стратегии Европейского Союза до и после Украинского кризиса / отв. ред. Н. К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 82–102.

⁴ Важно отметить, что представители интеллектуальной элиты Великобритании (экономисты, политики) уже в 20–30-е гг. XX столетия одними из первых начали теоретическую разработку принципов строительства «большой» федеративной Европы.

⁵ В состав Европейского Союза ныне входят 28 стран с численностью населения более 400 млн человек. Последняя из стран, пополнившая состав ЕС, – балканская Хорватия.

⁶ См.: Verdun A. European Responses to Globalization and Financial Market Integration: Perceptions of Economic and Monetary Union in Britain, France and Germany. L.: Palgrave Macmillan, 2002; Dinan D. A History of European Union. L.: Palgrave Macmillan, 2004; Watts D. The European Union. Edinburgh: University Press Ltd., 2008; Green D. G. What have we done?: the surrender for our democracy to the EU. L.: Civitas, 2013 etc.

⁷ Дилеммы Британии. Поиск путей развития. М.: Весь мир, 2014; Капитонова Н. К. Внешняя политика Великобритании (1979–1990 гг.). М.: МГИМО МИД РФ, 1996; Её же. Приоритеты внешней политики Великобритании, 1990–1997 гг. М.: РОССПЭН, 1999; Её же. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 166–203. Тематический список могут продолжить труды других авторов. См.: Остапенко Г. С. Актуальные проблемы общественно-политической жизни Великобритании во второй половине XX в. М.: ИВИ РАН, 2002; Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996; Перегудов С. П., Терентьев А. Великая Тэтчер. «Железная леди». М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. Данная тема стала также предметом диссертационных исследований. См., например: Порецкова Е. А. Евроинтеграционная стратегия Великобритании в период консервативных кабинетов М. Тэтчер и Д. Мейджора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

⁸ Центристская партия либеральных демократов была образована в 1988 г. В её рядах соединились усилия членов Социал-демократической и Либеральной партий. Основателем и первым лидером этого политического альянса, изначально претендовавшего на коалиционное партнёрство с ведущими партиями, стал Пэдди Эштон. Н. Клефт (1967 г. р.) возглавил либеральных демократов в январе 2007 г. На последних выборах в Палату общин (6 мая 2010 г.) ни одна из ведущих партий Великобритании не получила большинства (консерваторы – 37 % и

305 депутатских мандатов, лейбористы – 30 % и 259 % соответственно), что привело к образованию «подвешенного парламента», то есть слабого представительного органа, в котором ни одна из основных партий не имеет большинства. В этой ситуации формальный победитель, консерватор Д. Кэмерон, пошёл на создание коалиционного правительства с участием либеральных демократов (23 % голосов и 54 парламентских мандата).

⁹ Андреева Т. Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона-Н. Клега... С. 7.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Там же. С. 184.

¹³ Там же. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 2.

С. Е. Киясов,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории нового и новейшего времени
Саратовского государственного университета

ХРОНИКА

Д. М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

С. Е. Киясов

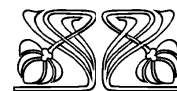
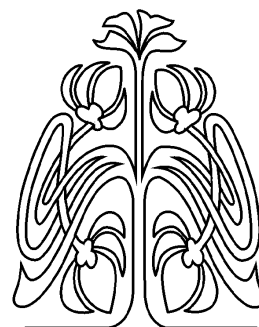
Саратовский государственный университет
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

D. M. Tugan-Baranovskiy: the Strokes to the Portrait

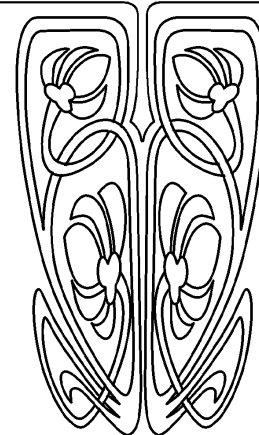
S. E. Kiyasov

Повседневность земного бытия неумолима и беспощадна, особенно в своих завершающих проявлениях: 5 января 2015 года в Волгограде ушел из жизни талантливый учёный, оптимистичный и яркий человек – Джучи Михайлович Туган-Барановский (1948–2015). В дни памяти и скорби перед глазами более отчётливо предстают подробности недавнего общения с ним.

Встреча, а потом и дружба с Джучи Михайловичем, длившаяся несколько десятилетий, связана для меня с обучением в Саратовском государственном университете. Осенью 1977 года мы, студенты-историки, как обычно, собрались на занятия в стенах нашего старого, но уютного и родного IV корпуса СГУ (ул. Радищева, 41). В расписании внимание сразу привлекла «громкая» фамилия нового преподавателя – тогда ассистента кафедры истории нового и новейшего времени – Д. М. Туган-Барановского. Сохранившиеся в нашей памяти фрагменты творческого наследия В. И. Ленина (в те годы строго обязательного для изучения), конечно же, напомнили о дореволюционной полемике, разгоревшейся между вождём мирового пролетариата и учёным-экономистом, кадетом Михаилом Ивановичем Туган-Барановским (1865–1919). Ну, а попытки расширить «горизонты познания» путём обращения к энциклопедическим ресурсам поразили информацией о том, что после февральской революции 1917 г. Михаил Иванович короткое время возглавлял министерство финансов «**контрреволюционной** (выделено мной. – С. К.) украинской Центральной рады»¹. Необычно звучало также его имя. Сам Джучи Михайлович терпеливо объяснял любопытствующим, что его предок вовсе не грозный «завоеватель мира» – Чингисхан (Джучи, как известно, был его старшим сыном), а татарский мурза Туган. Впрочем, для нас, простых советских студентов, одно наличие «за душой» столь солидного генеалогического древа воспринималось как явление явно фантастическое. Между тем из рассказов следовало, что основатель рода сумел отличиться в битве с рыцарями Тевтонского ордена при Грюнвальде (1410), за что получил польско-литовский дворянский титул и фамилию Туган-Мурза-Барановский². В процессе дальнейшего общения выяснилось также, что представители этого старинного семейства не менее ярко проявили себя, оказавшись на службе Российской империи. Среди них были многочисленные военные, учёные и даже литераторы. Джучи Михайлович не любил распространяться о заслугах своих предков, однако некоторые подробности, пусть даже и не особенно героические, всё-таки «рассекречивал». В дружеском кругу он обычно рассказывал, что главные персонажи повести писателя Александра Ивановича Куприна «Гранатовый браслет» – из семьи Туган-Барановских³. Понятно, что ореол «известности» и «родовитости» – столь необычный для советской действительности – ещё долго сопровождал Джучи Михайловича по жизни, делая его «душой» любой интеллектуальной компании, сразу привлекая к нему людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как преподаватель Джучи Михайлович заявил о себе в качестве персоны требовательной, но достаточно демократичной. Нам, студентам, это нравилось. Мы чувствовали, что наш молодой наставник хорошо воспитан, образован и знает намного больше того, что написано в учебниках советской поры. К тому же Джучи Михайлович обладал талантом «многожанрового» рассказчика. Анекдоты, события прошлого, научные оценки – всё преподносилось им хорошим языком, ярко и образно. Семинары (стандартная и не особенно обременительная учебная нагрузка для ассистента прежних времён) проходили под его руководством весьма живо, не скучно, особенно при обсуждении тематических докладов. Мне, в частности, достался «в работу» историографический сюжет, посвящённый выявлению классовой природы якобинской диктатуры. Оказалось, что в отечественной исторической науке по этому вопросу велась напряжённая и давняя дискуссия, участниками которой, с одной стороны, выступали сторонники авторитетнейшего тогда московского профессора А. З. Манфреда (ИВИ РАН), а с другой – ленинградского профессора В. Г. Ревуненкова (ЛГУ).

Не вдаваясь в «устаревшие» подробности этого спора, отмечу, что главным итогом проделанной работы стало знакомство с историей бабувистского движения, вожди которого пытались продолжить дело разгромленных и отрешённых от власти революционеров-якобинцев. В начале второго семестра я и некоторые другие сокурсники, увлечённые проблематикой новой истории, уже числились «дипломниками» Д. М. Туган-Барановского. Правильность сделанного выбора подкрепила информация о том, что наш научный руководитель вскоре успешно защитил в МГУ кандидатскую диссертацию⁴. Несколько позже Джучи Михайлович и его научный наставник – крупный специалист по утопической идеологии Нового времени профессор В. М. Далин (ИВИ РАН) – помогли мне с выбором диссертационной темы. К сожалению, Джучи Михайлович в 1982 году перебрался на работу в «молодой», только что открывшийся Волгоградский университет, а потому выступил на моей защите лишь в качестве благожелательного оппонента. Перед отъездом весьма непродолжительное время он являлся моим кафедральным наставником в СГУ. Установившиеся дружеские, неформальные отношения позволили мне часто бывать на квартире Туган-Барановских в Саратове. Здесь, в частности, жили родители моего коллеги: Михаил Михайлович и Айша Сулеймановна. Если мама Джучи Михайловича изначально производила впечатление открытого, чрезвычайно доброго и заботливого человека, то глава семейства показался мне личностью крайне замкнутой, даже суровой. Впрочем, долгая жизнь Михаила Михайловича (1902–1986), настоящего «героя своего времени», сопряжённая с активной революционной деятельностью в годы эмиграции (Франция, Чехословакия, Румыния,

Болгария, будущая Югославия) и службой в советской военной контрразведке СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны, наложила свой отпечаток на его характер⁵.

Вспоминается также увлечение Джучи Михайловича игрой в шахматы. В «саратовский период» жизни он был одним из «столпов» очень сильной команды шахматистов исторического факультета СГУ. Попытка сразиться с ним за шахматной доской, как правило, заканчивалась для противников быстрым и сокрушительным поражением. Выяснилось также, что Джучи Михайлович мог играть «вслепую», то есть не глядя на доску, легко запоминая все сделанные ходы. Сам он признавался, что ради прогресса в игре мог сражаться «вслепую» на нескольких досках. Отточенная, феноменальная память шахматиста, несомненно, помогала ему накапливать и сохранять огромное количество исторических фактов и другой научной информации.

В последующие годы, после отъезда Джучи Михайловича в Волгоград (в основном по причине отсутствия собственного жилья в Саратове), наши товарищеские контакты не прерывались. С особой благодарностью хотелось бы отметить его поддержку в работе над моей докторской диссертацией. Несмотря на сложность выбранной темы, посвященной конъюнктурной, а потому крайне «неудобной» масонской теме, Джучи Михайлович согласился стать научным консультантом, а позже активно участвовал в организации моей защиты в Волгоградском университете. Он сам, его супруга Людмила Ивановна, а также их небольшая волгоградская квартира в этот трудный период были для меня настоящим оплотом стабильности, надёжности и гостеприимства.

Восстанавливая в памяти фрагменты биографии Джучи Михайловича, следует охарактеризовать его научные приоритеты и наиболее значимые творческие достижения.

В нашей стране и за рубежом Д. М. Туган-Барановский с советских времён был известен как знаток эпохи Наполеона Бонапарта⁶. Неудивительно, что большинство его научных трудов – о людях Французской революции и наполеоновской империи⁷. Важно отметить: все публикации историка – плод кропотливого, детального знакомства с исследовательской – отечественной и зарубежной – литературой, с архивными фондами. Уже в своей первой книге («Наполеон и республиканцы») он, помимо материалов из коллекций отечественных архивов (АВПР, ЦПА), использовал документы Национального архива Франции и библиотеки Ватикана, которые в «невыездные» для провинциального исследователя времена неофициально передавались ему столичными друзьями-коллегами. Всё это позволило Джучи Михайловичу раскрыть малоизвестные в СССР обстоятельства политической деятельности таких опасных противников Наполеона, как Клод-Франсуа Мале, Филиппо Буонарроти,

Шарль Нодье. Позже, в монографии «У истоков бонапартизма», Д. М. Туган-Барановский не менее обстоятельно и также с привлечением редких документальных источников представил на суд читателей картину участия в создании авторитарного режима Наполеона крупных французских банкиров-нуворишей (Габриель Жюльен Уввар, Альфонс Перрего). Всего из-под его талантливо-го и «неравнодушного» пера вышли в свет шесть монографий и несколько десятков статей. Как тонкий и умный стилист Джучи Михайлович всегда был желанным автором ведущих столичных исторических журналов и альманахов («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Французский ежегодник»)». Как было уже отмечено, его вхождение в «большую» науку не осталось незамеченным во времена СССР. Виктор Моисеевич Далин (1902–1985), один из отечественных патриархов истории и историков Франции, прозорливо отметил имя молодого саратовского историка в качестве одного из «сменщиков» старшего поколения отечественных франковедов-новистов⁹.

Разумеется, будучи человеком своего времени, к тому же являясь преподавателем «идеологического» – в реалиях советской действительности – факультета, Джучи Михайлович искренне разделял взгляды тех отечественных (и зарубежных) специалистов в области изучения событий Великой французской революции, которые занимали марксистские позиции. В то же время он симпатизировал усилиям учёных-реформаторов (А. Собуль, В. М. Далин, В. Г. Ревуненков, А. В. Адо). Как известно, эти авторитетные специалисты оправданно пытались расширить хронологические рамки революции конца XVIII столетия, жёстко очерченные классиками марксизма-ленинизма. Итогом их стараний стало использование в СССР изменённой конечной даты революционных событий во Франции, а именно 18 брюмера (9 ноября) 1799 года¹⁰. Пожалуй, особое влияние на становление Джучи Михайловича Туган-Барановского как учёного оказали взгляды и творчество отечественного мэтра, автора блистательной монографии о Наполеоне Бонапарте¹¹ профессора Альберта Захаровича Манфреда (1906–1976).

На рубеже XX–XXI столетий в кризисный для России период Д. М. Туган-Барановский отошёл от любимой «наполеоновской темы» и постепенно сосредоточился на изучении научного творчества и биографии своего деда – Михаила Ивановича Туган-Барановского¹². В сфере вузовской деятельности его усилия были направлены на становление и развитие кафедры новой и новейшей истории Волгоградского университета. В итоге, ему удалось привлечь к сотрудничеству и наладить работу целой группы талантливых молодых специалистов в области всеобщей истории¹³. Многогранная педагогическая деятельность Джучи Михайловича Туган-Барановского была

заслуженно отмечена знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

На разных стадиях собственной жизни и научной карьеры мне довелось общаться со многими, в том числе с самыми известными представителями отечественной исторической науки. Однако первое место в этом ряду для меня, безусловно, принадлежит Джучи Михайловичу Туган-Барановскому – Учителю и Другу.

Примечания:

- ¹ См.: Малая советская энциклопедия : в 10 т. М., 1958–1961. Т. 9. С. 553. На самом деле, на окраинных территориях бывшей Российской империи, в том числе и на Украине, активизировались вовсе не контрреволюционные, а национально-сепаратистские процессы и силы. Центральная украинская рада в марте 1917 г. объявила о рождении суверенной Украинской Народной Республики (УНР). В апреле 1918 г. молодая республика была низложена в ходе переворота, осуществлённого последним гетманом Украины – Павлом Петровичем Скоропадским (1873–1945), провозгласившим образование нового государства – Украинской державы. В декабре 1918 г. гетманский режим сменило правительство украинских националистов Владимира Винниченко (бывший председатель Директории УНР) и Симона Петлюры (бывший военный министр УНР). К этому времени М. И. Туган-Барановский находился с семьёй в Париже, исполняя обязанности посла Украинской державы. В столице Франции он и умер в январе 1919 г. С учётом его заслуг уже в постсоветский период Донецкому национальному университету экономики и торговли было присвоено имя Михаила Туган-Барановского. Джучи Михайлович получил приглашение посетить это учебное заведение в начале нового XXI столетия. Итогом установившихся контактов стали его публикации биографического характера. См.: *Туган-Барановский Д. М.* М. И. Туган-Барановский и Императорское вольное экономическое общество в России. Донецк, 2007; *Он же.* М. И. Туган-Барановский : Биографический очерк : С приложением писем. Донецк, 2009. Их автор был награждён медалью М. И. Туган-Барановского, учреждённой Президиумом Украинской Академии наук.
- ² Первое упоминание этой родовитой фамилии летописи относят к началу XV в., когда татарский принц Темир Туган-бей с женой и детьми прибыл ко двору великого князя (наместника) Литвы – Витовта (1350–1430). Любопытно, что в 1399 г. Витовт, сторонник независимости православной Литвы от католической Польши, навязавшей соседям-литвинам Кревскую унию (1385), предоставил убежище изгнанному из Золотой Орды хану Тохтамышу. В этом же году Витовт (в крещении Александр) вёл неудачную войну против крымского хана.
- ³ Они фигурируют на страницах повести как представители семейства Мирза-Булат-Тугановских. Это княгиня Вера Николаевна, её сестра Анна Николаевна и, наконец, их брат – товарищ прокурора, Николай

- Николаевич. См.: *Курин А. И.* Гранатовый браслет. Повести. Рассказы. М., 2002.
- ⁴ См.: *Туган-Барановский Д. М.* Республиканская оппозиция во Франции в период консульства и империи Наполеона (1799–1812 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. Здесь же, на историческом факультете МГУ, в 1991 г. Джучи Михайлович защитил свою докторскую диссертацию. Это позволило ему возглавить кафедру новой и новейшей истории Волгоградского государственного университета, которой он руководил до 2007 г. (на смену ему пришёл молодой профессор-американист И. И. Курилла).
- ⁵ См.: *Туган-Барановский Д. М.* Политическая деятельность М. М. Туган-Барановского в период эмиграции (1919–1926 гг.) // *История: перестройки и переломы*. Волгоград, 2007. В последние годы своей жизни Михаил Михайлович занимался литературно-публицистическим творчеством. Сохранившееся в позднесоветский период влияние отца, несомненно, спасло Джучи Михайловича от ареста в связи с раскрытием КГБ оппозиционной студенческой организации, действовавшей в период его учёбы на историческом факультете СГУ. По признанию самого Джучи Михайловича, именно отец посоветовал ему заняться написанием диссертации о республиканцах эпохи Наполеона Бонапарта.
- ⁶ Не случайно, именно Джучи Михайлович был приглашён крупным столичным издательством (ИД «Стратегия») в качестве научного редактора и автора Предисловия для выпуска на русском языке монографии французского политика, историка по профессии, Доменика де Вильпена. См.: *Де Вильпен Д.* Сто дней, или Дух самопожертвования / пер. с фр. М., 2003. В декабре 2013 г. я передал Джучи Михайловичу весьма ценный для него сувенир – знак наполеоновского орла, привезённый мной из Бельгии, с места фатального и трагического для французского императора сражения при Ватерлоо.
- ⁷ См.: *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799–1812 гг.). Саратов, 1980 (в 2005 г. монография была переиздана в Волгограде); *Его же.* У истоков бонапартизма. Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1986; *Его же.* Наполеон и власть: эпоха консульства. Балашов, 1993.
- ⁸ См., например: *Туган-Барановский Д. М.* Генерал Мале, общество филладельфов и Наполеон // *Французский ежегодник*. 1973. М., 1975; *Его же.* Якобинцы против Наполеона (1799–1801) // *Новая и новейшая история*. 1977. № 8. Друзьями и наставниками Джучи Михайловича, помимо В. М. Далина, были известные столичные профессора: А. В. Адо, В. А. Дунаевский, В. Г. Сироткин.
- ⁹ См.: *Далин В. М.* Историки Франции. М., 1981. С. 281, 283.
- ¹⁰ См.: *Собуль А.* Первая республика. 1792–1804 / пер. с фр. М., 1974.
- ¹¹ *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971. Сам Альберт Захарович оставался приверженцем традиционной, советской периодизации революционных событий, которая завершала революцию контрреволюционным переворотом 9 термидора (27 июля) 1794 года.
- ¹² В декабре 2014 года, незадолго до смерти, Джучи Михайлович завершил работу над текстом своей последней монографии.
- ¹³ К сожалению, всегда оставаясь деятельным, активным учёным, Джучи Михайлович не стал основателем собственной научной школы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблязов Камиль Алимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Саратовского отделения Научного совета по проблемам татароведения при Институте истории Академии наук Республики Татарстан, Саратов. E-mail: main@narat.ru

Андреев Владимир Васильевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: v.v.andreev@gmail.com

Блосфельд Евгения Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: genhist@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: a.a.german@mail.ru

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: goloub@sgu.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Евсеев Николай Олегович, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: decoloced@mail.ru

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, докторант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: univrandrey@mail.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Институ-

та истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Климов Андрей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела военно-исторической работы Центра оперативно-тактических исследований внутренних войск МВД России, Москва. E-mail: yakut12@post.ru

Красанцов Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Krasancov.evgeny@gmail.com

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mezinsa@mail.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: myakshev@mail.ru

Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула. E-mail: maxozv@yandex.ru

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: larisachernova@mail.ru

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: shenins@yahoo.com

Яковлева Жанна Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: jgv1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ablyazov Kamil Alimovich, PhD in History, Senior Research Fellow of the Saratov Branch of the Tatar Studies Scientific Council of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: main@narat.ru

Andreev Vladimir Vasilyevich, postgraduate student of Saint-Petersburg State University of Economics. E-mail: v.v.andreev@gmail.com

Blosfeld Evgeniya Grigorievna, D.Sc. (History), Professor, Head of the World History Chair of Volgograd social-pedagogical University. E-mail: genhist@vspu.ru

Chernova Larisa Nikolaevna, Dr. Sc. (Hist), Professor of the Medieval History Chair, the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Danilov Victor Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist), professor, Head of the Historiography, Regional history and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Evseev Nicolai Olegovich, Postgraduate student of the Contemporary Russian history Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: decoloced@mail.ru

German Arkady Adolfovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the Contemporary Russian history Chair, the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru

Golub Yuri Grigoryevich Dr. Sc. (Hist), professor, Head of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Associate Professor of the Historiography, Regional History and Archaeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Jakovleva Zhanna Vladimirovna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: jgv1972@yandex.ru

Kiyasov Sergey Evgenievich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Modern and Contemporary History Chair, Institute of History

and International Relations of Saratov State University. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Klimov Andrey Alekseevich, Doctor in History, Associate Professor, Head of the Research Department of the military-historical work of the Center of operational-tactical studies of the interior troops of Russia (Moscow). E-mail: yakut12@post.ru

Krasantcov Evgeniy Sergeevich, postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Krasantcov.evgeniy@gmail.com

Mezin Sergey Alekseevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the History of Russia Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mezinsa@mail.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, Dr. Sc. (Hist), the professor of the Medieval History Chair, Institute of history and the international relations of Saratov State University. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Myakshev Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the Historiography, Regional history and Archaeology chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: myakshev@mail.ru

Os'kin Maxim Viktorovich, PhD in History, Associate Professor of the General Humanities and Social and Law disciplines, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association, Tula. E-mail: maxozv@yandex.ru

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research, Institute of Additional Professional Education, Saratov State University. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of International Relations and Russian Foreign Policy in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Zuev Andrey Viacheslavovich, PhD in History, Candidate for a Doctor Degree of the Russian history Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: univerandrey@mail.ru

Подписка на I полугодие 2016 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

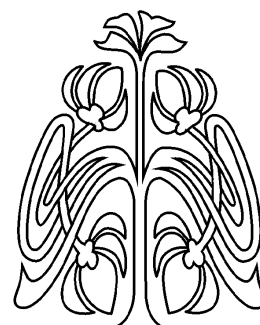
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПОДПИСКА

